

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П. И. Артюх, д-р полит. наук, профессор; **Ю. А. Бабинов**, д-р филос. наук, профессор;
Е. Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент; **А. А. Ирхин**, д-р полит. наук, доцент; **А. В. Казначеев**, д-р
ист. наук, профессор; **М. Н. Козлов** (редактор отдела исторических наук), д-р ист. наук, профессор;
М. С. Колесов, д-р филос. наук, профессор; **А. В. Миронов** (редактор отдела философских наук), д-р
филос. наук, доцент; **Д. Г. Сидорук**, д-р ист. наук, профессор; **Е. В. Скребец** (редактор отдела
политических наук), д-р полит. наук, доцент; **А. А. Чемшит**, д-р полит. наук, профессор

Полные тексты Сборника размещены в Научной Электронной Библиотеке – **eLIBRARY.RU**
(РИНЦ): <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=58369>

Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во
П18 образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ.
ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: П. И. Артюх [и др.]. — Вып. 8. — Севастополь :
СевГУ, 2017. — 106 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия. Текущий выпуск содержит работы по социальной философии и истории философии, истории и краеведению, философии и истории религии, политическим институтам и процессам.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная философия и история философии

Ткаченко Р. В. Мотивы предчувствия постмодернизма в философии М. М. Бахтина	5
Чугунов С. В. Проблема самоценности человека и русской религиозной философии.	11
Миронов А. В. Варианты разрешения национальных и религиозных противоречий в моралистике и этике XX века. 16	
Галяс И. А. Доверие и влияние как условия сохранения целостности современного транзитивного общества.....	21

История и краеведение

Коваленко В. В. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен на Черном море	28
Рыбак И. В. Готы в Крыму: исторический аспект	35
Осиповский С. Н. К вопросу об эффективности власти градоначальника Севастополя на примере выполнения законов, касающихся размещения римско-католического костела	40
Дмитриева В. В. Обереги в родильно-крестильной обрядности крымских и приазовских греков	44

Философия и история религии

Наумова Н. В., Глушак А. С. Патристическая литература в православной традиции Древней Руси	50
Козлов М. Н. Скоморохи на Руси	56
Жиртуева Н. С. Псевдомистика в современной культуре.....	65

Политические институты и процессы

Скребец Е. В. Особенности законодательного проектирования порядка назначения и проведения референдума города Севастополя.	72
Даховник Л. Л. Становление либерально-реформистского направления общественного движения 30-50 гг. XIX века в России	77

Максимова Е. Н.

Перспективы использования концепций лиминальности в политической науке 81

Гарас Л. Н., Каримов А. А.

Микротаргетирование как инструмент фандрайзинга в президентских избирательных кампаниях
США (2004-2016 гг.)..... 86

Чихарев И. А., Бровко В. Ю.

Современная геополитика: информационный и экономический аспекты 93

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 7.03.

В статье анализируются различные вопросы, связанные с концепцией универсальной народной смеховой культуры в творчестве М. М. Бахтина. Рассматриваются отдельные аспекты философии постмодернизма и постструктурализма, связанные с эстетической проблематикой. Исследуется значение феномена карнавализации и гротеска в рамках постклассической эстетики. Также проводится сравнительный анализ концепций различных философов в отношении ряда эстетических категорий.

Ключевые слова: парадигма, постмодернизм, трансгрессия, постструктурализм, карнавализация, гротеск, смех.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

МОТИВЫ ПРЕДЧУВСТВИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ФИЛОСОФИИ М. М. БАХТИНА.

Обращаясь к истории философской мысли, можно столкнуться с феноменом своеобразного философского предвидения, когда позиции того или иного мыслителя на много лет опережали тенденции, явно проявившиеся только в последующих парадигмах и теоретических построениях. Подобные позиции иногда закладывают начала научных революций или служат в качестве фундаментальных аспектов нового парадигмата, а иногда, оставшись неизвестными (или малоизвестными) для современников, становятся объектом пристального изучения историков науки и культуры.

Рассматривая фундаментальные принципы, лежащие в основе парадигмы постмодерна, можно провести своеобразные смысловые параллели, когда те или иные черты «состояния постмодерна» явно вырисовывались в философских или эстетических концепциях того или иного мыслителя. Одной из таких категорий может служить категория трансгрессии, рассматриваемая некоторыми учёными (М. Бланшо, М. Фуко и др.) в качестве одного из фундирующих начал постмодерна. Действительно, трансгрессию можно интерпретировать как своеобразное переступание непреодолимой границы между сложившимся и абсолютно новым, между возможным и невозможным, а также в качестве прорыва за пределы устоявшихся схем, систем и конструкторов. Стоит отметить, что подобные тенденции периодически возникали в истории философской мысли (здесь, к примеру, можно вспомнить философский имморализм Ф. Ницше или экзистенциальную асистематику Л. И. Шестова). Однако именно в постмодернизме трансгрессия приобретает значение бунтарской манифестации, наделяется свойствами экзальтированного эпатажа.

Сущность трансгрессивной проблематики рассматривалась различными исследователями, причём не только в философской сфере, но в области эстетики или психологии. Например, один из фундаторов постмодерна Ж. Батай в своей работе «Теория религии» проводит тщательный анализ такого психологического феномена как религиозный экстаз.

С точки зрения Батая, религиозный экстаз можно интерпретировать как своеобразный переход субъекта за демаркационные линии повседневной обыденности и устоявшейся систематики. Именно при данном переходе иллюминируется предустановленная антиномия между нормальным и ненормальным, посюсторонним и потусторонним, между сакральным и профанным. Батай рассматривает данный «смысловой скачок» как выход за пределы устоявшейся дуальности, как стирание неких привычных границ. Кроме того, трансгрессивный акт несёт в себе и определённые гносеологические изменения в восприятии мира. Перемена в мировосприятии происходит в момент пересечения некоего рубежа: в момент исступленности, внезапного полёта мысли, когда за пределами чувственного открывается сфера умопостигаемого. Именно в трансгрессивных проявлениях исчезает антагонизм ранее дифференцированных и противопоставляемых элементов.

Принципиально новые смысловые поля, не знающие аналогии новые состояния, выступающие в качестве суммы трансгрессивного прорыва, можно охарактеризовать как выход из дуальности,

поскольку они не исходят из обыденности и не выступают как очевидное следствие устоявшихся схем. Аспекты новизны в подобной ситуации характеризуются негативным отношением ко всему ранее существовавшему: открываемый в трансгрессии новый горизонт понимания или осознания рассматривается Батаем, как некая возможность, элиминирующая все предыдущие состояния. Трансгрессию можно определить как переход грани возможного, потенциального, который не придаёт особого значения предыдущему традиционному опыту. Именно данное состояние лишает объекты привнесенной кажимости. «Выбор между противоположными представлениями должен быть связан с немислимым решением проблемы *того, что существует: что существует* в качестве глубинного существования, освобождённого от форм *кажимости?*» [1, с. 102].

Однако хотелось бы отметить, что рассмотрение трансгрессии в качестве абсолютно нового, не знающего исторических аналогов феномена, было бы ошибочным. Так, обращаясь к истории философских и эстетических учений, мы можем встретить абрис трансгрессивных (и в целом постмодернистских) мотивов в творчестве видного русского философа и теоретика культуры М. М. Бахтина (1895 – 1975).

С полной уверенностью можно утверждать, что работы Михаила Михайловича Бахтина заложили основы новых подходов и концепций в изучении языка и структуры литературных произведений (например, концепция хронотопа, проблема полифонизма в литературе). Так, в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965), Бахтин детально анализирует проблематику универсальной народной смеховой культуры. Именно в данном контексте он выдвинул идею об инверсии двоичных противопоставлений, то есть переворачивания смысла бинарных оппозиций. Именно в данном переворачивании профанное занимает место сакрального, возвышенное замещается низменным. Эта концепция была обозначена М. М. Бахтиным как карнавализация. Исходя из идеи карнализации в отношении ценности, то есть табуированного запретного плода, позволяет и требуется производить действия, запрещённые в повседневности. Так, в период средневековья и Возрождения карнавалы обрядово-зрелищные формы, принципиально отличались от официально-церковных и государственных форм и церемониалов. Они давали принципиально иной, акцентировано неофициальный аспект окружающего мира, человека и человеческих взаимоотношений. «Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьёзной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» [2, с. 9]. В момент подобного праздника именно трансгрессия (выражаясь терминологией философского постмодернизма) придавала ему чудесный и нетривиальный вид.

Феномен смеховой культуры, в интерпретации Бахтина, не выступает в качестве монолитного цельного образования, а является многоаспектным, расчленяющимся на отдельные направления. В качестве составляющих здесь выступают: обрядово-зрелищные формы (включающие в себя карнавалы шествия и различные массовые «площадные» смеховые действия), словесные смеховые формы (к ним относятся устные и письменные произведения, в том числе и пародийного характера), а также различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи (например, ругательства, неподцензурная лексика и др.). Однако именно карнавал рассматривается Бахтиным в качестве доминирующего аспекта при исследовании инверсий бинарных противопоставлений. В данном контексте карнавал трактуется не только как праздничное шествие, но и как особое мироощущение, определённая система поведения, включающая в себя особый символический язык, систему специфических церемоний и кодов.

Кроме того, карнавал, как уникальная акция, порождает особое психологическое состояние - массовое карнавальное мироощущение, в котором объективируется специфический смысл народно-праздничных форм. Помимо площадного веселья и гротескной интерпретации социального и политического официоза в карнавальном мироощущении отражается ожидание обновления природы и всего окружающего мира. Мотивы цикличности времени, следования друг за другом особых природных периодов и человеческих циклов – всё озвучивается и зачастую преподносится в гротескной форме в этой площадной акции. По Бахтину, именно гротеск данного действия выступает в качестве особой эстетической концепции существования. Здесь гротеск помогает избавиться от официальной доминирующей точки зрения на природную и социальную действительность и почувствовать возможность принципиально иного миропорядка и мировосприятия. Также в данном действии проявляется феномен своеобразного слияния биологического и исторического времени, идей смерти и возрождения к новой жизни. «Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определённых праздников – создавали специфическую праздничность праздника» [2, с. 17].

В период праздника инверсия бинарных противопоставлений также затрагивала ещё одну сферу, а именно, соотношение сакрального и профанного. На карнавальной площади происходило активное

действие, при котором все оппозиции христианской культуры и все бытовые представления о месте возвышенного и низменного менялись местами. Фигура шута, паяца или, выражаясь языком архетипической символики, трикстера, наделяется здесь элитарным смыслом и становится объектом всеобщего поклонения. Шут и паяц не только претендует, но и помещается на место, которое ранее занимали представители светской и церковной элиты. «Они оставались шутами и дураками везде и повсюду. Как шуты и дураки, они являются носителями особенной жизненной формы, реальной и идеальной одновременно. Они находятся на границах жизни и искусства: это не просто чудачки или глупые люди, но это и не комические актёры» [2, с. 15]. Кроме того, становится довольно символической фигура карнавального епископа, выступающего в качестве кощунственной антитезы официальному церковному сану. При данном подходе все несоединимые противоположности, все формы и символы взаимно перетекают друг в друга и подвергаются глобальному осмеянию. Возвышенное превращается в низменное, мужское становится женским, верх замещается низом. Патетика высоких речей заменяется сквернословием и площадной бранью. Любопытно, но на подобные мотивы культуры и искусства обращал внимание в своих работах выдающийся французский медиевист Жак Ле Гофф. Так, в своём фундаментальном исследовании «Рождение чистилища» при анализе различных аспектов средневековой культуры, он отмечал: «В игре инверсий между культурой учёной и культурой фольклорной обычно именно фольклор воображает мир наизнанку. Здесь мысль учёная, заимствуя восходящую к фольклору тему того света, производит инверсию за свой счёт» [8, с. 439].

Приращение и нивелирование высокого носит в карнавальной культуре вовсе не формальный и совсем не относительный характер. Такие категории как «верх» и «низ» обладают здесь строгим топографическим (и символическим) значением. Верх интерпретируется в качестве неба, сосредоточение возвышенного, патетического и святого. Низ же преобразуется в земное, поглощающее начало, в аспект рождения и возрождения (воспринимающее женское и материнское начало). Если же интерпретировать данное противопоставление в телесном контексте, то верх становится головой, лицом (олицетворением моральных, рациональных и социальных аспектов человека), низ – символом производительных органов, живота и зада (олицетворением плотского, насыщающего). Данные символические категории активно находят отражения в средневековом гротеске и пародийных произведениях. Низ, как и снижение, выступают здесь как приобщение к чему-то бrenному, к поглощающему. «Круг мотивов и образов обратного лица и замещения верха низом теснейшим образом связан со смертью и преисподней» [2, с. 542]. Однако снижение, низ выступает одновременно и рождающим началом. Именно поэтому низкое в карнавальной культуре имеет не только отрицательное, негативное значение, но и положительное, так как низ является источником зачатия и рождения, а, следовательно, и новой жизни.

В интерпретации Бахтина, понимание телесного всегда сопряжено с гротеском или мотивами гипертрофии. Здесь нет, характерной для античности возвышенной эстетики и гармонии обнажённого тела. «Границы между телом и миром и между отдельными телами в гротеске проводятся совершенно иначе, чем в классических и натуралистических образах» [2, с. 453]. Телесные черты, формы головы, носа, выражение глаз, всё активно включается в гротескное описание человека, всё это помогает игнорировать замкнутую и глухую поверхность тела. «Горы и бездны – вот рельеф гротескного тела, или, говоря на архитектурном языке, – башни и подземелья» [2, с. 456].

Любопытно, но активное возвращение к проблеме амбивалентности телесного также наблюдается в парадигме постмодерна. Логически конечное понимание феномена телесности объективируется здесь в гипертрофированном культивировании телесных интенций. Данный феномен сформировался в качестве своеобразной антитезы понятию духовности, которое в своём традиционном смысле было практически исключено из постклассического эстетического дискурса XX века. Именно при помощи категории телесности произошла трансгрессия за пределы трансцендентальной субъективности в сферу чувственности, включения её в поле современных интеллектуальных стратегий, зачастую в сублимированном виде, а часто и в форме обычной сексуальности.

Практически, со времени психоаналитических исследований Фрейда сексуальность интерпретируется в качестве доминирующего аспекта бытия современного человека, детерминирующего собой как социальные, так и антисоциальные проявления личности. Однако наиболее яркие представители постмодернизма (такие как М. Фуко, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Р. Барт) в своих работах формируют категории телесности, телесной топографии, феноменологии тела, текстуального эротического тела и др. Именно данные понятия активно включаются в смысловое и терминологическое поле современной философии, эстетики и культурологии. Однако проблематика сексуальности и телесности в контексте постмодернистской паралогичности наделяется ещё и дополнительными латентными смыслами. Так, по оценке Мишеля Фуко, которую он даёт в своей «Истории сексуальности», «сексуальность в современной культуре отнюдь не может рассматриваться

как пребывающая в своей природной истинности, - благодаря мощи дискурсов она «денатурализована», выброшена в пустое пространство». [6, с. 268]. Таким образом, современная трактовка проблемы сексуальности (в интерпретации Фуко), активно включает в себя и социально-политические дискурсивные компоненты. Телесность (также как и сексуальность) здесь уже не воспринимается как исключительно природно-производительное, эротическое.

Другой видный представитель постмодернизма Жан Бодрийяр в своих работах указывал на иной процесс, присущий парадигме постмодерна – на активную симуляцию практически всех категорий, включая сексуальность. Ситуация постмодерна ставит человека в прямую зависимость от репрезентативных структур, подвергая децентрализации такую категорию как субъект. Характерно, что Бодрийяр рассматривал телесность (как, впрочем, и сексуальность) в современном мире непосредственно через призму «симулякров и симуляций». В состоянии постмодерна происходит ликвидация практически всех референтов и подмена реального знаками реального (симуляция). Таким образом, любой объект и любой знак заменяется некой репрезентационной операциональной копией и наделяется «гиперреальностью симуляции».

«То, что относится к телам, касается и сообщаемого масс-медиа события, информации. Когда вещи становятся слишком реальными, когда они предстают непосредственно данными, реализованными, когда некая таинственная сила приближается к нам вплотную – мы в неустойчивости» [5, с.24].

Кроме того, попытка выведения на легитимный уровень мотивов плотского или анатомического, зачастую шокирующего, функционирует в постмодернистской эстетике в качестве инструмента арт-провокативности. Стремление к активированию эмоциональной включённости зрителя заставляет авторов обращаться порой к категориям шока и жестокости.

Особая специфика смеховой культуры – взаимное влияние и проникновение двух противоположных метаначал (инверсия бинарных противопоставлений) занимает в работах М. М. Бахтина довольно значительное место. Хотелось бы отметить, что помимо применимости подобного подхода к феномену карнавальная культура и пониманию телесных категорий, Бахтин использует подобную методику и при анализе форм времени и хронотопа в литературных произведениях. Данный феномен – «историческая инверсия», рассматривается им в качестве одного из детерминирующих начал при понимании структуры эпоса и романа.

При исторической инверсии (также как и при инверсии бинарных противопоставлений) наблюдается взаимопроникновение различных категорий, влияющих на массовое мышление и восприятие времени. Смысл данного феномена состоит в том, что художественные формы и мифологическое мышление локализует в прошлом такие этические и аксиологические категории как совершенство, идеальное состояние социума и человека. «Мифы о рае, о Золотом веке, о героическом веке, о древней правде; более поздние представления о естественном состоянии, о естественных прирождённых правах и др. – являются выражением этой исторической инверсии» [3, с.76]. При данном подходе прошлое (или будущее) наделяется некой плотностью и большей этической и онтологической весомостью, чем настоящее, рассматриваемое зачастую в качестве состояния упадка и регресса. Любопытно, но данный метод также способствовал становлению утопического мышления и утопического восприятия истории. М. М. Бахтин в своих работах выделял две основные темпоральные формы утопии. Обращённый в прошлое «деградитивный» тип, основанный на исторической инверсии, исходит из идеального состояния в прошлом. Определяя сущность исторической инверсии в данном контексте, «можно сказать, что здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» [3, с. 76]. Ориентированная на будущее «прогрессистская» модель утопии исторически более поздняя и представляет собой в определённой степени проекцию в будущее модели мифического «золотого века», выступающего здесь в роли конца истории.

Помимо символического отражения идеи взаимопроникновения циклов и начал, Бахтин выделяет ещё один характерный признак карнавальная культура. Так, для карнавала свойственна элиминация дистанционности и активная включённость в действие всех задействованных в нём лиц. Здесь невозможна отстранённость театрального созерцания и выдержанная дистанция между сценой и зрительным залом. В данном площадном действии разрушается граница между пассивностью и активностью, между актёром и зрителем, игрой и серьёзностью. «Карнавал не созерцают, - в нём живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден... Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [2, с. 14]. Любопытно, но подобная позиция (элиминирование дистанции между автором (актёром) и зрителем) с течением времени становится характерной чертой также и для постмодернистской парадигмы. Так,

один из фундаторов постмодерна Лесли Фидлер, в своих работах (прежде всего в статье «Пересекайте границы, засыпайте рвы», рассматриваемой многими в качестве истока постмодернизма), неоднократно сосредотачивал внимание на стирании границ между массовостью и элитарностью, на проблеме включённости зрителя или читателя в создание произведения [7, с. 6 - 10]. Именно данный подход объективировался в таких типичных постмодернистских разновидностях акционизма как перформансы и хэппенинги.

Акционизм, в целом, как феномен пост-культуры характеризуется попыткой перенесения акцента с законченного произведения искусства на динамику его создания. Таким образом, доминирующим здесь становится не результат деятельности художника, а процессуальные практики (как правило, с привлечением зрителей).

Хэппенинги, обладая псевдонепреднамеренным характером и совершаясь в местах скопления публики, стремятся вовлечь в разворачиваемое действие случайно оказавшихся там людей. При помощи импровизированных акций, зачастую абсурдно-гротескного содержания, с использованием аксессуаров бытовой повседневности (мусора, бытовых предметов) организаторы хэппенинга стремятся переместить их из обыденного каждодневного контекста в космос некоего иного «параллельного» измерения и восприятия. При этом акцент смещается на элиминировании дистанции между искусственным и естественным, на внедрении в обыденное сознание мысли о том, что любой фрагмент повседневной бытовой реальности может обладать своеобразной художественной и сакральной ценностью.

Несколько иной природой обладают перформансы – действия, совершающиеся по разработанному сценарию и характеризующиеся несколько большей дистанцией между зрителями и исполнителями. Корни перформанса лежат в абсурдизме, поп-арте и в других формах авангардного искусства. Кроме того, некоторые создатели и исполнители перформансов активно прибегают к шоковой эстетике, рассчитывая на активное воздействие на зрителей. В качестве наиболее ярких примеров можно привести перформансы «Выстрел» и «Trans Fixed» американского художника-концептуалиста Криса Бурдена. Однако какие бы цели не преследовали участники хэппенингов и перформансов, их целью, по утверждению видного исследователя нон-классической эстетики Н. Б. Маньковской, является воссоздание атмосферы маскарадов, карнавальных шествий и иных публичных сакральных действий прошлого [9, с. 140 - 143].

Таким образом, рассмотрение генезиса основных аспектов постмодернизма, позволяет выявить их истоки в исторической и культурной ретроспективе. Подобный подход иллюстрирует, что культуру определённой эпохи (например, смеховую культуру средневековья и Ренессанса) не стоит рассматривать исключительно как замкнутый исторический пласт, навсегда исчезнувший и похороненный в пыли фолиантов. «Культуру эпохи, как бы далеко она не отстояла от нас во времени, нельзя замыкать в себе как нечто готовое, вполне завершённое и безвозвратно ушедшее, умершее» [4, с. 333]. Следовательно, ушедшая в прошлое культура активно может воздействовать своими мотивами на настоящее.

Список литературы

1. Батай, Ж. Теория религии. Литература и зло / Ж. Батай. – Мн.: Современный литератор, 2000. – 352 с.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. - М.: Эксмо, 2014. – 704 с.
3. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: «Искусство» 1979. – 424 с.
5. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200с.
6. Грицанов, А. А. Мишель Фуко / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
7. Курицын, В. Н. Русский литературный постмодернизм / В. Н. Курицын. - М.: ОГИ, 2000. – 286 с.
8. Ле Гофф, Ж. Рождение чистилища / Ж. Ле Гофф. - Екатеринбург: У-Фактория, 2011. – 544 с.
9. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. - СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.

Статья поступила в редакцию 15.10.2017

Tkachenko, R. V. *Precursors of Post-Modernism in M. Bakhtin`s Philosophy*

The paper attempts an analysis of various problems regarding the concept of the universal tradition of folk humor in M. Bakhtin`s philosophical writings. Apart from looking upon certain aesthetic issues of post-modernism and post-structuralism, it focuses on the carnivalesque and grotesque ideas within the context of post-classical aesthetics. Besides, the article offers a comparative analysis of a range of philosophical theories approaching different aesthetic concepts.

Keywords: paradigm, post-modernism, transgression, inversion, post-structuralism, carnivalesque theme, grotesque, humor.

УДК 1 (091)

Рассматривается проблема самоценности человека в русской религиозной философии. Самоценность – это процесс возвышения и самоосуществления человека. Анализируются различные подходы и позиции отечественных философов.

Ключевые слова: мир, свобода, человек, государство.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ПРОБЛЕМА САМОЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблема человека являлась одной из центральных в отечественной религиозно-философской мысли. Анализируя эту проблему, в религиозной философии противопоставляются две тенденции. С одной стороны, человеческое желание саморазвития ограничивается смирением перед лицом Бога. Стремлению проявить себя как индивидуальность противостоит необходимость признания приоритета Божественных деяний. Чтобы человек мог до конца утвердить себя, не теряя источник и цель своего творчества, он должен был утверждать не только себя, но и образ Бога в себе. С другой стороны, большинство философов отмечало, что христианство дарует человеку духовную силу, осознание высших нравственных форм поведения, а, главное, свободу выбора и активного действия. Не случайно, поэтому, проблема ценности человеческой жизни и пути возвышения человека стали одним из объектов анализа. Сложность решения этой проблемы связана, прежде всего, с необходимостью поиска и доказательства реальных оснований и условий самоценности человека, его равнозначности по отношению к глобальным онтологическим сущностям, в том числе, и по отношению к Богу.

Перед силой и давлением Абсолюта, человек ничтожно мал, но, в тоже время, это не слабая сторона жизни личности, а скорее стимул к активной деятельности. Человек - венец творения, образ и подобие Бога. Он наделен силой воли и свободой выбора. Более того, творение Богом мира, приобретает в человеке свою логичную завершенность, ибо человеческая личность выступает некой смысловой целью того, что сотворено божественным творением. Только человеческая разумная личность способна реализовать тот замысел создателя, который он вложил в процесс творения, с целью предотвратить возможность хаотического разрушения мира. Поэтому, задача человека заключается в спасении мира и внесение в него силы порядка, любви и гармонии.

Вера и реальные дела человека должны составлять гармоничное единство, они не мыслимы друг без друга. Вера выступает как нравственное начало, как основа «просвечивающая» все деяния человека. Православное христианство не разрушает веру человека в свои силы и возможности, а даже, наоборот, укрепляет их. Православие всегда воспитывало в человеке уверенность в своем творческом потенциале, так как этим качеством наградила личность Бог. Русские философы подвергали критике католицизм за его стремление ограничить сферу взаимодействия человеческой личности с окружающим миром, вне этого взаимодействия, говорить о достижении целостности человеческой жизни, просто нельзя.

Восточно-православная вера - это вера, основанная на слиянии человека с Богом. Как считал В. С. Соловьев, только Восток хранит тайну единения человека и Бога, тогда как Запад эту тайну утратил. В католицизме, как бы человек не стремился к Божественной сущности, он все же остается вне ее действия. Историческая правда, по мнению русского философа, заключается в том, что западный путь постижения божественных деяний является ограниченным, поэтому все более и более отступает от религиозных истин. В западном христианстве, человек стремится к Богу, проявляя влюбленность и томление. В православии, Бог внутри человека, в его сердце. Здесь Бог нисходит к человеку, и личность воспринимает Бога без романтического томления. На христианском Востоке, активность направлена на просветление человеческой природы, а не как на Западе вовне, не на творческую силу. Восток более мужественен, основа мужества – формирование отношений с Богом. Восток не творит историю и не формирует отношения с миром, его задача – творчество новой природы человека во Христе.

Следуя, традиции парадигмы соборности, отечественные философы отмечали, что человек, как активность имеет два направления для самоосуществления: мир индивидуальный и единый соборный мир. В первом из них индивидуальность не развивается полноценно; во втором – человек выступает незаменимой конкретностью, индивидуальностью, которая свободно находит себя в единстве любви. Соборность – это религиозный коллективизм, отличный от знакомых Западу категорий

индивидуализма и авторитарности. Более того, соборность не выражима ни в каких рациональных или юридических терминах, да и в традиционном православии, как считали русские философы, они отсутствуют.

Так, например, А. С. Хомяков был убежден, что соборная свобода не есть какая-нибудь стихийная сила, она является неотъемлемым качеством личности, которая получила в православной религии высокое развитие. Беда человека заключается в том, что познавая свободу, он, одновременно, осознает свою ограниченность. В своей жизни человек окружен миром предметов и других людей, которые и есть те ограничения, заставляющие личность действовать. Люди невольно наделяют предметы свойствами и силами, воздействующими на них и мешающими их активному изменению. Эти, независимые от осознания людьми силы, представляются личности, как непреодолимые препятствия, причины неудач и ошибок. Человек, проявляя слабость, испытывает соблазн отказаться от активного действия, и не желает удержаться в рамках духовного согласия. Свобода дана человеческой личности для духовного возрождения. Слабые духом, не в состоянии бороться, они, скорее, видят в процессе освобождения обузу, а не путь к достижению высшего достоинства. Удержать согласие всех внутренне-духовных сил, можно только осознавая себя свободным и причастным к истинному соборному единству и любви к Богу. Именно, такая форма любви, по мнению отечественного философа, поднимает человека и возводит его на степень свободного и сильного духом существа.

Индивидуальное своеобразие свободы, по мнению Хомякова, не отрицает, а, наоборот, укрепляет коллективизм. Философ считал, что индивидуальные стремления человека являются основой для коллективных, действий и не препятствуют осуществлению общих интересов. Наоборот, индивидуальная свобода способствует развитию основ становления русского духа, миролюбия и нравственных основ жизни. Община, как единый социальный организм, культивирует два центральных основания свободы: веру и волю. Вера укрепляет силу духа человека и его стремление изменить свою жизнь. Вера – это основа стремления к единству, источник понимания взаимодействия с другими людьми. Именно она способствует развитию понимания смысла свободы как выражения полноты индивидуальной жизни, права человека не только управлять окружающим миром, но и господствовать над ним. Воля – это, не просто психическое состояние готовности противостоять чему-либо, это, прежде всего, убежденность в правильном действии. Она позволяет осознанию человеком, что идеал его мечтаний и веры может быть воплощен в реальной жизни. Человек, не понимающий этого идеала, утрачивает ощущение полноты бытия, а его свобода превращается в стремление повелевать другими людьми и, в конечном итоге, к утрате единства с другими людьми.

Славянофилы видели в восточном Православии полноту и цельность христианской истины, тогда как католицизм определялся ими, как отход от истинной веры. Они отрицали необходимость объединения восточно-православного мира с миром западно-католическим. Только на православном Востоке, в России, возможна реализация нравственных принципов христианства, тогда как западная религиозная культура – пример ложного отношения к ним.

В тоже время, славянофилы, первыми обратили внимание на отличие русского Православия от своего предшественника – византийского. Сущность различия заключается в отношении к образу Иисуса Христа. В византийском Православии, Христос предстает как всемогущий и совершенный Бог. В русской же православной традиции, акцент переносится на земные качества Христа, на его страдания и желание пожертвовать своей жизнью ради спасения других людей.

Гуманистические ориентиры отечественной религиозно-философской мысли требовали искать меру человека в самом человеке. Стать человеком, обретая свою самостоятельность, можно, только при условии открытости другим людям, наличии интенции на другого человека. Относись к другому как к самому себе - этот нравственный принцип стал, одним из центральных в русской религиозной философии.

Ценность человека состоит в том, что он является субъектом, способным противостоять миру необходимости, царящему в природе. Более конкретно ценность человека заключается в том, что он способен к развитию из природного существа в существо, стремящиеся к объективному и субъективному выбору на основе осознания смысла собственного существования. Но, там, где господствует необходимость, свободы нет. А возможны, только, волевые действия. Воля не разумна. Поэтому волевые действия не всегда ведут к ожидаемому результату. Следуя волевому решению и стремлению «властвовать над предметами», человек забывает, что качественные характеристики вещей, могут быть скрытыми для его волевых желаний. В этом случае, личность, из субъекта действия может превратиться в «раба результата». Если результат не достигим, то человек стремится его достичь. Но, и изменение действий, может не привести к желаемым итогам. Не случайно, поэтому,

отечественные религиозные философы, например, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, отмечали, что свобода заключается не только в возможности действия, а в многообразии его реального осуществления, ибо это соответствует творческим результативным решениям.

Становление человеческой личности определяется уникальной динамикой двух противоположных тенденций. С одной стороны, каждый человек стремится стать универсальным субъектом, чья сфера деятельности ограничена, только, субъективными возможностями. С другой стороны, личность остается элементом социального целого, выступая объектом социально-политического управления. Процесс развития и проявления человеческого «Я» не может быть бесконечным, ибо он ограничен, как морально–нравственными нормами поведения, так и социальными условиями конкретной жизни. Но в тоже время, ограниченным должно быть и стремление управлять индивидуальными действиями людей, ибо, личность должна иметь свободу выбора для проявления своих возможностей и способностей.

Возвышение человека – сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, общество заинтересовано в развитии заложенных в человеке способностей и возможностей. С другой стороны, любые социальные институты и организации постоянно оказывают различного типа воздействия на личность, если она «не вписывается» в определенные нормы и правила социальных отношений. На этот факт и обратила внимание философия всеединства.

Отношения между человеком и обществом опосредованы, различного рода, социальными образованиями. Социальные институты и организации, выступают, как бы «посредниками» в системе отношений «человек – общество». Если цели и задачи человека и посредника не совпадают, то человек «выпадает» из общественных отношений, из их субъекта превращаясь в условие их существования. Такого рода отношения, представители философии всеединства называли «проявлением ложного коллективизма». С другой стороны, признавая себя частью социального целого, человек сталкивается с определенной системой регуляции и осознает себя как ее элемент. Но если, для Карсавина, это означало признание личностью чужого мнения как своего собственного и, в результате, переход на качественно новый этап жизни. То, для С. Л. Франка, «освобождение от ложных иллюзий отношений «Я – Ты», и, в конечном итоге, постижение преимущества отношений «Мы». Приобретая социальную информацию и осваивая ее, личности приходится отказываться от ряда, свойственных ей навыков и способностей, которые, постепенно становятся невостребованными. Как подчеркивал Франк, человек, как бы он не стремился смириться со своей социальной ролью, на определенном этапе начинает ощущать в себе нечто ему «чужеродное». Эти ощущения являются препятствием для развития творческой деятельности личности, ее духовного роста, а главное, внутреннего чувства свободы.

Но не только ложный коллективизм, но и индивидуализм, во всех его проявлениях, стал объектом критики русской религиозной философии. Индивидуализм - это не только причина разобщенности людей, но и условие их внутреннего «рабства». По мнению Л. П. Карсавина, сущность индивидуализма заключается в господстве индивидуального «Я» над социальным «Мы». Даже тогда, когда стремление к личной выгоде пересекается с общественными интересами, индивидуализм не может быть оправдан.

Н. А. Бердяев, а впоследствии И. А. Ильин, подвергли критике индивидуализм в его экономической форме проявления. Бердяев писал: «Так называемый индивидуализм буржуазно–капиталистического общества, связанный с экономической свободой и неограниченной частной собственностью, ничего общего с личностью не имеет и враждебен ей» [1, с.187]. Значение христианства заключается в совершенной им революции. Оно освободило народ от духовного диктата государства и общества, от неограниченной их власти. Христианство возродило в человеке возможность ощущения своих творческих сил, применения их, как путь к осуществлению своего единства с Богом. Но в своей исторической судьбе, христианство искажалось, склонялось перед государственной властью, материальной прибылью, богатством. В конечном итоге, капитализм, а, вместе с ним, экономический индивидуализм, получили оправдание и благословение со стороны Римско- католической церкви. До той поры, пока христианство будет рассматриваться как религия индивидуального спасения, кризис христианской веры, по мнению Бердяева, будет продолжаться.

Развитием «нового религиозного сознания» назвал свою философскую систему Н. Бердяев. «Новое религиозное сознание», у истоков которого стоял Д. Мережковский, можно определить, как комплекс религиозных, нравственных и философских идей, реализация которых, по мнению философов, могла бы привести к созданию «религиозной общественности» - главной силы возрождения России, осмысления опыта гуманизма новой истории.

В русле православно–христианской мысли, русский философ выделял три основных течения, каждое из которых, по его мнению, обладает своеобразными чертами. Эти течения, то сливаются, то

развиваются в противоположных направлениях. Первое течение, выразителем идей которого в девятнадцатом веке был Феофан Затворник – аскетически–монашеское. Это традиционное в православии направление, опираясь на древневосточные традиции, склоняется к утверждению, что христианство есть религия индивидуального загробного спасения. Характерная черта течения – сила человеческого духа, на основе аскетического очищения, противостоящая материальным соблазнам окружающего мира.

Второе течение – православный космизм, чуждый западному христианству, восходящий еще к русскому язычеству. Космизм ставит вопрос о мировой душе, как выражении Премудрости Бога, духовном преображении человека. В качестве примера, Бердяев приводил идеи В. Розанова. Своеобразие христианского космизма философ видел в стремлении развивать безграничные духовные возможности человека с целью его единения с Божественным миром.

Третье течение, также не менее характерное для русского Православия, антропологически–эсхатологическое. Оно ставит вопрос о назначении человека, его судьбе. Наиболее яркими его представителями являлись Ф. Достоевский и В. Соловьев. Центральная проблема этого течения – границы человеческой свободы, творческой активности, возможности самоосуществления.

Важной стороной духовного развития личности русская религиозная философия видела процесс познания Бога. Человеческий разум, необходимость в логической определенности требуют доказательства, что в бытии есть смысл, а божественный мир реально существует. Вера будучи «уверенностью в невидимом», с самоочевидностью свидетельствует о том, что расходится с эмпирическими фактами чувственного бытия и превосходит любую логическую убедительность. Вера не требует слепого доверия к невозможному. Она дана человеку для постижения высшей Истины, ведь этой истиной является Бог.

Бог – это непостижимое бытие, поэтому, задача человека заключается в стремлении научиться, постигать Божественные откровения. Вера требует от личности активных действий. Философы упрекали католическую философию в ее стремлении построить «преграды» активным действиям человека. Вера без дела «мертва», ибо она предполагает внутреннее напряженное действие и творческую активность. В этих действиях проявляется противоречивое отличие истинной жизни от простого существования. Только активные люди, по мнению большинства представителей отечественной философии, в состоянии уничтожить в себе «тварность» своего бытия ради достижения единения с божественным миром. В этом заключается реальность достижения «Царства небесного» и религиозного осмысления жизни. Вера способствует осознанию человеком своей принадлежности к всеобщему всеединству. Человеческая личность, только тогда, обретает истинный смысл жизни, когда ради своего единства с Богом жертвует собственной замкнутостью в эмпирическом мире. Человек, таким образом, является посредником в процессе преображения природного мира.

Для философии всеединства, субъектом истории выступает общество в целом, человечество. Общество само решает, быть ему человеческим, или тоталитарным, противопоставляя социальные цели индивидуальным стремлениям. Процесс возвышения человека – это, скорее, прерогатива общества, а не отдельного человека. Практически, в этих условиях происходит полное подчинение индивидуального «Я» идеям и стремлениям общественного «Мы». Внедрение в социальную практику такого понимания развития, в котором заранее определяются и «этапы», и «конечная цель» не могло достигнуть положительного результата анализа, на, что, и обратили внимание русские философы.

Процесс возвышения человека в обществе, возвращение к принципу «человек как высшая ценность» требует изменения формы социальных отношений. Взаимодействие человека и общества, человека и социальных институтов может строиться, только, на основе диалога. Диалог предполагает подлинные человеческие условия включенности личности в общественные отношения как равноправного, суверенного участника.

Введение диалогических отношений предполагает активность обеих сторон, в первую очередь, активность человека, как их носителя. Эти отношения отрицают действия узких, монологических, утилитарных отношений, при которых человек рассматривается как средство достижения узкосоциальных технологических целей. На основе диалога, когда основой его будет выступать реальная личность, можно преодолеть одномерное представление о человеке, свойственное различным теоретическим построениям. Только при условии, отношения к человеку как высшей ценности, как утверждал Н. А.Бердяев, можно говорить о живой личности, а не об общественной функции. Противоречивость существования человека, как подчеркивали отечественные философы, свидетельствует об относительной «автономности» личности и независимости развития индивидуального бытия от логики действий социальных отношений. Поэтому, необходимо учитывать, не только степень проявления своеобразия жизненных путей личности, но и параметры

индивидуального вклада в различные стороны социальных процессов, например: производства, власти и т.д. Признание относительной «автономности» личности позволило обратить внимание не только на социальные качества человека, но и на его экзистенциальные потребности, желания, страдательные душевные стороны жизни.

Первоначально, душевные муки человека и его страдания, рассматривались, как причина обращения личности к Богу. В более позднее время, как условие сложного и противоречивого процесса. С одной стороны, целостность подлинного бытия личности разрушается. Правда, как отмечали русские философы, человек может не замечать этого, ибо разрыв между объективным и субъективным мирами достаточно велик. Но, если личность понимает всю трагичность ситуации, она переживает ее на чувственно-психическом уровне, стремясь преодолеть разрыв между своими действиями и стремлениями. В данном случае душевные страдания связаны с потерей контроля над условиями своего бытия, превращением объективных условий своего существования во враждебную ему силу. Происходит деформация нравственных устоев личности, растет проявление негативных эмоций, страха перед жизненными обстоятельствами.

С другой стороны, человек начинает задумываться о смысле своей жизни, правильности действий. На первый план постепенно выходят потребности, связанные со стремлениями не только «иметь», но и «быть». Эти потребности выражают экзистенцию человека: желание проявлять богатство своего внутреннего мира, заботиться о своем здоровье, быть живым, а не бездушным «человеко-винтиком». «Потребитель» не обладает творческой силой и, поэтому, отдаляется от Бога. Отдалившись, он утрачивает смысл и цель своей жизни, так как не участвует в преобразовании мира, следуя божественному замыслу. Творческая личность, наоборот, приближена к Богу, творит вместе с ним, постигая смысл бытия и осуществляя задачи своей жизни.

«Обнищанием духа» назвал потребительство В. В. Розанов. По его мнению, потребительское отношение к миру является причиной упадка культуры, так как не способствует истинному пониманию противостояния сил добра и зла. Потребительство – это «слепая» вера в возможность материального обогащения. На самом же деле, человек становится рабом своих ложных стремлений. Европейское стремление к накопительству «опустошает» духовные начала человека, а в результате ведет к утрате благоговения перед Богом. Философ призывал вспомнить то время, когда вера рождала в душе человека страх перед греховными действиями. Грех – это уничтожение и распад души. Поэтому, только в вере, человеческая личность находит успокоение и правильное понимание смысла жизни и истинных действий.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М: Республика, 1993. – 383с.

Статья поступила в редакцию 28.10.2017

Chugunov S. V. The problem of human self-worth in Russian religious philosophy.

The problem of a person's self-worth in Russian religious philosophy is considered. Self-worth is the process of elevation and self-fulfillment of a person. Various approaches and positions of domestic philosophers are analyzed.

Key words: world, freedom, man, state.

УДК 1:3+177.5

В статье проводится сравнительный анализ вариантов преодоления национальных и религиозных противоречий в этических системах и моралистике. В учении Л. Н. Толстого и этике А. Швейцера предлагаются варианты разрешения конфликтов, возникающих на почве ксенофобии, в межличностной коммуникации через восприятие человеческой жизни как ценности. Акцент делается на соотношении государственного и индивидуального подходов в понимании «другого». Направленность самосовершенствования и терпимости предлагается в качестве показателя духовного развития.

Ключевые слова: ценность жизни, благоговение, коммуникация, национальные и религиозные конфликты, ксенофобия, гражданство.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

ВАРИАНТЫ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В МОРАЛИСТИКЕ И ЭТИКЕ XX ВЕКА

В современном мире большинство конфликтов имеют национальный и религиозный контекст, который реализуется на политическом, идеологическом, моральном уровнях общественного сознания. Противостояние охватывает весь диапазон социальных проявлений человека. Позитивное сосуществование индивидов с различными позициями (национальность и вера) в единой системе коммуникаций представляется проблемной, так как область соприкосновения мировоззренческих принципов не имеет для участников процесса общезначимых оснований, свободных от взаимных претензий и исторических обид. Стремление найти пространство для диалога сторон является актуальной задачей философского знания с момента возникновения, провозгласившего идею главенства человеческой сущности над всеми остальными факторами. Рассмотрение концепций, предложенных А. Швейцером и Л. Н. Толстым, о преодолении национального и религиозного антагонизма составляет не только научный интерес, но и является способом практического воплощения идеи человеческой солидарности.

В исследовании используется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий установить причинно-следственные связи между феноменом неприятия другого по расовым, национальным, религиозным критериям и моральными трансформациями, произошедшими в европейском сознании XX века. Комплексный подход к пониманию данной проблемы реализуется через сопоставление морали, политики и социальных отношений, имеющих влияние на формирование личностной модели восприятия другого. В статье понятия «другой» и «иной» используются в порядке синонимичности.

Национальная и религиозная нетерпимость в современном мире исходят из идеи превосходства одного этноса над другим, одной веры над всеми остальными, отстаивается право на уникальность, монополизацию жизненного процесса на определенной территории или в местах компактного проживания. Национализм раскрывается в физическом и духовном вытеснении всего, что не соответствует четко заданным критериям: внешнему виду, поведению, национальному языку, соблюдению обычаев, этнической причастности. Оформляется образ врага, который виноват во всех бедах, любой, причастный к нему, не пользуется доверием, общение с ним подозрительно, так как потенциально содержит элемент измены и предательства своих. Чужой не включается в круг взаимосвязей, то есть не допускается к общезначимой деятельности, его роль низводится до физического присутствия. Ценность человеческой личности модифицируется, подменяясь убеждением в ценности только своего. Моральная дифференциация утрачивает свое значение, так как общие критерии перестают действовать, их компенсируют установки: «свой всегда прав», «чужой отвечает за все ошибки». Человек не свободен в своих приоритетах и выборе, он поставлен в ситуацию заданности, сообщество за него определило, кто прав и кто виноват. «Особенно склонен он (современный человек — А.М.) извинять все бессмысленное, жестокое, несправедливое и дурное в действиях своего народа. Подавляющее большинство граждан наших бескультурных культурных государств все меньше предаются размышлениям, как нравственные личности, дабы не вступать беспрестанно во внутренние конфликты с обществом и заглушать в себе все новые побуждения, идущие в разрез с его интересами» [4, с. 54]. Стремление к сплоченности исключительно на национальной почве растворяет личность в

заданных пределах, обрекая на ограниченность восприятия мира, сдерживает возможности самореализации. Изменение обстоятельств (трансформация государственного курса, иная культурная среда и др.) создает трудности в коммуникации, так как утвердившийся в своих стереотипах индивид не способен воспринимать многогранность мира.

Атмосфера доверия и согласия между человеком и обществом зависит от доминант, которые определяют эти взаимоотношения: терпимости, эмоциональной атмосферы сотрудничества, повседневных установок на коммуникацию, моральных принципов доброжелательности. Выбор личности в дилемме «свой» - «чужой» может не совпадать с официально декларируемыми государством принципами равенства. Гражданская принадлежность индивида очерчивается законами, правами и обязанностями. Формальные признаки гражданства являются основанием для включения в государственную систему коммуникации. В отношениях человека и общества играют более существенную роль убеждения и традиции, связанные с восприятием «другого», принятые данными этносами на протяжении своей истории. Таким образом, субъект социальных отношений существует в двух аспектах: национальном и государственном. Чем меньше противоречий между ними, тем свободнее и гармоничнее его ощущения социального пространства. Диссонанс, заявленных официальных положений и реально представленных в обществе обычаев создает предпосылки отторжения и изолированности между гражданами, разрушает чувство общности и равновесия в едином пространстве существования.

Возникает трудноразрешимая ситуация: прописанное равенство прав, запреты на дискриминацию сталкиваются с бытовым уровнем неприятия другого (цвет кожи, вера, национальная принадлежность). Являясь гражданином, человек не имеет возможности установить полноценные личностные контакты. Индивидуальные качества не принимаются в расчет, их недостаточно, чтобы почувствовать себя своим. Постоянные напоминания, выпады, угрозы оборачиваются нежеланием участвовать в совместной социальной деятельности. Созидательное начало купируется, оставляя место для накопления взаимных претензий, вражды, непонимания. На этом фоне развивается обособление – поиск альтернативных признаков, призванных компенсировать навязываемое чувство неполноценности. Так как изменить собственное происхождение, родовую принадлежность человек не в состоянии, то ему остается выбор: или борьба (в самых различных формах) за свое «я» в том виде, в котором оно продуцировано, или принять демонстративный отказ от индивидуальных сущностных свойств (переход в другую религию, публичное признание чужих обычаев, разорванность связей с прежним окружением) в надежде установить новые контакты.

Ограничения, связанные с участием в общественной жизни по национальным или религиозным признакам, искажают сущность гражданского волеизъявления. Гражданин устранивается от выполнения своих обязанностей или вынужден их саботировать. Осознав себя «чужим» в государстве, он отказывается считать происходящее в социальной сфере имеющим к нему отношение. Кризисы, катастрофы, конфликты раскрываются исключительно через собственные интересы, что трансформирует моральное чувство в эгоцентризм. Сформировавшееся ощущение одиночества сдерживает личностные начинания. Поддержка, взаимопомощь, участие распределяются по степени принадлежности к национальным и религиозным анклавам, тем самым категория целого изымается из индивидуального сознания. Мировоззрение утрачивает полноту бытия, наполняясь агрессией, местью, сопротивлением. Участники общественного процесса теряют стремление к компромиссу, открытости, духовной самостоятельности, подчиняясь неоспариваемым положениям, принятым в данном сообществе. Нравственные суждения перестают выполнять скрепляющую роль. Разлад с окружающими, вызванный несовпадением национальных и религиозных признаков, переходит в ощущение покинутости. Национализм можно трактовать как барьер для позитивного сотрудничества, препятствие для эмоционального сопереживания значимых явлений. Стимулирование национальных страстей искажает государственную политику по отношению к гражданину, создавая атмосферу недоверия и подозрительности. «Интенсивность конфликтов может простирается от мирного соревнования законными средствами до предельного насилия. Она зависит не только от значимости конфликта, но и от имеющихся средств его разрешения» [2, с.52].

В концепциях преодоления национальных и религиозных противоречий основной акцент переносится из сферы социального в область личностной реализации, то есть из этики в моралистику. Рациональные обоснования поступков подменяются чувством сопереживания, в котором раскрывается сущностная связь между людьми. В учении Л. Н. Толстого государство, отстаивая свои интересы, как он считает, чужды большинству граждан, инициирует враждебную позицию по отношению к иным. Война, являясь формой разрешения межгосударственных конфликтов, не совпадает с фундаментальной аксиомой о ценности отдельно взятой человеческой жизни. «Жизнь, какая бы ни

была, есть благо, выше которого нет никакого» [3, с.400]. Ложность «государственных суеверий» заключается в монополизации права определять врагов и союзников, «своих» и «чужих», в этих условиях формируются враждебность, неприятие, подозрительность ко всем, кто не соответствует официально принятым критериям на вхождение в круг близких, где вера и национальность - знаковые показатели. Государственная система, таким образом, выступает разъединяющим началом, устанавливая препятствия к полноценной коммуникации между людьми.

Выходя за пределы социального (государства), так как в нем «гипноз общественного мнения» искажает подлинные чувства человека, Л. Н. Толстой обращается к индивидуальному «духовному началу» с призывом осознать общность моральных заповедей, свойственную всем народам и религиям. Физическое и психологическое насилие проистекает из ложности убеждений, навязываемых человеку извне. Освобождение от принятых эталонов, стандартов, поведенческих моделей восприятия другого способствует реализации возможностей собственного выбора ценностных векторов общения. Государственные установки, определяющие допустимые контакты, существуют параллельно с личным пониманием их рациональной обоснованности. Не пересекаясь в значимых точках коммуникации, они формируют смысловой парадокс относительно ограничения индивидуальных желаний. Эмоциональная расположенность к иным может оказаться сильнее общественных запретов, так как личные качества индивида, с которыми осуществляются непосредственные связи, компенсируют негативные последствия социального воздействия, как наказания за духовную независимость.

С точки зрения Л. Н. Толстого, истинная религия не может воспитывать в человеке зло, жестокость, агрессивность и, тем самым, служить средством разъединения между народами. «Мало сказать, что в каждом человеке такая же душа, как и во мне: в каждом человеке живет то же самое, что живет во мне. Все люди отделены друг от друга своими телами, но все соединены тем одним духовным началом, которое дает жизнь всему» [3, с.33]. Индивидуальная восприимчивость ценности собственной жизни должна приниматься в качестве посылки равенства всех в данном стремлении. Признание этого критерия основополагающим, наделяет его правом доминирования над всеми остальными, переводя национальные и религиозные признаки во вторичные и не оказывающие существенного значения на ценностный мир человека. Л. Н. Толстой возлагает вину за противостояние между людьми на конфессиональные различия, возникшие в результате деятельности конкретных личностей. Преодолевая требуемые стандарты социального предъявления, индивид остается со своей совестью и волей к добру, руководствуясь которыми изживает вражду к иным.

Проблема открытости и закрытости при установлении контактов определяется балансом искренности и лицемерия, раскрывающегося в пределах коммуникационного поля. Столкновение моральных моделей поведения при конструировании отношений с человеком, отличающимся по принципиальным показателям, принятым в обществе, обусловлены ориентацией на социальное признание. Подобная мотивация заставляет отказываться от подлинных чувств, трансформируя их в общепризнанные схемы безличных проявлений терпимости, ситуационно ориентированных на государственную и общественную направленность в вопросах национальной и религиозной толерантности. Эмоциональная составляющая человеческого существования остро реагирует на проявления лжи, противоречащей велению сердца. Убеждение в оправданности насилия по отношению к иным не получает поддержки в том случае, когда индивид берет на себя ответственность в определении содержания понятий добра и зла, и не подчиняется тому, во что не верит. С точки зрения Л. Н. Толстого, социальные условности в процессе взаимодействия с представителями других народов носят искусственный характер и в силу этого не имеют права на приоритетность в ситуации выбора модели поведения.

Идея гуманистического разрешения национальных конфликтов была представлена А. Швейцером. Ее особенностью является приоритет общечеловеческих ценностей над экономическим и политическим прагматизмом в восприятии значимости индивидуальной жизни. Избегая христианской трактовки преодоления национальных различий: равенство всех перед Богом и отказ в приоритете одних национальностей перед другими. Две поведенческие максимы должны определять характер отношений между людьми: «по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Посл. к оллосиям ап. Павла. 3:10-11] и «возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф.22:34-36]. Освобождение человека от эгоцентризма (в том числе и национального) дает ему возможность проникнуться переживаниями другого и на этом основании преодолеть социальные барьеры, навязываемые этническим сообществом. Этическая конструкция А. Швейцера опирается на фундаментальный принцип межличностных отношений, в котором личность другого, его существование, духовное развитие являются единственным критерием поступка. Внешние

несоответствия допустимым контактам, критерии которых определяются национальной группой (цвет кожи, языковые особенности, отличия в укладе жизни, религиозное вероисповедание) в такой ситуации, по его мнению, должны утрачивать свое значение.

Участие в судьбе другого индивида предполагает общее мирочувствие, открытость и взаимопонимание. В идеях мультикультурализма, появившихся в XXI и во многом не оправдавших себя, делается акцент на сосуществовании культур в постиндустриальном обществе благодаря экономической привлекательности развитых европейских стран, не учитывая качественное наполнение утвердившихся моральных правил поведения. Формализация отношений, поверхностный интерес к человеку, ориентация исключительно на материальное благополучие становятся причинами индифферентности по отношению к другому, как результат утвердившихся стереотипов, принятых в общественной системе. Национальное и религиозное неприятие иных трансформируется в устойчивые поведенческие формы, опирающиеся на осознанное ограничение коммуникации и тем самым, препятствуют потенциальной сопричастности, через которую раскрывается боль, страх, тревога, отчаяние, общий для всех спектр чувствований. Следствием подобного являются подавленность, опустошение, духовный хаос, перерастающие в агрессию по отношению к окружающим.

А. Швейцер предлагает четкую и понятную концепцию личностных связей между людьми, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Основой ее становится сама «жизнь» как единственная и подлинная ценность, несущая в себе стимул объединения людей, так как переживаемые индивидом экзистенциалы (смерть, одиночество, страх и др.) имеют универсальный характер. В ней человек принимает на себя ответственность за происходящее, не разделяя ее с социальной системой. Такая позиция подразумевает индивидуальный выбор, основывающийся на свободе и моральной самостоятельности, в котором приоритетом становится чувствующий человек, а не национальная целесообразность. Пользуясь своим выбором, личность конструирует индивидуальное мировоззрение, опираясь на активность собственного мышления. Искренность и оптимизм задают эмоциональную насыщенность мировосприятия и способствуют вере в себя и других. Обусловленность поступков такими моральными посланками исключает национальный и религиозный фанатизм. «Подлинное чувство реальности заключается в осознании той непреложной истины, что мы лишь через основанные на разуме этические идеалы можем прийти к нормальным взаимоотношениям с действительностью. Только благодаря им человек и общество обретут такую власть над происходящими событиями, какую вообще могут обладать. Без них нам – что бы мы ни делали – никогда не вырваться из-под всеисильной власти событий» [4, с.64].

Средством обретения нового смысла существования становится самосовершенствование, направленное на помощь другим. Собственный пример жизни (медицинская помощь, организация больниц для коренного населения Западной Африки) давал А. Швейцеру право на изложенную доктрину. Самоотречение и самопожертвование, генерируемые чувством милосердия по отношению к страждущим, исключают разделение на «своих» и «чужих», заменяя эти понятия общим для всех – «нуждающиеся в помощи». Универсальным критерием отношения к человеку становится принцип «благоговения перед жизнью», утверждающий равенство всех со всеми на основании высшей ценности, признаваемой подавляющим большинство населения, независимо от национальных и религиозных отличий. В такой ситуации любой индивид, как ее носитель, приобретает максимально конкретное значение в глазах других, так как диапазон чувств, переживаемых им, понятен и разделяем каждым. Сопричастность в фундаментальном чувстве жизни обуславливает формирование оптимистического мировоззрения, с помощью которого человек преодолевает страх, уныние, отчаяние, во многом являющиеся причинами ксенофобии. В процессе взаимопомощи, предполагающей уважение к личности другого, утрачивают свое значение внешние различия, концентрируя внимание индивида на подлинной сущности человека. Надежда на обретение смысла жизни выходит за пределы эгоцентризма, включая пространство чувствований других. «Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда других, а с помощью собственного суда над собой. ...Мы их незаметно вовлекаем в борьбу за глубокое духовное самоутверждение, проистекающее из благоговения перед собственной жизнью» [4, с.221]. Моральное учение А. Швейцера контрастировало с катастрофическими жертвами Первой мировой войны, колониационной политикой европейских государств в Африке, нарастающей фазой национальных антагонизмов и, в силу этого, воспринималось общественным мнением как возвышенный утопизм, противоречащий социальной действительности. Но из всех мотиваций человечества остановить конфликты на национальной и религиозной почве, им было предложено единственное универсальное основание, понятное каждому – самосохранение (у Швейцера представленное как «любовь к жизни»).

Отличие моралистического подхода от этического при рассмотрении вариантов разрешения национальных и религиозных конфликтов в сфере межличностных отношений состоит в выборе средства индивидуального совершенствования. Л. Н. Толстой предлагает освобождение от социальных приоритетов в восприятии иных, что должно стать стимулом к самостоятельному духовному развитию, в результате которого жизнь признается единственной ценностью, что препятствует вражде и жестокости между народами. С точки зрения А. Швейцера, взаимосвязь между людьми, отличающимися по расовым, национальным, религиозным показателям осуществляется с помощью независимого мышления, способствующего объединению на общей платформе «благоговения перед жизнью». Выбор этой ценности в качестве общей посылки для данных концепций уравнивает их в основной позиции: жизнь выше искусственных общественных барьеров между людьми.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические. - М, 1994. - 298 с.
2. Ванханен, Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / Т. Ванханен. – М. : Кучково поле, 2004. - 288 с.
3. Толстой, Л. Н. Путь жизни / Л. Н. Толстой. – М. : Республика, 1993. – 431 с. – (Б-ка этической мысли).
4. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.

Статья поступила в редакцию 20.11.2017

Mironov, A.V. Options for resolving ethnic and religious conflicts in moralistic and ethics of the twentieth century

The article presents a comparative analysis of options to overcome national and religious conflicts in ethical systems and moralistic. In the doctrine of L. N. Tolstoy and the ethics of Albert Schweitzer proposes options for resolution of conflicts arising on the basis of xenophobia, interpersonal communication through the perception of human life as a value. The emphasis is on the relationship between the government and individual approaches to the understanding of the "other". The focus of self-improvement and tolerance is proposed as an indicator of spiritual development.

Key words: value of life, awe, communication, national and religious conflicts, xenophobia, citizenship.

УДК 141.7: 316.2

Акцентируется внимание на философской сущности и смысле термина «доверие»; исследуется феномен доверия и влияния как фундамент общественной конструкции и условие сохранения целостности социума в формате традиционного, индустриального и постиндустриального обществ. Сформулирован тезис о том, что от уровня доверия и общепринятых этических норм, на которых оно основано, зависит степень влияния лидера как субъекта вертикали власти на горизонталь коммуникации и на процессы трансформации современного общества переходного периода.

Ключевые слова: вера, доверие, влияние, культура доверия, радиус доверия, лидер, транзитивное общество.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

ДОВЕРИЕ И ВЛИЯНИЕ КАК УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность темы обусловлена возрастанием интереса ученых не только к сложным макроисторическим «социальным трансформациям», происходящим в современном мире, анализу их причин, следствий и проявлений, но и поиском новых путей сохранения целостности человечества как субъекта истории. Стремительное развитие научно-технического прогресса, нарушение экологического равновесия, продолжающаяся борьба идеологий, выражающих противоположные интересы и цели – все это угрожает существованию мировой цивилизации и влечет за собой риски, опасности и неопределенность. Кризисные процессы в экономической, социально-политической и духовной сферах, глобализационные и антиглобализационные тенденции во взаимопроникновении и столкновении культур свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях складывающегося нового постиндустриального сообщества, в котором нет гарантий стабильности и безопасности в отношениях между людьми, народами, странами и государствами.

Большинство мыслителей сходятся в едином мнении – фундаментом для сохранения современной мировой общественной конструкции может стать новая гуманистическая идеология, которая способна выражать интересы каждого человека, каждой социальной группы, каждой партии, всех народов, всех стран. В ее основе должна лежать философия «не страха и насилия», а философия «ненасилия и доверия». Американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какой-то период времени могут решать проблемы социального порядка, но они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе [8]. Именно вера и доверие, как базовые атрибуты гуманизма, являются предпосылкой групповой солидарности, кооперации, одними из важнейших императивов мирного социокультурного существования человечества, средствами его саморегуляции, устойчивости и стабильности в настоящем и будущем.

Цель статьи: выявить философскую сущность и смысл термина «доверие»; исследовать феномен доверия и влияния как фундамента общественной конструкции в формате традиционного, индустриального и постиндустриального обществ.

Доверительные отношения представляют подлинный фундамент любой человеческой и общественной конструкции. Поиск онтологических основ доверия, его содержания и функций продолжается в науке с середины 90-х годов XX века, но трактовка понятия в научном знании по-прежнему неоднозначна. Исследование феномена доверия следует начать с этимологии самого термина. В латинском языке – *credo* - «питать доверие» означает «сердце даю» или «сердце кладу».

Следовательно, доверие принадлежит к числу фундаментальных психологических состояний человека и тесно связано с родовым словом - вера. «Вера – принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в необходимом полном подтверждении истинности принятого со стороны чувств и разума и, следовательно, не могущее претендовать на объективную значимость» [11, с.164]. То есть «это такое отношение к событиям и теориям, даже вымыслам, когда они принимаются за достоверные истины без доказательства» [11, с.164]. В этом смысле слова «вера» является иррациональным знанием, которое стремились познать мыслители Античности, Средневековья и Нового времени - Сократ, Платон, Аристотель, А. Аврелий, П. Абеляр, Ф. Аквинский, Д. Локк, Г. Лейбниц, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, В. Соловьев и др.

В широком рациональном смысле слова «Вера - это убежденность, глубокая уверенность в ком-, чём-нибудь» [10, с.74]. «В этическом смысле вера означает то же самое, что способность доверять, своего рода моральную силу, которая предполагает душевную стойкость. Вера – основа доверия. Оправданием этой веры является только чувство нравственной ценности другой личности. Вера всегда есть риск, так как это чувство может ошибаться» [11, с. 64].

Доверие похоже на веру, но это действенная вера, направленная не столько на Бога, сколько на других людей или на самого себя. В новоевропейской рационалистической философии Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Спинозы доверие осмысливается как социальный феномен в контексте общественного договора, его моральных и правовых оснований. Следовательно, доверие рассматривается как частный случай веры, перенесенный в сферу социальной реальности, на уровень субъектно-объектной связи.

При анализе термина в русских толковых словарях XX века прослеживается четкая связь слова «доверие» с нравственными качествами личности - добросовестность, порядочность, искренность, честность, правильность. Доверие – это:

- «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь» [2, с. 207];

- «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности и правильности чего-нибудь» [10, с.170];

- «убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-либо» [9, с.412].

Психологический аспект доверия актуализируется Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном в конце XIX века. В «Иллюстрированном энциклопедическом словаре» 1893 года издания (Т.10) они определяют доверие (англ. trust) как «психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным» [1, с.842-843].

Философы учитывают смысл указанных аспектов доверия и исследуют доверие как «разновидность надежды, имеющей разумное основание и нацеленной не столько на будущее, сколько на настоящее, не столько на неведомое, сколько на хорошо знакомое, не столько на то, что от нас не зависит, сколько на то, что зависит именно от нас (каждый из нас волен доверять или не доверять кому-то или чему-то; мы сами выбираем себе друзей и врагов). Доверие не исключает ни ошибок, ни разочарований, но все-таки стоит больше, чем слепая надежда или тотальная подозрительность» [6, с.161].

В ходе процесса субъектно-объектного взаимодействия доверитель оказывает направленное или ненаправленное влияние – воздействие на доверяющего и сила его авторитета, его власти способна изменить поведение другого человека, его установки, намерения, представления, оценки. Следовательно, как психологическое состояние личности доверие может возникать под воздействием ряда объективных или субъективных факторов. Это - потребности и интересы личности или общества, их ценностные установки, эмоциональные реакции, предыдущий собственный опыт или опыт предшествующих поколений, уровень интеллектуального развития и т.д.

Таким образом, в современной научной литературе доверие рассматривается одной группой ученых как личностное и групповое состояние, чувство, свойство, отношение, ожидание, установка, процесс социального обмена, процесс передачи информации и других значимых благ и т.д. Тогда самые различные социокультурные и психологические феномены человеческого бытия – уверенность и убежденность; согласование, сотрудничество; дружба и содружество; расчет, связанный с риском; предсказуемость, предположение и предрасположенность; понимание и согласие; интуиция, наитие и предчувствие являются социально-психологическими и этическими характеристиками доверия.

В то же время для другой группы ученых доверие или недоверие - это, скорее, общественное и групповое настроение, климат, социальная ситуация и социальная проблема в различных сообществах людей в конкретные исторические периоды времени. Доверяется тот, кто полагается на общепринятое мнение или на мнение авторитетного лица, и не хочет или не может самостоятельно принимать решения или сделать что-либо сам. Это осмысление сущности доверия современными мыслителями – А. Селигменом, Ф. Фукуямой, П. Штомпой, Ю. Веселовым позволяет говорить об особой культуре доверия, которая формируется в определенном культурном контексте, активно воспроизводится в социальных системах и может сознательно планироваться и регулироваться в них [4; 8; 12].

С социально-философской точки зрения изучать проблему доверия и влияния можно в системе координат общественного развития как сложный и уникальный процесс формирования субъектом властной деятельности в конкретном историческом обществе нравственно - психологических установок, которые могут считаться значимыми для большинства социальных групп. В то же время

каждая социальная группа в конкретном историческом обществе, как бы там ни было, привносит свое понимание общечеловеческих ценностей системы и осмысливает категорию доверия, исходя из своего восприятия действительности и сложившихся представлений о правильности происходящего, понимания адекватности процессов и явлений с точки зрения принципов справедливости, ответственности, честности и добросовестности.

Анализ исторического процесса в системе координат общественного развития (вертикаль власти и горизонталь коммуникации) подтверждает, что все ключевые, в том числе моральные качества и ценности субъекта власти обусловлены специфическими социальными потребностями и интересами изменяющихся обществ, придающими смысл и направление личностным позициям, поведению и поступкам личности правителя (лидера). Доверие к лидеру как субъекту власти является своеобразным признаком, характеризующим различные периоды исторического развития общества и личностного развития человека в нем. Эволюцию доверия как фактора целостности социума можно рассмотреть через анализ и смысл данного явления в условиях традиционного (аграрного) общества, общества модерна (индустриального) и постмодерна (постиндустриального общества).

Доминирующие принципы влияния, доверия и согласия закладываются уже на ранних этапах формирования социума, с возникновением первых общественных структур в истории человечества – род, племя, семья. В рамках условий и отношений первобытного общества, в поведении вождя изначально доминирующее значение имеют генетические стереотипы первообраза вожака в живой природе – его биолого-психологические природные особенности (физическая сила), которые диктуются инстинктами (инстинктом власти и инстинктом самосохранения). К вожаку привыкают и ему доверяют изначально неосознанно. В монографии Г. Г.Васильева «Социокультурная эволюция и социальное управление» отмечается, что уже на раннем этапе развития человеческие коллективы «заимствуют у животного мира присущий ему принцип бессознательного управления, но с качественно иным, вне генетическим способом хранения и передачи информации» [3, с. 41].

С появлением речи, как специфического явления человеческого общения, формируется способность вождя, жреца подчинить диктату слова и насилия инстинкты другого индивида. Слово выполняет важную функцию внушения (суггестии). В процессе сублимации – преобразования природно-биологических свойств индивида в социальные качества и под воздействием среды обитания (ойкумены) в первобытном доклассовом обществе вождь формирует в себе особые психосоциальные качества – влияние и доверительность, которые позволяют ему доминировать и управлять общиной кровных родственников. Принадлежность к «своим» наделяет членов социальной группы высоким кредитом доверия.

Авторитет личности вождя, доверие к нему в дальнейшем поддерживается постепенно возникающими социально-нравственными (морально-религиозными) предписаниями и нормами, священными запретами – табу, опирающимися на авторитет родового тотема и высших сил - духов предков. В условиях ранних первобытнообщинных отношений складывается особый механизм управления – власть авторитета, в котором влияние, господство, зависимость, добровольное повиновение лидеру являются источником благополучия человеческих коллективов. Чем больше возрастает взаимное доверие, взаимопомощь, коллективность между людьми, тем лучше они приспособляются к жизни, друг к другу, главным образом, благодаря степени кооперации между собой. В традиционном обществе личные отношения являются частью системы родственных обязанностей, где высокий уровень доверия к «своему» сочетается с недоверием к представителю других групп («чужаку»). Доверие таким образом сохраняет и транслирует существующую социальную структуру, регулирует совместную жизнедеятельность рода (племени), что способствует сохранению традиций созданной системы.

В традиционном классовом обществе складываются новые отношения господства и подчинения. Они представлены разными принципами построения власти – полисная тирания и эллинистическая монархия; прямая демократия и империя с ее мощным бюрократическим аппаратом, средневековые королевства и средневековые республики. Закладывается основы новой формы лидерства, в основе которой лежат традиции, передаваемые не только генетическими, но и культурными кодами. Мифологемы о лидере, как некие «идеальные» образцы, создаваемые философами и теологами, оправдывают его деятельность в глазах большинства. Отношения в системе координат общественного развития строятся на почитании, уважении и взаимном доверии к моральному авторитету правителя, а социальные институты, опирающиеся на систему абсолютных нравственных установок и ценностей, адаптируют человека к существующему социальному порядку. Поддержание духа солидарности, согласия, справедливости и доверия в отношениях между людьми обеспечивают спасение и выживание социума как в борьбе со стихийными силами природы, так и со своими страстями.

Традиционное общество сохраняет жизненный мир индивида, обеспечивая ему стабильность. Доверие служит защитой повседневности и надежности бытия. Оно выступает как необходимое связующее звено между прошлым, настоящим и будущим, которое обеспечивает непрерывность течения социального времени. Исследователи отмечают, что «традиционное доверие» — это доверие известному и недоверие новому, неизведанному; доверие догмам, а не рациональному знанию; доверие обществу, общине, а не индивиду (как правило, чужому и чуждому); это вера в бога и доверие церкви.

В эпоху модерна идея спасения трансформируется в идею свободы – высшей ценности, во имя которой человек живет и действует. Трансформируется и доверие как феномен. Идея Э. Дюркгейма о договорных началах, т.е. о необходимости соблюдения правил, регулирующих рынки и управляющих исполнением договоров, находится в центре общественно-политической мысли и теории. Увеличивается частота взаимодействия между людьми, но оно становится обезличенным. Общность представлена различными социальными группами и базируется исключительно на взаимном выполнении обещаний. Как отмечает Ю. В. Веселов, «происходит переход от «традиционного доверия» к доверию смешанного типа и далее — к «рациональному» и «современному» доверию» [4, с.115].

Общества, основанные на рыночном типе хозяйствования, воспроизводят новый тип моральных отношений и доверия. В отличие от культурно-детерминированного доверия в традиционных обществах складывается новый тип отношений, основанный на рациональном восприятии действий других и регулирующий безличные отношения человека в социальной и экономической коммуникации. «Отношения доверия становятся, во-первых, функциональными, во-вторых — рациональными, в-третьих — абстрактными (неперсонифицированными)». А. Гидденс называет этот тип доверия – безличное доверие абстрактным «экспертным системам» (техническим, экспертным), которое больше связано с расчетом и является важнейшим условием воспроизводства социальных институтов и стабильности социального мира [5].

В условиях «авторитета власти» государства индустриальное общество формирует иную, чем в традиционном обществе, структуру власти и лидерства. Принципы господства и подчинения доминируют над влиянием, доверием и согласием, но невозможность индивида самостоятельно сохранить стабильность своего жизненного мира вынуждает его верить в бесперебойность функционирования системы и добропорядочность окружающих его людей.

Институт лидерства превращается в обезличенную бюрократическую государственную структуру с четко фиксированной системой полномочий. Вершину этой структуры венчает лидер, которого возвеличивает экономическая и политическая элита. Он выступает в эпоху модерна как «лицо истории», базовый носитель общественного сознания, потребностей, интересов и ценностей масс, партий, групп. Власть и лидер становятся публичными, стоящими над обществом, в котором добиться доверия становится намного сложнее, чем в традиционном обществе. Ощущается «дефицит доверия» к общественным вертикальным институтам (государству) и на смену ему приходит социальное недоверие.

Современное постиндустриальное общество становится еще сложнее и динамичнее. Оно обладает потрясающей сокрушительной силой и беспрецедентным ускорением. Его функционирование немыслимо без абстрактных систем и проблема доверия к ним приобретает жизненно важное значение.

Психологи, социологи и философы вновь акцентируют внимание на феномене доверия как на основе существования человеческого сообщества, его самоорганизации, взаимопомощи и сотрудничестве.

Перспективную концепцию культурной обусловленности уровня доверия в обществе сформулировал американский философ, политолог, политический экономист Ф. Фукуяма. В своей книге «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» мыслитель подчеркивает, что эта характеристика формируется в результате длительной эволюции того или иного общества и определяется культурными факторами. [12].

Доверие, по Ф. Фукуяме, — «ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом). Доверие возникает в рамках определённого сообщества как ожидание того, что «член данного сообщества будет вести себя достойно и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормам. Наличие некоторых устойчивых характеристик доверия в различные исторические периоды и в различных сообществах людей позволяет говорить о культуре доверия [12]. «Культура доверия — это не только исторически сформированные установки, нормы и ценности социального взаимодействия, но и активно

воспроизводимая в социальных практиках структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться» [12, с. 32]. Уровень доверия служит фундаментальным залогом стабильности социальной структуры.

Согласно этой дефиниции в основе взаимного доверия лежит морально-нравственный консенсус, который формируется в определённом культурном контексте. К доверию побуждает ситуация неопределённости, с одной стороны, и оптимистическая надежда на лучшее в другом человеке – с другой. Именно доверие определяет прогресс; успех «самореализации» конкретного общества, оно зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры — уровня доверия, существующего в обществе» [12, с.140]. Мыслитель отмечает, что недостаток доверия может быть лишь смягчен, но не компенсирован государственным вмешательством в хозяйственную жизнь. В обществах с низким уровнем доверия государственная регламентация способна поддерживать хозяйственную эффективность, но не в состоянии привести к позитивным переменам в социальном целом.

Единственной всепроникающей культурной характеристикой сохранения системной целостности современного общества, его стабильной экономической жизни, способности к конкуренции и благополучию нации, согласно концепции Ф. Фукуямы, выступает уровень доверия и общепринятые этические нормы, на которых оно основано. Философ рассматривает отдельные экономические, политические и социальные модели реальных стран, с разным уровнем доверия. К группе с высоким уровнем доверия он относит «избранные», «основанные на доверии» либеральные демократии (США, Германия, Япония), традиционалистские страны (Китай, Мексика), европейские «легковесы» (Франция, Италия), а страны Восточной Европы и бывшего СССР, Тайвань, Гонконг он причисляет к обществам с низким уровнем доверия.

При анализе уровня доверия ученый учитывает различные факторы: модели управления, введенные в этих странах, «линию» правительства, роль внутрисемейных отношений и воспитания, открытых религиозных организаций и закрытых сект и пр. Все аспекты сплетаются им в единую систему, основанную на цифрах и логике, при помощи которых он с легкостью показывает важность доверия в постиндустриальную эпоху. Общество с высоким уровнем доверия позволяет организовать работу людей в более гибком режиме и на коллективных началах путем передачи значительной части ответственности на низовой уровень. Напротив, общество с низким уровнем доверия должно огораживать трудящихся многочисленными бюрократическими правилами.

Доверие и влияние рассматриваются автором статьи как особые социально-психологические свойства личности – субъекта властной деятельности современного общества, способного гармонизировать отношения в неустойчивом, кризисном социуме при его переходе от общества недоверия к обществу доверия и консолидации.

Формирование доверия в современном транзитивном обществе – это объективная потребность и необходимость, к которой побуждает сама ситуация неопределённости, характеризующая переходное общество. Особая роль в этом процессе отводится представителям правящего класса - национальному лидеру и его команде, которые смогут гармонизировать отношения в этнически неустойчивом, многообразном, поликонфессиональном и кризисном обществе и вызывать доверие к себе масс только тогда, когда в своей деятельности будут опираться на базовые атрибуты: волю к истине, волю к власти над обстоятельствами и волю к власти над собой с ориентиром на совершенствование своего духовного мира. Ценностные ориентиры субъекта власти на высшие общечеловеческие ценности, обусловленные социальной сущностью человека, его духовной природой, к которым относится сам человек, его жизнь и счастье, долг и ответственность, честь и достоинство, свобода, совесть и справедливость – это морально-нравственные корреляты, от которых зависит доверие индивида и конкретным социальным институтам, и его представителям.

Новая постиндустриальная эпоха востребует от лидера способности формировать новую гуманистическую этику солидарности, формального равенства и ответственности за будущее как философию любого современного действия. Именно в способности субъекта власти консолидировать общественные и государственные институты и через ценностные ориентиры обеспечивать предпосылку достойного ответа очередному историческому вызову заключается его миссия.

Доверие и влияние взаимосвязаны и взаимозависимы, так как оба свойства базируются на когнитивных и ценностно-мотивационных особенностях личности лидера. Доверяющий и доверитель – две стороны социума, с одной стороны – это оптимистическая надежда на лучшее объекта внимания власти, с другой стороны – доверитель – субъект влияния. Доверяющий (личность лидера, субъект) полагается на партнёра (доверителя) – объект влияния, ожидая, что тот не обманет, не подведёт, осуществит ожидаемое, иначе говоря не нарушит своих обязательств по отношению к доверяющему.

В обмен на эту гарантию объект влияния сам берёт на себя обязательства вернуть долг, в случае необходимости. Взаимность обязательств становится морально-психологической основой для прочного взаимовыгодного долгосрочного сотрудничества. В этом состоит смысл культуры доверия.

В социально-философском плане можно выделить два вида доверия: межличностное и деперсонифицированное. Межличностное доверие устанавливается при непосредственных контактах людей и распространяются на ближний круг общения. Межличностное доверие является предпосылкой формирования малых групп. Деперсонифицированное доверие способствует созданию и поддержанию общения на макро- и мезоинституциональном уровне, когда человек доверяет «не как личности», а как представителю социального института, сертифицирующего его полномочия. Деперсонифицированное доверие связано с представителями легальной власти (правовое или политическое) доверие.

Соотношение между межличностным и деперсонифицированным доверием можно измерить «пространственно-временным» параметром – «радиусом доверия» [12, с.124]. Смысл этого соотношения таков, когда общих ценностей в социуме становится меньше, радиус доверия сокращается; люди продолжают принимать участие в групповой жизни, но авторитет групп и их размеры при этом уменьшаются.

Анализ соотношения двух видов доверия показывает, что при высоком уровне как межличностного так и деперсонифицированного доверия обеспечивается уровень гражданского согласия и эту ситуацию можно рассматривать как идеальную. Здесь власть способствует сохранению гражданского согласия и воспроизводит общество единой культурной модели. Правовые ценности не противоречат моральным. Имеется единая социальная цель: коренные расхождения в интересах и целях между основными социальными субъектами отсутствуют, они осознают свою взаимозависимость и цели не противоречат друг другу, а способы достижения этих целей воспринимаются как приемлемо допустимые.

Другая ситуация, когда царит межличностное и деперсонифицированное недоверие. Социальное взаимодействие оказывается парализованным, власть не способна контролировать события, а самоорганизация социума сильно затруднена в виду отсутствия у граждан взаимного доверия. Эта ситуация характеризуется утратой чувства «мы» - солидарности как на макроуровне – на уровне государства, территории, так и на локальном уровне - семьи – и чревата потерей социальной интеграции. Население, которое не ощущает себя в полной мере гражданами, не может быть активным субъектом гражданского общества. В таких условиях население преимущественно безучастно к политике, стоит вне той или иной ориентации, партии, и, более того, деятельность в партии оно воспринимает как бессмысленный, запутывающий и усложняющий жизнь фактор.

Таким образом, анализ феномена доверия и «пространства доверия» позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, доверие относится к числу, как иррациональных феноменов индивидуального мира человека, так и существует в социальной реальности, где проявляется как характеристика социально-рационального субъектно-объектного взаимодействия, от которой зависит степень эффективности и стабильности общения.

Во-вторых, с социально-философской точки зрения доверие и влияние исторически детерминированы. Современное мировое сообщество в условиях глобализации мира, складывающейся многополярности центров влияния, испытывает «дефицит доверия» в отношениях между странами и народами, остро нуждающимися в преодолении кризисных явлений.

Консолидация общества путём укрепления доверия социальными методами: забота об общественных интересах, прозрачное государственное управление, наличие сильных законов, обеспечивающих ответственность субъектов власти за свою деятельность – это новая коммуникационная стратегия настоящего и будущего человечества.

В-третьих, в системе координат общественного развития межличностное и деперсонифицированное виды доверия взаимозависимы и взаимообусловлены. Движение общества в условиях современной трансформации должно пролегать между первым – идеальным вектором развития, где горизонтальная и вертикальная оси власти имеют общую направленность и согласуются между собой, и вторым, крайним, в котором развитие отношений между личностью лидера (субъектом власти) и индивидами (объектами власти) по горизонтали и вертикали власти рассогласованы.

Завоевать доверие в современной реальности сложно, так как для этого представителям вертикали власти придется порвать со старой институциональной, политической и социальной культурой, обеспечить прозрачное государственное управление и стать носителями новой гуманистической этики как философии любого современного действия.

Список литературы

1. Брокгауз, Ф. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон – М.: ЭКСМО, 2014. – 960 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1268 с.
3. Васильев, Г. Г. Социокультурная эволюция и социальное управление / Г. Г. Васильев. – М.: Унив. гуманитар. лицей, 1997. – 220 с.
4. Веселов, Ю. В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества / Ю. В. Веселов. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 232 с.
5. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М., 1999. – 704 с.
6. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М., 2012. – 752 с.
7. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 565 с.
8. Селигмен, А. Б. Проблема доверия / Пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2002. — 256 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т.1. – 696 с.
10. Толковый словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2003. — 576 с.
12. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. – 732 с.
13. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

Статья поступила в редакцию 24.11.2017

Galyas, I.A. *Trust and influence as terms of keeping the integrity of a modern transient society*

The article is focused on philosophical essence of the concept "trust" as a fundamental social construct and a condition of keeping integrity of traditional, industrial and post-industrial societies. It is stated that the level of trust and general ethical rules determine the degree of influence of a leader as the subject of a power vertical on horizontal communication and on the processes of transformation of a transient society.

Keywords: faith, trust, influence, culture of trust, radius of trust, leader, transitive society.

УДК 177.8

В статье рассматриваются эпизоды из более чем полувековой воинской службы знаменитого российского мореплавателя, первооткрывателя Антарктиды Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, связанные с его пребыванием на Чёрном море и в Севастополе в 1810-1819 и 1828-1830 годах.

Ключевые слова: Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, Севастополь, Черноморский флот, Филипп Тимофеевич Быченский, Алексей Самуилович Грейг, Иван Матвеевич Будищев, Анастасий Егорович Влито, Гвардейский экипаж, Михаил Семёнович Воронцов, карта Чёрного моря.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlalenco.vitalij@yandex.ru

ФАДДЕЙ ФАДДЕЕВИЧ БЕЛЛИНСГАУЗЕН НА ЧЁРНОМ МОРЕ

Среди прославленных мореплавателей, внёсших вклад в становление и развитие Черноморского флота, был и первооткрыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Урождённый Фабиан Готлиб Тадеус фон Беллинсгаузен появился на свет в 1778 году на острове Эзель (ныне Сааремаа) в дворянской семье остзейских немцев. В одиннадцатилетнем возрасте был зачислен в Кронштадтский морской кадетский корпус. В 1795 году Фаддея Беллинсгаузена произвели в гардемарины, а спустя два года в мичмана [26, с. 16].

Молодой офицер отличался ревностным исполнением служебных обязанностей и увлечением морской наукой. Эти его качества привлекли внимание главного командира Кронштадтского порта адмирала Петра Ивановича Ханыкова [12, с. 363-364]. По его ходатайству мичман Фаддей Беллинсгаузен был включён в экипаж шлюпа «Надежда», совершившего вместе с другим шлюпом «Нева» первое кругосветное плавание в истории Российского флота, занявшее три года – с 1803 по 1806 годы [1, с. 27].

Во время путешествия Беллинсгаузену, получившему во время плавания звание лейтенанта, было поручено составление карт. Прodelанную им работу высоко оценил командир шлюпа «Надежда» и всей экспедиции капитан-лейтенант Иван Иванович (Адам Иоганн) Крузенштерн. В «Преуведомлении» к трёхтомному описанию кругосветного путешествия он пишет: «Карты, находящиеся при сем путешествии, сочинены под моим надзиранием, астрономом Горнером и лейтенантами Левенштерном и Биллинсгаузеном... Все почти карты рисованы сим последним искусным офицером, который в то же время являет в себе способности хорошего гидрографа; он же составил и Генеральную карту» [15, III].

По возвращении из кругосветного плавания Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен был произведён в капитан-лейтенанты и продолжил службу на Балтийской флоте, командуя фрегатами «Тихвинская Богородица» и «Мельпомена» [26, с. 17]. В 1810 году переведён на Черноморский флот, где вскоре принял командование 110-пушечным линейным кораблём «Ягудиил» [26, с. 17]. В этой должности он сменил капитан-лейтенанта Иосифа Ивановича Стожжевского, назначенного эскадр-майором при флотском начальнике в Севастополе [25, с. 132]. С 27 июня по 15 августа 1811 года в составе эскадры вице-адмирала Р. Р. Галла «Ягудиил» выходил в крейсерство в район Варны и к проливу Босфор для «поиска и поражения неприятеля» [19, с. 51].

Следует отметить, что в опубликованных ранее, чем в «Общем морском списке», биографических данных о Беллинсгаузене, приводятся другие сведения, связанные с началом его службы на Чёрном море. Так, например, в некрологе, опубликованном в «Морском сборнике» № 7 за 1853 год, сообщается, что в «1812 г. он был переведён в черноморский флот и назначен командиром нового фрегата Минерва» [1, с. 28]. В другом некрологе, опубликованном в столичной газете «Северная пчела», также сообщалось, что Фаддей Фаддеевич в 1812 году переведён в Чёрное море командиром фрегата «Минерва» [12, с. 364].

Впрочем, есть свидетельство о том, что фрегат под командованием Беллинсгаузена находился на Севастопольском рейде уже в декабре 1811 года. Оно содержится в воспоминаниях генерала Дмитрия

Богдановича Броневского, в 1811-1812 годах служившего в чине мичмана на линейном корабле «Победа» Черноморского флота. Сменившись с дежурства, он с группой матросов отправился в город на катере. Далее Броневский пишет:

«Ветер был довольно свежий, холоду, однако же, не было; на рейде стояло несколько судов и в том числе фрегат, кажется, «Амфитрида», под командою капитан-лейтенанта Беллинсгаузена, теперь адмирала и командира Кронштадтского порта» [7, с. 559-560]. Простим генералу, волею судьбы в годы Отечественной войны 1812 года расставшегося с флотом и сделавшего карьеру в кавалерии, то что он спутал фрегат «Минерва», спущенный на воду в Николаеве 29 ноября (11 декабря) 1811 года и вошедший в состав Севастопольской эскадры [32, с. 240], с балтийской «Амфитридой», спущенной на воду в 1807 году [33, с. 88]. Тем более, что он не преминул использовать слово «кажется».

В 1806-1812 годах шла очередная Русско-турецкая война. С конца 1811 года боевые действия на Чёрном море практически прекратились. Турция терпела тяжёлые поражения на Дунае и вела войну из последних сил. Российское правительство также склонялось к прекращению боевых действий, зная о враждебных намерениях Наполеона Бонапарта. В мае 1812 года в Бухаресте между Россией и Турцией был подписан мирный договор. Для Черноморского флота наступило мирное время.

Фрегат «Минерва» под командованием капитан-лейтенанта Беллинсгаузена принял на борт гардемарин и штурманских учеников, совершавших практическое плавание. Затем, в кампаниях с 1813 по 1816 года корабль крейсировал у кавказских берегов [26, с. 17]. Беллинсгаузен, получивший звание капитана 2 ранга, обратил внимание на неверное изображение их на русских морских картах. Произведя астрономические наблюдения, он определил широты и долготы главнейших пунктов восточного берега Чёрного моря [29, с. 682]. О результатах своей работы Беллинсгаузен доложил контр-адмиралу Филиппу Тимофеевичу Быченскому [30, с. 70], назначенному в начале 1816 года на должность флотского начальника в Севастополе [23, с. 256].

4-го (16) июля 1816 года контр-адмирал Быченский направил рапорт Главному командиру Черноморского Флота и портов, Николаевскому и Севастопольскому военному губернатору вице-адмиралу Алексею Самуиловичу Грейгу, назначенному на эту должность 2 (14) марта этого же года [23, с. 435]. В документе сообщалось: «Командир фрегата «Минерва», флота г. капитан 2-го ранга Беллинсгаузен, сего месяца 4-го числа, за № 267, донёс мне, что быв три года сряду посылаем с вверенным ему фрегатом к берегам Абхазским, Мингрельским и Гурийским, всегда встречал неверности на карте тех берегов, что и понудило его в продолжение сих плаваний и особенно с 16-го апреля по 15 июня сего 1816 года составить карту при том представленную, дабы обеспечить у оных берегов частое плавание судов; которую карту при сём Вашему Превосходительству я имею честь представить на благорассмотрение» [30, с. 70].

Вице-адмирал А. Г. Грейг приказал разобраться в данном вопросе смотрителю Черноморского Депо карт капитан-лейтенанту Ивану Матвеевичу Будищеву. К этому времени тот снискал репутацию опытного, квалифицированного гидрографа. В 1797–1799 годах Иван Матвеевич участвовал в описи северного берега Чёрного моря. В 1801–1802 годах, командуя требокой (двухмачтовое парусное судно) «Константин», описал западный берег от Одессы до Босфора и составил карту Чёрного моря [13, с. 292]. В 1803 году Будищев стал создателем Черноморского Депо карт, за что был награждён бриллиантовым перстнем [23, с. 221].

Результаты трудов Ивана Матвеевича были использованы при издании Государственным Адмиралтейским Департаментом карт в 1804 году морской карты Чёрного, Азовского и Мраморного морей [21]. Сам Будищев в 1807 году выпустил «Атлас Чёрного моря» [4]. Годом позже в Морской типографии Санкт-Петербурга вышел его «Морской путеводитель» по Азовскому и Чёрному морям [8]. С 1809 года Иван Матвеевич состоял смотрителем типографии и Депо карт Черноморского флота, продолжая гидрографические работы. В награду за неустанные труды был награждён бриллиантовым перстнем и орденом Св. Владимира 4 степени, а марте 1810 года произведён в капитан-лейтенанты [23, с. 222].

Кавказское побережье И. М. Будищев лично не исследовал. При издании карты Чёрного моря Государственным Адмиралтейским Департаментом были использованы данные капитан-лейтенанта Анастасия Егоровича Влито, опытного боевого офицера. Командуя судном «Святая Ирина», он участвовал в Средиземноморской экспедиции Ф. Ф. Ушакова. Выполнив ответственное задание адмирала, Анастасий Егорович получил его лестную оценку [2, с. 64-67].

А. Е. Влито много потрудился и на поприще гидрографии. В 1801 году, командуя полякой «Экспедицион», он произвёл опись западного берега Чёрного моря [23, с. 312], а также Анатолийского побережья [16, с. 3]. 7 (19) декабря 1804 года, будучи командиром брига «Св. Александр», утонул при крушении корабля у Мингрельских берегов. Эта катастрофа, в которой погиб вместе с экипажем и

линейный корабль «Толгская Богородица», описана русским мореплавателем вице-адмиралом Василием Михайловичем Головинным [10, с. 84-86].

И. М. Будищев пишет в своём рапорте, что «Восточная страна Черного моря или Мингрельской берег от Мыса Адлера чрез Сувукау, Сухум, Кадор, Ускушу, Анагрию до устья р. Риона, сочинены были с обсервованных плаваний г. Влито, учинённых в течении нескольких годов им и другими искусными морскими офицерами, многократно посылаемыми в ту страну. Сверх того, во время пребывания г. Влито в Мингрелии, он делал свои замечания на те берега. Из сих дел сочинена, доказана и утверждена Государственным Адмиралтейским Департаментом карта восточной части Чёрного моря» [30, с. 71].

Далее Будищев утверждает, что опыт десятилетних плаваний подтвердил достоверность используемых ныне карт. Одновременно он ставит под сомнение достоверность исследований, проведённых создателем присланной контр-адмиралом Быченским карты. Иван Матвеевич прямо указывает, что «на представленной к Вашему Превосходительству карте, упущены главные предметы составляющие основание, цель и совершенство морской карты; ибо не показаны на оной плавания, пеленги, наблюдения сделанные сочинителем, глубины, склонение компаса, течения моря и прочие замечания, могущие принести пользу и служить совершенством карты и доказательством истины сего дела; а видно из представленного его экстракта в прошлых годах, что оный, имея хронометр, делал своё наблюдение у трёх пунктов. Но сии наблюдения, могут быть подвержены сомнению от могущего прийти при пушечной пальбе и других обстоятельствах в расстройство хронометра» [30, с. 71].

С рапортом смотрителя Черноморского Депо карт вице-адмирал А. С. Грейг ознакомил Беллинсгаузена. Сохранились замечания, сделанные Фадеем Фаддеевичем на этот документ 3 (15) августа 1815 года. Судя по ним, выраженные И. М. Будищевым сомнения как в квалификации его как картографа, так и в целесообразности проведённых исследований, заделали Беллинсгаузена. В своих замечаниях он отмечает с известной язвительностью:

«Черноморское Депо-карт, означенные места г. Влито и другими искусными морскими офицерами, считает неподверженными погрешностям, и что опыты 10-тилетнего плавания утвердили точность назначения, следственно последующим мореплавателям не остаётся делать иных наблюдений, как только сверять своё плавание по берегам основательно определённым, после чего Черноморскому Депо-карт, основанному на предмет собрания наблюдений, не будет уже никакого дела, кроме праздности.

Напрасно Черноморское Депо-карт упоминает главные предметы составляющее основания, цель, совершенство морской карты, когда оно само главнейшие пункты: Севастополь, Керчь, Козлов, Одесса, Херсон и самое пребывание Черноморского Депо-карт, означило даже в широтах с погрешностями, показанными адъютант-профессором Вишневым - что самое и меня заставило усомниться в верности определений и прочих мест Чёрного моря...

Черноморское Депо-карт может сомневаться и умствовать, что хронометр от пушечных выстрелов покажете долготу неверную - какие же звуки могли сделать разность такую большую в широтах? а когда широты неверны, то как г. Влито и другие офицеры могли определить долготу?» [30, с. 74-75].

Развёрнутый ответ по существу вопроса капитан 2 ранга Беллинсгаузен дал в рапорте, направленном Главному командиру Черноморского флота 14 (26) августа. Прежде всего, он обстоятельно описывает методику и инструментарий проведения описи Кавказского побережья:

«На повеление Вашего Превосходительства под № 977-м, имею честь донести: что Сухум, Редут и Никольской крепостей широты определены астрономическими наблюдениями на берегу, начиная с 10-ти час. до полудни и продолжая беспрерывно до 10-ти час. по полудни, приводя все сии высоты к полуденной, извлекая из всех среднюю полуденную высоту и тогда уже из оной широту места (то самое средство, которое все астрономы ныне употребляют); долгота же по хронометру, в разные рейсы. Прочие места: мыса Адлер, Пицунду, Кадор, местечки Су-ак-су, Старой Сухум, крепости Анагрия, Поты, горы Челма, Пик, Чекши, Хопи, Сахар-беду, Отруб, определены из ежедневных наблюдений широт полуденных и тригонометрических прокладок. Инструменты при сих наблюдениях были употреблены: секстан 10-ти дюймовый, работы английского мастера Траутона; искусственный горизонт ртутный, с кровлею, того же мастера; таблицы «Tables for Navigation and Nautical Astronomy, Joseph de Mendoza Rios» [30, с. 72-73].

Далее Беллинсгаузен не преминул ещё раз уколоть оппонента: «По таковым то, многократно сделанным наблюдениям, оказавшаяся неверность в карте, особливо в широтах, долг мой и собственная моя охота, понудили для пользы службы составить сию карту, и я притом никак не полагал, что сим можно возбудить в Черноморском Депо-карт опыт материнской любви к защищению чад своих в их непогрешимости, как оно обнаружило оную в своих объяснениях» [30, с. 73].

Полемика между двумя исследователями Чёрного моря завершилась с пользой для общего дела. Иван Матвеевич Будищев ещё десять лет возглавлял Депо карт Черноморского флота, продолжая гидрографические исследования. В 1817 году при Адмиралтейском департаменте была переиздана составленная им карта Чёрного и Азовского морей с учётом всех, включая труды Беллинсгаузена, исследований 1811-1816 годов [16, с. 4].

Капитан II ранга Ф. Ф. Беллинсгаузен осенью 1816 года выполнил ответственное поручение командования, доставив в Стамбул на своём корабле чрезвычайного посла России в Османской империи барона Григория Александровича Строганова. По возвращении был назначен командиром новейшего фрегата 44-пушечного фрегата «Флора», на котором совершил переход из Николаева в Севастополь [1, с. 28], а затем плавал между портами Чёрного моря [26, с. 18].

В 1819 году капитана 2 ранга Беллинсгаузена, гидрографические исследования которого были по достоинству оценены, отозвали в столицу. Ему поручили возглавить экспедицию, составленную из шлюпов «Восток» и «Мирный». Первым командовал он сам, а вторым лейтенант Михаил Петрович Лазарев. Оба командира кораблей уже имели опыт кругосветного плавания. Но на этот раз задача была ещё более трудной. Им предстояло проверить утверждения знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука либо об отсутствии материка в районе Южного полюса, либо о невозможности достичь его.

Экспедиция Беллинсгаузена смогла пройти намного южнее широты, достигнутой Куком. 16 (28) января 1820 года русские мореплаватели открыли шестой материк - Антарктиду. За время экспедиции, продолжавшейся с 1819 по 1821 год, «Восток» и «Мирный» 4 раза пересекали южный полярный круг. Они открыли 29 островов, из которых 19 в жарком поясе, 8 - в умеренном и два в области южного полярного океана. Последним были присвоены имена императоров Петра I и Александра I. По итогам экспедиции Беллинсгаузен, ещё до окончания её произведённый в капитаны 1 ранга, получил чин капитан-командора и орден св. Владимира 3 степени [29, с. 682-683].

Описание путешествия было напечатано в 1831 году под заглавием «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах Восток и Мирный под начальством капитана Беллинсгаузена» [5, 6]. В декабре 1821 года за 18 морских кампаний Беллинсгаузен был награждён орденом Св. Георгия 4 класса [26, с. 18]. В 1822-1825 годах командовал 15 флотским экипажем, исправлял должность дежурного генерала при морском министерстве и генерал-цейхмейстера морской артиллерии. В 1826 и 1827 годах командовал отрядом судов в Средиземном море. Был произведён в контр-адмиралы и назначен командиром Гвардейского экипажа [26, с. 18].

В 1828 году, с началом очередной Русско-турецкой войны, Беллинсгаузен во главе своей части прибыл сухопутным маршем в действующую армию, осаждавшую крепость Варна. Здесь экипаж перешёл на корабли Черноморского флота под главное начальство адмирала А. С. Грейга. Ф. Ф. Беллинсгаузен, поднявший свой флаг на линейном корабле «Пармен», вместе с Гвардейским экипажем участвовал в осаде крепости Варна [26, с. 18-19], капитулировавшей 29 сентября (11 октября).

В октябре 1828 года Гвардейский экипаж прибыл в Севастополь и разместился во флотских казармах. В декабре ему был передан 120-пушечный линейный корабль «Париж», командиром которого был назначен контр-адмирал Ф. Ф. Беллинсгаузен [20, с. 97]. В конце января нового, 1829 года Севастопольская эскадра вновь вышла в море. Контр-адмирал Беллинсгаузен, имея флаг на «Париже», командовал кордебаталией (центром боевого порядка) флота под Варною. Находясь затем в крейсерстве у турецких берегов, участвовал при взятии городов Мессемврии, Инады и при блокаде Мидии. За отличие в ходе боевых действий награждён орденом Св. Анны 1 степени [26, с. 19]. 2 (14) сентября 1829 года между Россией и Турцией в Адрианополе был подписан мирный договор, которым подвелись итоги войны.

17 (29) октября флот вернулся в Севастополь. Гвардейский экипаж сдал линейный корабль «Париж» 28-му Флотскому экипажу, разместился в береговых казармах и стал ожидать повеления на обратный пеший переход в Санкт-Петербург [20, с. 99]. Однако приказ о нём задерживался в связи с эпидемией чумы, распространявшейся на юге России после начала войны с Турцией. Повлияла, судя по всему и ситуация в Севастополе, который в это время находился на грани социального взрыва. Ещё весной 1828 года вокруг города было выставлено карантинное оцепление. Суда, прибывавшие в Севастополь, проходили выдержку и обработку в Карантинной бухте [31, с. 52-53].

До лета 1829 года карантинный режим не препятствовал въезду в город через установленные заставы крестьянских подвод с продовольствием и выезду из города жителей при соблюдении некоторых предосторожностей. Жителям разрешалось выгонять на пастбище скот [31, с. 52]. В июне,

в связи выявлением первых заболевших чумой, были введены дополнительные правила. Согласно им, всякий желающий покинуть город или въехать в него, должен был провести от 14 до 19 дней в особо отведённом месте – карантине [14, с. 78]. Все, заподозренные в начале заболевания, незамедлительно изолировались в пещерах, на старых судах и в малоприспособленных зданиях, часто полуразрушенных. Некоторые из помещённых туда умирали от недоедания, а с наступлением зимы и от холода. Севастополь оказался изолированным от остального Крыма. Подвоз сельскохозяйственных продуктов и дров прекратился. Цены на продукты питания резко возросли и стали недоступными для большей части горожан.

Руководство флота и города потеряло, по сути, контроль над ситуацией. Главный командир Черноморского флота, военный комендант Николаева и Севастополя адмирал А. С. Грейг был занят в военных операциях. В конце марта 1829 года умер 69-летний флотский начальник в Севастополе вице-адмирал Филипп Тимофеевич Быченский, временно исполнявший обязанности военного губернатора города. На его место А. С. Грейг назначил контр-адмирал Константина Дмитриевича Сальти [3, с. 95]. Затем в должности флотского начальника в Севастополе его сменил вице-адмирал Константин Юрьевич Патаниоти [24, с. 536].

В начале сентября на должность коменданта города прибыл генерал Андрей Петрович Турчанинов, отличившийся в Отечественной войне 1812 года [27, с. 287]. В октябре была введена особая должность временного военного губернатора Севастополя, который подчинялся Николаевскому и Севастопольскому военному губернатору, то есть Главному командиру Черноморского флота. На неё получил назначение другой герой Отечественной войны, генерал-майор Николай Алексеевич Столыпин [22, с. 55], не относившийся, как и Турчанинов, к чинам морского ведомства. Одновременное пребывание в городе нескольких высоких должностных лиц, с невнятным распределением между ними прав и обязанностей, плюс систематическое вмешательство вышестоящего начальства, не способствовало улучшению обстановки в Севастополе.

Слухи о широком распространении заболеваний среди матросов дошли до императора Николая I. Он направил для ревизии Севастопольского порта своего флигель-адъютанта капитана II ранга Николая Петровича Римского-Корсакова, наделённого соответствующими полномочиями. Им были выявлены масштабные злоупотребления со стороны чиновников и интендантов. Римский-Корсаков сообщал в донесении императору, что «по Севастопольскому порту допущены весьма важные злоупотребления и что приказы Главного командира насчёт приёма провианта и провизии вовсе не исполняются» [14, с. 77].

Получив это донесение, император поручил А. С. Грейгу назначить комиссию для выявления имеющихся злоупотреблений. Приказом Главного командира Черноморского флота в состав её вошли контр-адмирал Беллинсгаузен (с правами председателя), флигель-адъютанты Римский-Корсаков и Казарский, капитан второго ранга Юрьев и один из аудиторов Черноморского флота [18, с. 79].

Работа комиссии осложнялась тем, что причины сложной ситуации в городе по-разному представляли Главный командир Черноморского флота, военный губернатор Севастополя и Николаева А. С. Грейг и генерал-губернатор Новороссийского края граф Михаил Семёнович Воронцов, которому главный военный порт Чёрного моря формально не подчинялся. Первый считал причиной социального напряжения жестокие карантинные меры, а также беззаконие и произвол чиновников, второй был убеждён в виновности руководства Севастополя и флота [17, с. 79].

Из-за конфликта между этими высокими должностными лицами работа комиссии оказалось фактически безрезультатной. В итоге она была распущена. Обстановка в городе продолжала накаляться. 3 (15) июня 1830 года в Севастополе начались массовые кровавые беспорядки, именовавшиеся во времена Российской империи «бунтом», а в советский период «восстанием». Подавить это выступление властям удалось лишь 7 (19) июня [31, с. 52-57].

В источниках и научной литературе имя Ф. Ф. Беллинсгаузена не упоминается в связи с этими трагическими событиями. 20 марта (1 апреля) Гвардейский экипаж выступил к местам постоянной дислокации. 18 (30) июля император Николай I встретил его в Гатчине и нашёл, несмотря на понесённые потери и трудности сухопутного перехода, в отличном состоянии [20, с. 101]. Уже в августе по Высочайшему повелению Ф. Ф. Беллинсгаузен был включён в состав Комитета об улучшениях по флоту, возглавляемого адмиралом А. С. Грейгом. «Комитету предстояло рассмотреть все современные нововведения иностранных флотов, все улучшения и приспособления, привезённых на эскадре контр-адмирала Лазарева, возвратившейся из Средиземного моря, и высказаться насчёт введения их в употребление на нашем флоте» [3, с. 132].

6 (18) декабря 1830 года Ф. Ф. Беллинсгаузен был произведён в вице-адмиралы и назначен начальником 2-й дивизии Балтийского флота [26, с. 19]. В Севастополь Фаддей Фаддеевич больше не

возвращался. В 1831 году, во время польского восстания, его соединение держало блокаду берегов Курляндии от Либавы до Полангена [9, с. 451]. После окончания военных действий адмирал во главе эскадры почти ежегодно выходил в море для практических крейсерств [1, с. 31]. В июле 1839 года Ф. Ф. Беллинсгаузен был назначен Главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором города Кронштадта. В этих должностях он пробыл двенадцать с половиной лет [12, с. 368].

За это время в Кронштадте были выстроены вновь или перестроены многие портовые здания и сооружения - форты, доки, госпиталь, паровой завод и другие. Город украсился скверами, были устроены фонтаны и паровая пристань, расширен летний сад [29, с. 683]. Читая все описания кругосветных плаваний и другие сочинения по части землеописания, Беллинсгаузен постоянно следил за успехами науки, и переносил все новые открытия и поправки на свою карту. Его любви к просвещению, обязан Кронштадт основанием флотской библиотеки [12, с. 368].

В 1843 году Ф. Ф. Беллинсгаузена произвели в чин адмирала. Скончался он 13 (25) января 1852 года. Из 54-х лет флотской службы Фаддей Фаддеевич находился в море тринадцать лет, девять месяцев и четырнадцать дней, участвуя в двадцати семи кампаниях. Шестидесять восемь его имя раз объявлялось в приказах по армии и флоту [12, с. 368]. Ф. Ф. Беллинсгаузен был удостоен практически всех высших наград Российской империи. Похоронили прославленного адмирала на Кронштадтском лютеранском кладбище. В 1870 году ему воздвигли памятник в Кронштадте, выполненный скульптором Иваном Николаевичем Шрёдером и архитектором Ипполитом Антоновичем Монигетти.

Список литературы

1. Адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен // Морской сборник. – 1853. — №7. — С. 26 – 32.
2. Адмирал Ушаков. [Документы.] В 3 т. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. – М. : Военно-морское издательство, 1951–1956. – Т. 3 – 504 с.
3. Асланбеков, А. Б. Адмирал Алексей Самуилович Грейг: Биографический очерк / Сост. Авраамий Асланбеков. — СПб. : в Тип. Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1873. - [2], 172 с.
4. Атлас Чёрного моря / Сочинён флота лейтенантом Будищевым в 1807 году; Издан при Государственном Адмиралтейском департаменте. — СПб.: Гравирован и печатан в Морской типографии, 1807. — 3 л., 10 разв. л. карт.
5. Беллинсгаузен, Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Восток и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена, командира Шлюпа Востока. Шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев / Ф. Беллинсгаузен. — Санкт-Петербург : тип. И. Глазунова, 1831. — Ч. 1. — [8], 397, [2] с.
6. Беллинсгаузен, Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершённые на шлюпах Восток и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена, командира Шлюпа Востока. Шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев / Ф. Беллинсгаузен. — Санкт-Петербург : тип. И. Глазунова, 1831. — Ч. 2. — 326, [1] с.
7. Броневский, Д. Б. Воспоминания Броневского / Д. Б. Броневский // Русская старина. — 1908. — Т. 134. — С. 537–576.
8. Будищев, И. М. Лодия или Морской путеводитель : Содержит описание форватеров и входов в порты, заливы на Азовском Чёрном море, в проливах Воспорском и Византийском находящихся, : С присовокуплением разсуждения о ветрах и о течениях. / Сочинена при Государственном Адмиралтейском департаменте. Ф. лейтен. Будищевым. - В Санктпетербурге : В Морской типографии, 1808. — С. I - V: Введение, С. I – V: Оглавление, — 65 с.
9. Военная энциклопедия. Т. 4 : [Б - Бомба] / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. — Петроград : Т-во И. Сытина, 1911. — С. 319 – 640.
10. Головнин, В. М. Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпенных российскими мореплавателями. Собраны, приведены в порядок и пополнены примечаниями и пояснениями флота Капитан-Командором Головниным. Часть четвертая, служащая продолжением к описанию примечательных кораблекрушений, г. Дункена. Напечатано по повелению Государственного Адмиралтейского Департамента. Издание второе, удостоено Морским учёным комитетом. — Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1853. — [2], 162 с.
11. Есаков, В. А. Русские океанические и морские исследования в XIX - начале XX века / В. Есаков, А. Ф. Плахотник, А. И. Алексеев. — М. : Наука, 1964. - 160 с.
12. Жизнеописание состоявшего при особе Его Императорского Величества адмирала Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена // Северная пчела. — 1853. № 091 (27 апр.) - С. 363-364; № 092 (28 апр.) — С. 367-368.

13. Зубов, Н. Н. Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов / Н. Н. Зубов — М. : Государственное издательство географической литературы, 1954. — 476 с.
14. История города-героя Севастополя / Отв. ред. д-р ист. наук С. Ф. Найда. — Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1960. — 366 с.
15. Крузенштерн, И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» : По повелению е. и. в. Александра Первого : Под начальством флота кап.-лейт., ныне кап. 2-го ранга, Крузенштерна, Гос. адмиралтейского деп. и Имп. акад. наук члена. Ч. 1. — СПб. : Мор. тип. — 1809. — XXV, 379 с.
16. Крыжановский, А. И. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. Часть IV : Чёрное и Азовское моря / А. И. Крыжановский. — Петроград : типография Морского министерства. — 1916. — [2], 61 с.
17. Крючков, Ю. С. Алексей Самуилович Грейг / Ю. С. Крючков. — М. : Наука, 1984. — 104 с.
18. Крючков, Ю. С. Алексей Самуилович Грейг и его время. Адмирал, личность, человек / Ю. С. Крючков. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2008. — 480 с.
19. Кумани, Н. М. Действие Черноморского флота в царствование императора Александра I-го с 1801 по 1826 гг. // Морской сборник. — 1900. — № 12. — С. 49-86.
20. Малышев, Л. А. Морской гвардейский экипаж : 300 лет : история и современность / Л. А. Малышев. — СПб. : МСТ, 2011. — 333 с.
21. Морская карта Чёрного, Азовского и Мраморного морей по новейшим описаниям и Астрономическим наблюдениям, россиянами и французами učinёнными / Сочинена и гравирована при Собственном Его Императорского Величества Депо Карт. — СПб. : Депо карт, 1804.
22. Неделин, А. И. Севастополь. Исторический очерк от основания города до начала Крымской войны 1853-1856 гг. / А. И. Неделин. — Симферополь: Крымиздат, 1954. — 98 с.
23. Общий Морской список : Ч. III : Царствование Екатерины II. А-К. — СПб.: Типография В. Демакова, 1890. — 608 с.
24. Общий Морской список : Ч. IV : Царствование Екатерины II. К-С. — СПб.: Типография В. Демакова, 1890. — 712 с.
25. Общий Морской список : Ч. V : Царствование Екатерины II. С-Ф. — СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. — 484 с.
26. Общий Морской список : Ч. VI : Царствование Павла I и царствование Александра I. А-Г. — СПб. : Тип. Мор. М-ва в Гл. Адмиралтействе, 1892. — 656 с.
27. Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр; Кучково поле; Росспэн, 2011. — 352 с.
28. Полканов, А. И. Севастопольское восстание 1830 года : по архивным материалам / А. Полканов. - Симферополь : Гос. изд-во, 1936. - 145, [2] с.
29. Русский биографический словарь : [Т. 2 :] Алексинский — Бестужев-Рюмин / изд. под наблюдением Пред. Имп. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова. — СПб. : Тип. Гл. Упр. Уделов, 1900 [2]. — Т. 2. — 796 с.
30. Соколов, А. П. Гидрографические труды капитана (впоследствии адмирала) Ф. Ф. Беллинсгаузена на Чёрном море // Морской сборник. — 1855. — № 6. — С. 70–75.
31. Фесенко, А. А. Чумной бунт в Севастополе // Культура народов Причерноморья. — 2011. — № 204. — С. 52–57.
32. Чернышёв, А. А. Российский парусный флот. Справочник / А. А. Чернышёв. — М. : Воениздат, 1997. — Т. 1. — 312 с.

Статья поступила в редакцию 29.10.2017

Kovalenko, V. V. Faddey Faddeevich Bellingshausen at the Black Sea

In article are considered episodes from more than semicentennial military service of the well-known Russian seafarer, the pioneer of Antarctica Faddei Faddeevich Bellingshausen, connected with his stay on the Black Sea and in Sevastopol in 1810-1819 and 1828-1830.

Keywords: Faddei Faddeevich Bellingshausen, Sevastopol, Black Sea fleet, Philip Timofeyevich Bychensky, Alexey Samuilovich Greyg, Ivan Matveevich Budishchev, Anastasiy Egorovich Vlito, Guards crew, Mikhail Semyonovich Vorontsov, map of the Black Sea.

УДК 94(4Укр-6Крм)

Рассматривается формирование этнокультурной общности готов на территории Крымского полуострова. Дан анализ основных направлений становления и развития древнегерманских племен и влияние местного населения, греческих городов-полисов и Византии на развитие и формирование этнически ориентированных народностей.

Ключевые слова: этнос, готы, германцы, Византия, этнокультура, античность, Крымский полуостров

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

ГОТЫ В КРЫМУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исторически население Крымского полуострова формировалось из представителей многих народностей. Исследования ученых подтвердили, что готы проживали в Крыму дольше других народностей – с III в. по XVIII в.

Этногенез и история развития готов в Крыму до сих пор вызывают острые дискуссии. Более достоверным является утверждение о становлении готского народа во времена становления человеческой цивилизации и период прихода на крымскую территорию скифов, хазар, гуннов и др. Периодически тема крымских готов становится не только интересной, но и актуальной для политиков и для решения геополитических и национальных вопросов. Например, во время Второй мировой войны Гитлер и его окружение муссировали эту тему, пытаясь доказать свои права на крымскую землю.

Среди народов, населявших Крым в позднеантичное время и средневековье, самым малоизученным является восточногерманское племя – готы. Специфичность этногенеза готов и закономерности этнокультурного существования народа обусловлены результатами археологических исследований и документально подтвержденных данных. Любой вновь появляющийся документ может пролить свет на:

- точные географические границы крымской Готии;
- временные рамки проживания готов в Крыму, как отдельного этноса;
- исчезновение готов с Крымского полуострова;
- оригинальность крымско-готского языка.

Сомнение лингвистов в существовании крымско-готского языка обусловило то, что ученые-лингвисты и историки часто путали готов с другими народами, проживавшими в то время на крымском полуострове. Первым литературным памятником на германском языке считается Готская Библия. Ее перевел на готский язык готский епископ Вульфиле. Это способствовало появлению в IV в. готского алфавита. Общась с готами, славяне переняли из готского языка множество слов, например, «хлеб» (гот. hlaifs), «котёл» (гот. katils), «блюдо» (гот. biudan), буква (гот. Вока «буква, книга»), «художник» (от готского handugs - «мудрый») и др.

Цель статьи – обобщить данные археологических поисков и сведения исторических источников разных эпох о народности готов на территории Крыма; показать роль данного этноса в социально-политическом развитии многонационального общества; раскрыть влияние на этнокультурное развитие других наций и народностей.

Несмотря на очевидные факты, некоторые историки считали готов «скифами», другие, поскольку готы приняли византийскую православную веру, именовали их греками. Однако, «Крым населяли люди, относящиеся к самым различным этническим группам и народностям: киммерийцы и сарматы, хазары и протоболгары, печенег и половцы, готы и гунны, византийцы и итальянцы, татары и турки, караимы и крымчаки, славяне и армяне. Каждая национальная группа, поселившаяся в Крыму, вносила свой вклад в развитие его экономики и культуры» [1, с. 4].

Первоначально этот народ, пришедший на крымские земли с северо-запада Европы, называли «германцами». Впервые это название употребил греческий философ-стоик, историк, географ и астроном, живший во второй половине III в. - первой половине II в. до н. э. Поседоний, который родился в Сирийской Апамее. Поседоний описывает небольшое племя, которое обитало в верховьях р. Рейн и называл их «германцами». С воинственным характером готов впервые столкнулся в Галии (современной Франции) знаменитый римский полководец Гай Юлий Цезарь. В 58 г. до н. э. он, стремясь завоевать Галию, воевал с готами. О чем оставил воспоминания в «Записках о Галльской

войне». Античные авторы, описывая жизнь готов, отмечали, что их племена проживали к северу от среднего Дуная и к востоку от р. Рейн вплоть до Скандинавии.

Древнее племя германцев (остготов, визиготов и позднее гепидов), уничтожив или подчинив сарматов и оттеснив восточнославянский союз антов, около 230 г. пришли в Северное Причерноморье. По преданию Иордана готы достигли берегов Черного моря на трех кораблях, как символ, указывающий на разделение готов на три племени. К числу готских племен относились скиры, таифалы и крымские готы, от которых позднее отделились готы-трапезиты Тамани. У готов сложились хорошие отношения с покоренными аланами (тюрко-язычное племя), поэтому набеги они совершали совместно. Часть готов осела на южном берегу, юго-западном Крыму и Керченском полуострове, уничтожив последние скифские поселения. Область их расселения на полуострове получила название Крымская Готия.

Интересные данные о жизни, традициях и обычаях готов оставил римский историк Тацит. В произведении «О готах» дано описание внешности готов. От других народов их отличали жесткие голубые глаза, русые волосы и рослые тела. Описывая традиции и обычаи готов, он указывал на отсутствие у них терпения, чтобы трудиться, на то, что они не переносят жажды и зноя, а непогода приучила их легко переносить голод и холод. В отличие от других народов германцы мало заботятся об обладании золотом и серебром, они не употребляли их в своем обиходе.

Особое значение имеет труд Иордана «О происхождении и деянии готов», поскольку он пользовался памятниками народной поэзии и, применяя их для своих целей, не только сохранил для нас народное творчество германского племени, но показал пример, как оно важно для понимания истории народа.

В своей «Истории» Иордан стремился возвеличить готов: нет людей выше соплеменников и народа выше готского. Все преклоняются перед готами; им сопутствует постоянное счастье. Готы всегда побеждают; иначе быть не может; они герои с того времени, как появились в Европе. В самом начале изложения Иордан гордо сравнивает свой народ с греками. Храбрость готов доказывается тем, что они победили египтян и сам Геракл против них был бессилён. Готский вождь Аларих захватил приходящий в упадок «Вечный город» - Рим. После захвата Римской империи и покорения Рима готы устремились к берегам Вислы и оттуда направились на запад и юг. Все краски положил Иордан в своей «Истории» на изображение готского царства Германариха. Сведения Иордана подтверждаются данными археологии. Археологами в начале XX в. в низовьях р. Вислы были обнаружены поселения большой группы населения, обладающего культурными чертами скандинавских народов. С конца II в. происходит передвижение готов на юг. Исследователи считают, что причиной миграции готов было перенаселение территории их проживания, что привело к нехватке продуктов питания, свободных земель. В результате завоевательных походов к середине III в. готы заняли территорию между Днестром и Дунаем, включая земли Румынии, Молдовы, Украины и юга России.

Византийский историк Прокопий Кесарийский посвятил готам сочинение «О постройках», где указывал на существование страны Дори, расположенной на побережье Черного моря. В этой стране живут готы. В военном деле готы были очень искусными. Крепостей и городов они не строили. «В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не могли быть заключенными в каких бы то не было стенах, они больше всего могли жить в полях» [5, с.249]. Ученые считают, что «страной Дори» готы называли Мангуп, так его стали называть с конца VIII в., после захвата крепости хазарами. Чтобы защитить себя от нападения кочевников, жители Мангупа соорудили укрепления протяженностью 7 км. Для водоснабжения города готы использовали горные родники. Занимались земледелием и ремеслом. В городе находилось много лавок, мастерских, храмов и других построек в готическом архитектурном стиле.

Вопрос о локализации крымских готов издавна интересовал исследователей. По-поводу этого существует несколько точек зрения. Одна группа исследователей считает, что область Дори занимала Юго-Западный Крым. Сторонники первой точки зрения указывают, что Готия примыкала к Херсону, то есть находилась в Юго-Западном Крыму. Это указывает на то, что Дорос был на том же месте, что и город Феодоро, т. е. на Мангупе.

Представители второй группы считают, что готы занимали перевалы первой линии Крымских гор. Подтверждением этой точки зрения являются остатки заградительных сооружений на горных перевалах. Но письменные источники не подтверждают, что горные проходы укреплялись длинными стенами. Среди частей Крыма готов привлекали и северо-западные регионы.

Нашествие готов заставило объединиться разрозненные славянские племена для сопротивления. Известно, что в Крым готы пришли около 251 г. Союзниками готов в разгроме Скифии стали сарматы, фракийцы и аланы. Причиной быстрого захвата Скифии готами стало ее ослабление в ходе борьбы за

Тавриду с Херсонесом, Боспорским царством и Сарматией. Поражение от Боспорского царя Тейрана несколько умиряет их захватнический пыл.

Известно, что во время ожесточенных боев с Римской империей часть готов поселилась в Юго-Западном Крыму. Единственным городом, который не признал пришлых германцев, был Херсонес. За его стенами старались спастись от готов остатки скифского населения. Скифы, проживавшие севернее Перекопа и в низовьях р. Днепр, вместе с другими народами участвовали в разгроме Римской империи. Готам удалось захватить греческие корабли, находившиеся в Боспорском царстве, и осуществить ряд грабительских походов на римские колонии. Они грабили портовые города в Эгейском и Мраморном морях, возвращаясь с большой добычей.

Часть готов поселилась на Южном и Юго-Западном берегах Крыма. На ЮБК археологи обнаружили два могильника с погребениями по образцу кремации, характерной для готских захоронений: Чатырдагский некрополь на южном склоне одноименной горы и могильник Ай-Тодор, расположенный возле римской крепости Харакс. Готы хоронили останки умерших в кувшинах и ямах. Поэтому археологи находили не только костные останки, но и металлические фибулы (застежки), подвески, головки орла с изогнутыми клювами (герб современной Германии). Именно находки таких орлов стали свидетельством того, что готы были германцами. Присутствие этнических готов на полуострове подтверждает обычай хоронить умерших женщин в целом наборе праздничных украшений (широкий пояс с большой пряжкой, и пара больших двухпластинчатых фибул на плечах), которые характерны только для готов.

Интересен тот факт, что могильники обнаружены, а поселения нет. Куда исчезли поселения? На этот вопрос историкам еще предстоит найти ответ. До середины I в. н. э. готы использовали кремацию. Под воздействием христианства готы постепенно к V в. переходят от обряда трупосожжения к обряду трупоположения. На обряд захоронения с этого времени оказывают влияние сармато-аланские погребальные традиции, что указывает на смешение готов с аланами. Некоторые историки иногда путают готские захоронения с сарматскими. Хотя они отличаются друг от друга. В первую очередь, сармат хоронили в могильниках, а не кремировали. Во-вторых, у сармат были деформированы черепа, чего нельзя сказать о других народах.

Готия поддерживала контакты с Византией. Представители императора и элита Византии были частыми гостями в Крыму.

Самого большого могущества готский племенной союз достиг при правителе Германарихе, который по свидетельству готского историка Иордана «...властвовал над всеми племенами Скифии, как над своими собственными» [2, с. 65]. Столицей Готии был город Данпарстад, находившейся на Днепре. Готы подчинили многие народы. Это было время расцвета, так называемой «военной демократии», и началом упадка рабовладельческой формации. Против Рима выступили не только готы, но и цари Боспорского царства. Их первый набег на владения Рима был нанесен из Крыма. Начиная с 238 г., военные столкновения крымских готов с римской армией стали носить почти регулярный характер. Для этого цари Боспорского царства предоставляли им корабли для походов на Рим. Союзниками Рима становятся херсониситы, которые нанесли удар по Боспорскому царству. Царь Саврамат запросил мира. Перемирие между Римом и царем Боспорского царства было подписано. Морские походы готов продолжались до конца 276 г. н. э.

В 70-е годы IV в. н. э. на земли Северного Причерноморья вторглись гунны (кочевники из Центральной Азии). Поскольку оружия, чтобы дать отпор гуннам, у готов не хватало, Германарих призвал их к походу на Балканы, чтобы там захватить римские склады оружия и другие трофеи. Готы не пришли к единому мнению и разделились на несколько частей. Часть их отправилась в поход с Германарихом за оружием. Другая часть осталась на северо-востоке Керченского полуострова, откуда отказавшись от сопротивления гуннам, ушла на Таманский полуостров.

Значительная часть вестготов направилась на юг, к р. Дунай и стала просить у византийского императора Валена разрешение на переселение в пределы Византийской империи, с целью постоянного там проживания. Они просили императора обеспечить их продовольствием, жильем и за это обещали подчиниться и нести военную службу. Разрешение было дано при условии сдачи готами оружия, но императорские чиновники отобрали у готов рабов и взяли их в рабство, оставив им оружие. Негодование готов привело к восстанию. К вестготам во время восстания присоединились крестьяне, рабы, отряды германцев, пришедшие из-за Дуная, аланы и гунны. В результате восстания в 378 г. в битве при г. Адрианополье византийский император был убит. Готское восстание было подавлено византийским полководцем Феодосием. Феодосий часть вестготов подчинил, часть привлек на службу. После гибели императора готы расселились по всему Балканскому полуострову. В 382 г. был заключен договор между готами и Византией, согласно которому готы признали зависимость от Византии. Они

стали проживать в различных частях Балканского полуострова, получив жилье и жалование. Сохранив верность полководцу Феодосию до его смерти в 395 г., они участвовали в военных походах на стороне Византии, которая стремилась контролировать территорию Таврики. Так как готы были воинственным народом, то византийский император нанимал их в качестве военной силы. Его смерть была для готов большой трагедией. После смерти Феодосия началась борьба между придворными группировками за власть. Воспользовавшись этим, готы при первой же задержке выплаты жалования подняли восстание. Они взяли с Константинополя огромный выкуп и подвергли опустошению Византию. В это время правителями Византии были сыновья Феодосия - Аркадий, который правил на Востоке и Гонорий на Западе. Готы вынуждены были отступить перед войсками Гонория. Вмешательство Рима в дела было опасно для Востока. Аркадий настоял на увольнении Стилихона, командующего войсками западной империи, поскольку тот вместо того, чтобы подавить восстание, поддержал восставших. После того как в VI в. усилились позиции Византийского государства в Крыму, германские племена активно сотрудничали с ее властями и даже стали военно-административной единицей их государства.

Под влиянием Византии среди готов распространяется христианство. В VIII в. в Крыму создается Готская епархия, которая просуществовала до конца XVIII в. Центр Готской епархии находился в Партените, а позднее в Доросе на Мангупе. Достоверность ее существования подтверждает Список епархий Константинопольского престола VIII в., составленный на основе рукописи XV в. немецким историком, византинистом, К. де Бором [4, с. 65].

Большую помощь в исследовании месторасположения Готской епархии оказала археология. В Партените при раскопках храма в 1871 г. была обнаружена плита с надписью, датированной 1427 г., подтверждающей строительство Храма Всехвалных и Первоверховных Петра и Павла архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником.

Готы, проживающие в Крыму, по мнению историков, к XIV в. со своей столицей в княжестве Феодоро занимали значительную часть юго-западного Крыма, простираясь от Херсона до Алушты, а вероятнее всего, до Судака. Северная граница проходила по горе Чатыр-Даг и горной крепости Кырк-Ер. Согласно договору с татарами от 1381 г., часть прибрежных готских земель от крепости Чембало (Балаклава) до Солдаи принадлежит готам. С XII в. готы начинают платить дань татарам и половцам: даже в «Слове о полку Игореве» крымские готы описываются как народ, тяготящийся чужеземным игом. Несмотря на тяжелые времена, они продолжали заниматься торговлей, и до нас дошли даже упоминания об их торговых контактах с Новгородом (XII в.). Общемировая перестановка сил затрагивает соседей крымских готов византийцев, с которыми начинает конкурировать Трапезундская империя.

Все южнобережные колонии Генуи объединялись в единое военно-административное образование – Капитанство Готия (Capitaneatus Gotie). Готы не сдались итальянцам. В труднодоступных местах они строили оборонительные стены, горные крепости и «пещерные города». Они часто прибегали к дипломатическим шагам. Но укрепить свое положение готам не удалось. Крымские готы во времена господства Византии продолжали быть ее федератами, пока горный и степной Крым не захватили хазары (тюркоязычные племена, населявшие Приазовье). Столкновение с хазарами привело Готию к упадку. В конце VIII в. местное христианское население, не желая подчиниться хазарам, организовало восстание против хазар. Возглавил восстание епископ Иоанн. Восстание началось в 787 г. Восставшие продержались полгода. Иоанн был пленен хазарами, но ему удалось бежать с плена. Умер епископ Иоанн на чужбине. Его прах был захоронен в окрестностях Партенита. Разрушив крепость Дорос Хазары дали ей название Мангуп. Хотя это место до конца XV в. именовалось Феодоро - Мангуп.

Трагическим для готов стал 1475 г., когда турки-османы штурмом взяли Кафу, расправились с итальянскими колониями и осадили Мангуп. Осада длилась полгода. Голод заставил готов сдаться. Оставшиеся в живых готы ассимилировались с другими народами Крыма, сохранив главное достояние каждой нации - свою германскую принадлежность, традиции и родной язык.

С постепенным упадком Мангуп-Кале с крымских земель исчезали представители германских племен, которые 15 столетий тому назад пришли на полуостров. Однако в окрестностях остались небольшие поселения готов, которые до настоящего времени хранят традиции предков. О необычном для Крыма фенотипе, который встречается у жителей отдельных сел, писали исследователи XVIII в. В конце того же столетия гото-греков Алушты и Гурзуфа переселили в Новороссию. Сократившись численно, крымские готы сохранили свой родной язык. Прямым свидетельством, зафиксировавшим следы крымско-готского языка, является четвертое «Турецкое письмо» дипломата де Бусбека (1560 - 1562 гг.). Ожье Гизелин де Бусбек (1522 -1592) фламандский писатель, ученый и дипломат зафиксировал 101 готское слово. Грек, с которым Бусбек встретился в Константинополе, знал готский язык, что свидетельствует о дипломатических связях между греками и готами.

Печальным для готов оказался и 1779 г., когда шла ожесточенная борьба между Турцией и Россией за обладание Крымом. Тогда генерал-губернатору Новороссии Г. Потемкину пришла идея переселить всех христиан из Крыма на Азовское побережье. Его замысел выполнил великий русский полководец А. Суворов. Вместе с другими народами готы навсегда покинули Крым. После присоединения Крыма к России (1783 г.) российская императрица Екатерина II, немка по происхождению, пригласила в Крым немцев, но это были другие люди.

В XIX в. этнографы, исследовавшие Крым, пришли к выводу, что там встречаются нетипичные люди, которые по своим антропологическим признакам имеют некоторые общие черты с готами. В годы Великой Отечественной войны эту версию пытались использовать нацистские идеологи и ученые, вынашивавшие замыслы переименования Крыма в «Готенланд» и заселения полуострова этническими немцами [3, с.86]. Но этим планам нацистских идеологов не суждено было осуществиться.

Таким образом, появившись в Крыму в ходе миграций поздней античности, в III веке н. э., готы, не только продолжали заниматься традиционными видами деятельности, но и торговали, пересекая с товарами половецкие степи. Готы оставили память в истории Крымского полуострова и России. Хотя уровень культурного развития крымских готов отставал от римской цивилизации, ученые доказали, что готская культура была многогранной и яркой. Воинственный народ не представлял жизни без соревнований, джигитовки, солдатских игр. Подготовка к боям была частью менталитета готов. Их художественные ремесла являются отличительной чертой их культуры. Устное народное творчество крымских готов существовало не только для развлечений. С помощью песен-эпосов они запоминали историю своего народа, передавали ее из поколения в поколение.

В настоящее время о существовании государства крымских готов на юге России напоминают археологические памятники, которые пользуются популярностью у туристов. В конце XIX – первой трети XX вв. появляются работы, в которых описывается «готская историография» позднего средневековья. В настоящее время крымскими готами продолжают заниматься историки, лингвисты, археологи с целью открыть новые факты, связанные с пребыванием готов в Крыму.

Список литературы

1. Дюличев, В. П. Рассказы по истории Крыма / В. П. Дюличев. – Симферополь: «Бизнес-информ», 1996. – 288 с.
2. Иордан. О происхождении и деянии готов / Иордан. - М., 1960. - 250 с.
3. От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.) – 3-е изд., стереотипное. – Симферополь: Доля, 2006. - 288 с.
4. Пиоро, И. С. Крымская Готия / И. С. Пиоро. - К.: Лыбидь, 1990. – 196 с.
5. Прокопий из Кессории. Война с готами. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 516 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.2017

Rybak, I. V. The Goths in the Crimea: historical aspect.

The formation ready as ethno-cultural communities on the territory of the Crimean Peninsula. The analysis of the main directions of formation and development of the ancient Germanic tribes and the influence of the local population, the Greek cities-policies and Byzantium in the development and formation of ethnically oriented ethnic groups.

Keywords: ethnos, Goths, Teutons, the Byzantine Empire, ethnic culture, antiquity, Crimeasky Peninsula

УДК 908 (1-924.71)

В статье проводится анализ взаимоотношений между градоначальником Севастополя и городской управой в вопросе переноса домов терпимости из-за соседства со строящимся римско-католическим костелом.

Ключевые слова: Севастополь, градоначальник, городская управа, римско-католический костел, дома терпимости.

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: simosip@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЛАСТИ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА СЕВАСТОПОЛЯ НА ПРИМЕРЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ, КАСАЮЩИХСЯ РАЗМЕЩЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА

В вопросах организации государственного управления в Севастополе в дореволюционный период значительный интерес вызывает система взаимодействия между органами власти – центральной, представленной градоначальником, и местной, избираемой, состоящей из городского головы и городской управы. В предлагаемой работе предпринимается попытка проанализировать, насколько эффективно осуществлялась власть градоначальника в Севастополе, и насколько совпадали интересы прямого представителя императора, каким являлся градоначальник, и местной деловой и административной элиты. В качестве методологии исследования предлагается case-study, а именно исследование решения частного вопроса, связанного с исполнением законодательства Российской империи. Источниковой базой послужили сохранившиеся в Севастопольском государственном архиве документы, связанные с перепиской между канцелярией градоначальства и городской управой по поводу здания строящегося в городе католического костела.

В начале XX столетия в Севастополе начинается постройка католического костела. Истории его создания и функционирования в Севастополе были посвящены работы Л. В. Спесивцевой [6] и Н. М. Терещук [7]. Министерство внутренних дел 4 декабря 1900 года уведомляет градоначальника о разрешении на постройку церкви. В мае 1905 года после сбора необходимых пожертвований и утверждения проекта начинаются строительные работы [6, с. 115].

Почти через три года (4 апреля 1908 года) после начала строительных работ севастопольский градоначальник Владимир Мореншилд в личном обращении к городскому голове указывает на нарушение параграфа 4 Правил для содержательниц домов терпимости. Уже строящийся костел находился на расстоянии 43 сажен от домов терпимости, расположенных на Балаклавской улице, при необходимых 150 саженях. Вследствие этого градоначальник предполагал «сделать распоряжение о переносе в другое место домов терпимости...» и просил «уведомить в какую именно местность следовало бы, по мнению городской управы, перенести означенные дома» [1, Л.1]. Таким образом, поиск путей решения означенного вопроса является тем частным случаем, который позволяет проследить степень эффективности деятельности градоначальника.

Градоначальник относился «к особому разряду главных начальников...определяемому и увольняемому императором. Предметом их ведомства... является общее заведование городским управлением» [2]. Изучению места и роли градоначальника в системе государственного управления, в том числе и в области культуры, в Севастополе и Крыму уделялось место в работах В.В. Дмитриева [4,5]. Исходя из тех полномочий, которыми обладал севастопольский градоначальник, и имеющимся фактом нарушения Правил, можно предположить скорое решение обозначенного вопроса. Однако городская управа игнорирует обращение градоначальника, на что следует его очередное письмо от 17 апреля, в котором он просит «ускорить ответом на предложение мое» [1, Л.2]. В результате городская управа в письме от 31 апреля 1908 года фактически отказывает градоначальнику, приводя целый перечень аргументов [1, Л.3]. «Во-первых, постройка в Севастополе на месте, бывшем Полянковского, католической церкви производилась без разрешения городского управления...». Следует подчеркнуть, что разрешение на постройку этого костела было выдано Министерством Внутренних Дел еще в 1900 году, о чем градоначальник был уведомлен [7]. Далее управа, указав на 20-летнее существование домов терпимости на Балаклавской (бывшей 2-ой Продольной) улице, беспокоится, что в случае их переноса владельцы «будут терпеть крупные убытки». И, наконец, указывает на Правила, разрешающие

открытие домов терпимости, если они ведут не на главную, ведущую к храму, улицу. В целом ответ управы демонстрирует явное нежелание заниматься вопросами перенесения домов терпимости и завершается утверждением о продолжении дальнейшего их функционирования вблизи строящейся церкви.

Рассматриваем фонде содержится еще один, весьма интересный, документ. Это черновик прошения, адресованного Севастопольскому градоначальнику, от «нижеподписавшихся домовладельцев Балаклавской улицы» [1, Л.4]. На нем нет подписей и даты, и оно явно не было отправлено адресату. В прошении фактически повторяются аргументы письма городской управы. Более того, стиль изложения и финальный довод: «удобство и легкость полицейского и медико-санитарного надзора за домами в виду близости полицейских участков и других административных учреждений» позволяют предположить, что документ составлен непосредственно в городской управе. Очевидно, что время составления этого документа – весна-лето 1908 года. Он был подготовлен к отправке, но дальнейшее развитие ситуации не потребовало такой меры.

После получения официального ответа городской управы со ссылкой на параграф 4 «Правил для содержательниц...» градоначальник, не будучи специалистом в столь деликатном вопросе, официально обращается с Отношением в Департамент полиции с просьбой разъяснения вопроса (№ 3809 от 31 июля 1908 года). Департамент, ссылаясь на циркуляр МВД от 8 октября 1903 года, уточняет, что «согласно точному смыслу П.6 Правил...нахождение такого рода заведений на расстоянии менее 150 сажен от церквей не должно быть допускаемо» [1, Л.8]. Получив официальный ответ, градоначальник 6 октября 1908 года вместе с его копией обращается в управу, требуя «немедленно (курсив мой – С.О.) избрать место, куда могли бы быть переведены дома терпимости, и мне донести» [1, Л.7]. За это время в органах власти городского самоуправления происходят серьезные изменения. В июне 1908 года городской голова А. А. Максимов был окончательно отстранен от должности председателем Совета министров П. А. Столыпиным. Одной из причин этого было участие Максимова и его детей – Надежды и Николая в событиях октября 1905 года в Севастополе. С мая 1908 года обязанности городского головы исполнял Н.Ф. Ергопуло.

Получив письмо, голова ставит на нем свою резолюцию «К докладу Управы и затем Думе» и уходит в отпуск. В канцелярию градоначальника уходит ответ, что «возбужденный Вашим Превосходительством вопрос ...будет подвергнут обсуждению городской управы лишь по возвращению из отпуска городского головы» [1, Л.9].

Градоначальник, не теряя надежды, через правителя канцелярии уже 30 октября просит «поспешить избранием мест, куда могли бы быть переведены дома» [1, Л.10]. В управе этот вопрос становится предметом обсуждения, причем в ходе его важное место занимает поступившее 11 ноября 1908 года в городскую управу Прошение домовладельцев Балаклавской улицы. Этот весьма примечательный документ имеет 8 подписей домовладельцев (причем 4 из них, по причине неграмотности, не смогли расписаться лично). Бумага и штамп на ней идентичны документам, направляемым из городской управы в канцелярию градоначальника. По смыслу Прошение повторяет уже отмеченные выше контраргументы – нахождение домов терпимости на боковой улице, значительные убытки, которые могут понести домовладельцы, и удобство полицейского и врачебного контроля. Определенной новеллой в этом документе является обращение на то обстоятельство, что «Правила» определяют расстояние в 150 сажен до церквей и школ только для открываемых домов терпимости. Соответственно, «едва ли указанный пункт 6 можно толковать в более широком смысле и требовать закрытия уже существующих домов всякий раз, как в недалеком расстоянии от них возникает церковь, школа» (!). В завершение констатируется, что «...не только интересы отдельных граждан домовладельцев, но и интересы значительного числа обывателей и главное интересы городского благоустройства, требуют оставления домов, ибо перевод их невозможен» [1, Л. 11-12]. Анализ особенностей этого прошения (и очевидная связь с отмеченным выше неотправленным письмом градоначальнику) позволяют с большой долей уверенности констатировать, что реальным составителем текста были отнюдь не малограмотные владельцы домов терпимости, а кто-то из представителей городской управы.

Обсуждение вопроса из управы переносится в Севастопольскую городскую Думу, принявшую, наконец, 17 декабря 1908 года постановление, обязывающее городскую управу «войти в переговоры с домовладельцами окраины города относительно избрания мест, куда могли бы быть переведены дома терпимости» [1, Л. 15]. Следует отметить конструктивную позицию городской Думы, нацеленную на решение рассматриваемого вопроса. Управа делает выписку из решения Думы и 8 января 1909 года отправляет в канцелярию градоначальника.

Канцелярия градоначальника в очередной раз, 12 января 1909 года предлагает «поспешить разрешением вопроса о выборе места для домов терпимости» [1, Л. 19]. Формально на посту градоначальника в этот период еще числился Мореншильд, занимавший свой пост до 2 марта. Однако реально обязанности исполнял уже другой человек – документ подписан исполняющим должность градоначальника капитаном второго ранга (подпись неразборчива, возможно, Яковлев). Новый же градоначальник (им стал Сергей Кульстрем), приступивший к своим обязанностям со 2 марта, уже 7 марта через правителя канцелярии просит «донести в каком положении находится дело о выборе места для домов терпимости» [1, Л. 16]. Ответом является полное молчание управы вплоть до лета 1909 года. 16 июля этого года градоначальник Кульстрем лично, с пометкой «срочно», просит «уведомить...когда наконец (курсив мой – С.О.) будет решен вопрос об избрании места для переноса домов терпимости с Балаклавской улицы» [1, Л. 17].

В ответ на это письмо городская управа сообщает о следующем состоянии дел по поводу этого вопроса. После обсуждения на заседании городской Думы и поручения управе последняя начинает вести переговоры с домовладельцами окраин города о переносе домов терпимости. Домовладельцы «самым решительным образом протестовали» и отказывались пойти навстречу городской управе. Тогда управа начала поиски мест для постройки этих домов в «новых кварталах, которые проектировалось нарезать в разных частях города» [1, Л. 13]. Однако утверждение представленного городским управлением плана нарезки было отложено по распоряжению Министерства Внутренних Дел, настаивавшем на предварительном размежевании земли между разными ведомствами. Таким образом, управа «не может в данное время указать места, куда могли бы быть переведены дома терпимости» [1, Л. 13]. В завершение управа предлагает закрыть один или два публичных дома, расположенных ближе всего к костелу, оставив все остальные на прежнем месте.

Вероятно, понимая, что решение этого вопроса требует его личного вмешательства, градоначальник назначает отдельное совещание с личным присутствием на 24 сентября 1909 года. Совещание это по причине занятости градоначальника не состоялось, о чем его канцелярия известила голову срочным письмом 23 сентября [1, Л. 17]. Вопрос в очередной раз был отложен и в дальнейшем не поднимался. Дома терпимости остались на Балаклавской улице. Околоточный надзиратель, участвуя в расследовании дела о незаконном проникновении в город в 1915 году двух работавших в доме терпимости женщин, посетил их по адресу, расположенному на Балаклавской улице [3, Л. 28-31].

Анализируя особенности указанного дела, можно прийти к следующим выводам. Безусловно, с точки зрения законодательства Российской империи должность градоначальника была самой высокой с точки зрения административного городского управления. Все местные избираемые органы власти, включая городского голову, городскую управу и городскую думу, должны были подчиняться градоначальнику. Однако анализируемый конкретный случай демонстрирует, что в случае несовпадения взглядов распоряжения градоначальника могли не выполняться. При этом методы, которые использовались городской управой, достаточно разнообразны. Это и намеренное затягивание вопроса, что можно видеть, в том числе по обращениям градоначальника («немедленно избрать», «когда, наконец», «предлагаю поспешить» и т.д.). Это также подключение общественности в лице собственников недвижимости. Приведенные два обращения от их имени (к градоначальнику и городской думе) своей стилистикой, приведенной аргументацией и даже особенностями бумаги свидетельствуют об участии в их составлении членов городской управы. В качестве весьма действенного метода было использование буквального трактования параграфа 4 Положения о содержательницах домов терпимости, что потребовало от градоначальника специального обращения в МВД.

При этом во время рассмотрения сменились и городской голова, и градоначальник, что позволяет исключить субъективное влияние на ход разбирательства. Градоначальники и исполняющие должность градоначальника последовательно требовали выполнения закона, а чиновники городской управы не менее последовательно искали возможность этого не делать. Нас в меньшей степени интересуют их мотивы, возможно, связанные с личной заинтересованностью, возможно, обусловленные трудностью возложенной на них задачи. Но главным выводом может быть тезис о границах возможностей градоначальника в Севастополе. Несмотря на все правовые основы, подтверждающие их распоряжения, градоначальникам Севастополя так и не удалось решить вопрос о переносе домов терпимости с Балаклавской улицы. Строительство костела заканчивается в 1911 году, и здесь начинаются богослужения. А в сорока трех саженьях от него по-прежнему продолжают функционировать дома терпимости, точку в существовании которых поставила революция и последовавшие за ней события.

Список литературы

1. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (ГКУ АГС). Ф. 25, Оп. 1, Д.3.
2. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права. В 3 т. Т. 3. Органы местного управления. Кн. 2. Учреждения правительственные и дворянские. Отдел 2. Начальники губерний. Гл. 3. Градоначальники. §§ 135-137 / А. Д. Градовский. – URL: <http://base.garant.ru/3988988/55/> (дата обращения: 01.11.2017).
3. ГКУ АГС. Ф. 15, Оп. 1, Д.17.
4. Дмитриев, В. В. Влияние института градоначальств на развитие образования и культуры в Крыму (XIX- начало XX вв.) / В. В. Дмитриев // Культура народов Причерноморья. — 2005. — №73. — С. 181-184.
5. Дмитриев, В. В. Вклад градоначальств Крыма в развитие культурной сферы региона / В. В. Дмитриев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. - Серия «История». - Том 17 (56). - 2004. - № 1. - С. 131-137.
6. Спесивцева, Л. В. Римско-католический костел в Севастополе / Л. В. Спесивцева // Культура народов Причерноморья. - 2003. - № 46. - С.115-118.
7. Терещук, Н. М. История культовых сооружений центра Севастополя. Римско-католический костел / Н. М. Терещук // Законодательное собрание города Севастополя : сайт. - URL: https://sevzakon.ru/view/istoriya_goroda_sevastopolya/9313/12024/ (дата обращения 02.11.2017).

Статья поступила в редакцию 16.10.2017

Osipovskiy, S. N. *To the question of the efficiency of the mayor of Sevastopol on the example of the execution of laws concerning the placement of the Roman Catholic church.*

The article analyzes the relationship between the mayor of Sevastopol and the city government in the issue of transferring brothels because of the neighborhood with the Roman Catholic church being built.

Keywords: Sevastopol, mayor, city government, Roman Catholic church, brothel.

УДК 392.1

Рассматривается и анализируется комплекс оберегов, используемых в родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья для защиты новорожденного и роженицы от воздействия сглаза и нечистой силы. Выявляются аналогии с оберегами в родильной обрядности крымских татар, турок, болгар, албанцев, украинцев, народов Кавказа.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, оберег, амулет, сглаз.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitireva2010@mail.ru

ОБЕРЕГИ В РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КРЫМСКИХ И ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ

В этнографической литературе практически отсутствуют исследования, связанные с детальным описанием и анализом оберегов в родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, которые использовались для защиты от сглаза и «нечистой силы».

Зафиксированные во время экспедиций обереги условно разделены нами на две группы. К первой отнесены обереги, которые имеют в основе «защитную магию» [4, с.52] от сглаза и нечистой силы. В свою очередь их можно объединить в такие подгруппы:

- изделия из металла (ножницы, булава, игла, медные или свинцовые амулеты);
- лекарственные травы (чабрец, бессмертник);
- предметы быта (веник);
- продукты (хлеб, соль);
- ткани, украшения (одежда на выворот, пеленки из трех или семи кусков материи, голубая или синяя бусина, завязывание на руку цветной нити или шнура).

Вторая группа состоит из обереговых действий, которые относятся к «очистительной магии» [4, с.52]. Они должны были помочь освободиться от влияния «злых сил», которые уже якобы воздействовали на новорожденного и роженицу.

Данные обереговые действия можно разделить на две группы:

- обереговые действия, связанные с использованием предметов;
- обереговые действия, связанные с молитвами и заговорами.

Металлические изделия использовались следующим образом: булаву прикалывали к одежде младенца и роженицы; ножницы и иглу прятали под подушку. Не только приазовские греки, но и другие этносы, проживающие в Приазовье, Крыму, на Кавказе, как и многие народы мира, верили в магическую силу таких оберегов как булава, ножницы, игла. Эта традиция имеет древние корни, и сложилась, по мнению ряда ученых-этнографов, в те времена, когда металл начал вытеснять другие материалы при изготовлении орудий труда и оружия, и вера в его магическую силу переросла в культ [24, с.72].

Из этнографической литературы известно, что у мариупольских греков также существовали амулеты в форме фигурки человека или в форме того органа человеческого тела, который болел. Их изготавливали из меди или свинца [25, с.11]. Использовали их, чтобы уберечься от сглаза и для лечения разных заболеваний. Так, греки верили, что от головной боли защитит амулет в виде головы, от боли в ногах – фигурка в виде ног, от боли в горле – трубочка, которая напоминала горло, от грыжи – оберег в форме звезды, от сглаза – человеческая фигурка. Описанные обереги носили на тесьме, завязанной вокруг шеи, как взрослые, так и дети. Хранили их в церкви, в случае необходимости брали в пользование, а возвращали после исцеления вместе со старым, новый экземпляр, изготовленный своими руками.

Не исключено, что металлические амулеты приазовских греков в виде отдельных органов человека – это одна из своеобразных народных форм культа святых мощей.

Интересно, что у румелийских (фракийских) греков (например, в селе Лаганда в Северной Греции и в селе Чернополе в Крыму) и сейчас используются амулеты похожие на вышеописанные мариупольские [1, с.110]. Кроме перечисленных амулетов, есть экземпляры в форме руки, сердца, глаза. Встречаются также фигурки животных, вероятно, с их помощью греки хотели уберечь свой

домашний скот от болезней и действия нечистых сил. Амулеты прикреплялись к белой материи, которая обрамляла иконы, хранились в церкви, а если церкви в селе не было – в доме самого уважаемого односельчанина.

У многих народов мира встречаются амулеты в форме человеческой руки. Этот амулет имеет древние корни и был найден археологами на стенах древних ассирийских домов. На Кавказе, по информации Г. Ф. Чурсина, также распространены подобные амулеты в форме руки – у армян фигурки рук вырезаны из серебра, а на обратной стороне выгравирован крест [23, с.8].

В качестве оберега греки раньше широко использовали лекарственные травы. Данная традиция сохранена до сих пор греками сел Улаклы, Богатырь, Комар (Камара), Старомлиновка (Керменчик), Великая Новоселка (Аргин Ени-сала). Все населенные пункты, кроме Великой Новоселки (здесь население смешанное: урумы и румеи) были основаны урумами, выходцами из юго-западного Крыма.

Лекарственные травы прятали под подушку, также как и изделия из металла или зашивали в одежду ребенка. Преимущественно использовали бессмертник – «титутрун чичек» (с. Великая Новоселка) и чабрец – «назар чичек» (с. Старомлиновка, Улаклы, Комар, Богатырь). Но в наше время лекарственные травы как оберег приазовские греки уже не применяют.

С помощью лекарственных трав оберегали от сглаза и действия нечистой силы и крымские татары [26, с.8]. С этой целью лекарственные травы зашивали в одежду ребёнка.

Использовали лекарственные травы и украинцы, у них было принято вешать возле люльки младенца венки из хмеля. Рядом с кроваткой новорожденного ставили букет из чабреца, мяты, полыни, а под подушку прятали, наряду с другими оберегами, платочек с корнем любистка, головку мака, освященную в церкви [22, с.42-43]. Кроме того, освященные в церкви лекарственные травы добавляли в воду, купая младенца [5, с.166].

Вышеописанная информация может указывать на корни (украинские и крымские) традиции использовать лекарственные травы в качестве оберега. Одинаковое использование лекарственных трав (обычай класть лекарственные травы под подушку ребенка), является свидетельством того, что данный обычай был перенят греками после переселения их из Крыма на территорию Приазовья. Обычай зашивать лекарственные травы в одежду ребенка, скорее всего, сформировался в Крыму.

Почему лекарственные травы прятали под подушку? Ответить на этот вопрос можно, вспомнив лекарственные свойства данных растений. Так известно, что чабрец, как и мята и хмель обладают успокоительными свойствами. Бессмертник могли использовать как символ жизни, желая тем самым ребёнку долгих лет.

Неизменным оберегом в большинстве греческих приазовских сел был веник («себерже», «сибирти» - урум., «фкал» - рум.). Его часто называли «охранником», потому что во время отсутствия матери он стоял рядом с колыбелью новорожденного на «страже его от нечистой силы».

Не только греки, но и народы Кавказа, восточные и южные славяне, гагаузы и многие другие народы Европы и Азии наделяли веник магической силой, верили в его способность оберегать. Так, например, у грузин, если мать отлучалась по каким-нибудь домашним делам, то к люльке приставляли веник. Считали, что тогда «злой ангел не сможет навредить ребёнку» («ави ангелози ар даэтаносо») [20, с.95].

Как видим, обычай использовать веник в качестве оберега, «защитника» распространен чрезвычайно широко, что усложняет определение места и времени его появления.

В конце XIX века у греков существовал целый ритуал, составной частью которого был хлеб-оберег. На 40-ой день после родов, когда роженица с ребенком и повитухой возвращались домой из церкви, на пороге дома их ждала крестная мать новорожденного. Она разворачивала одеяло и клала туда кусочек хлеба, обожженного на свече, и произносила: «Будь белый, как сахар (т.е., проживи до седых волос) и добрый, как хлеб» [8, с.182] – «насынбу шекер бияз, оле сачларын бияз олсун» [9, с.415]. С этого момента кусочек хлеба всегда был в одеяле младенца и выступал в роли оберега от сглаза и разных болезней.

Наши информаторы рассказывали, что кусочек хлеба прятали не только в одеяло младенца, но и под подушку, как и обереги из металла, лекарственные травы. Вероятно, это новая форма обычая, который существовал в конце XIX века и был описан С. И. Марковым и О. Н. Ксенофоновой-Петренко.

Культовый хлеб, каравай и в наши дни широко распространен в традиционной обрядности как греков Приазовья [14, л.7,12], так и многих других народов. В языческий период хлеб выступал предметом жертвоприношений, в условиях современности он является в представлениях людей символом богатства, долголетия, плодородия. Поэтому не случайно ему приписывают и функции оберега.

Кроме хлеба в качестве оберега использовали соль. Впрочем, она лишь условно может быть отнесена к оберегам [11, с.24], поскольку ряд народов Европы и Азии (в том числе греки Приазовья) использовали ее и как антисептик в условиях жаркого климата [18, с.95-96].

Информация из наших экспедиционных исследований по этому поводу тоже очень противоречива. В ряде сел (Старый Крым, Первомайское (Мангуш), Раздольное (Аргин Кара-коба)), как сообщают наши информаторы соль добавляли в воду для купания новорожденного, «чтобы ребенок меньше потел» [14, л.9; 16, л.8, 27]. Как показывают результаты наших полевых работ в Крыму, обычай купания ребенка в соленой воде был и у крымских татар. Они с той же целью, что и жители приазовских сел опускали ребенка в соленую воду [26, с.8] и не смывали ее до утра [13, л.1а]. По свидетельству Г. Боплана «татарки день в день купают новорожденного в воде с солью, чтобы сделать кожу ребенка грубее и менее подающейся холоду» [26, с.9].

В селах Стыла, Гранитное (Карань), Комар (Камара), Раздольное (Аргин Кара-коба), Богатырь солью посыпали некоторые части тела новорожденного [14, л.3, 13, 21, 151]. Таким же образом поступали повитухи у турок и армян [19, с.131; 2, с.164].

В селе Великая Новоселка (Аргин Ени-сала) соль и мак рассыпали во всех углах детской комнаты по понедельникам, чтобы очистить ее от «нечистой силы». Во дворе рассыпали освященный в церкви мак и произносили: «Кто этот мак соберет, тот здоровье заберет, а если нет – то здоровье у меня остается» [15, л.34].

Трудно сказать какой смысл первоначально был заложен в обычай использования соли в родильно-крестильной обрядности. Возможно, соль начали использовать именно в качестве оберега, а потом, наблюдая за ее позитивным действием на организм ребенка, стали применять в рациональных целях.

Таковыми оберегами как синяя бусинка и синька, разбавленная растительным маслом пользовались только в урумских селах, таких как Ласпи, Гранитное (Карань), Богатырь, Комар (Камара), Старомлиновка (Керменчик). Бусину подвешивали к одежде ребенка, а синькой мазали за ухом новорожденного и роженицы. Синяя бусина также играла роль амулета у азербайджанцев и турок [17, с.40; 19, с.133], армян [23, с.22]. Амулет с синим камнем пришивался на спину одежды ребенка, а его самого пеленали в синюю материю. Как свидетельствуют материалы наших полевых исследований в Крыму, черная или синяя бусина с белым кружочком посередине («гуз бунджах») остается оберегом у крымских татар. Такие бусины нанизывают на шнурок и одевают на руку детям, внешне «гуз бунджах» напоминает оберег приазовских греков, турок и азербайджанцев.

Вероятно, использование синего цвета как оберега, урумы могли перенять у крымских татар, испытав влияние пережитков доисламских традиций этого народа на свою культуру. Ведь урумы компактно проживали в юго-западной части полуострова и имели более тесные, чем греки-румели, этнические контакты с крымскими татарами.

Греческие матери, оберегая детей от сглаза, одевали им на руку нитки или шнурки разного цвета – белого, голубого и коричневого в Кременевке (Чердаклы); красного, черного, белого – в селах Ялта и Приморское (Гурзуф), красного цвета – в селе Сартана.

В отличие от других цветов, значение красного цвета не вызывает сомнений, он с древних времен символизирует у греков жизнь. Неслучайно, платье греческой невесты было именно красного цвета [8, с.177].

Интересно, что информация об описанном обереге сохранилась только в селах, основанных румеями – выходцами из сел южного берега Крыма (Ялта, Гурзуф) и юго-западной, горной части полуострова (Сартана, Чердаклы). Известно, что в Греции во второй половине XIX в. также использовали как оберег, цветные повязки на руку, они делались из полосок ситца, ниток, лент [21, с.32].

В Болгарии повязки из красных и белых нитей назывались «мартеницами», их изготавливала 1 марта самая старшая женщина в семье. «Мартеницы» сохраняли для маленьких детей, используя как оберег от сглаза [7, с.282-283]. В Албании также широко использовались подобные повязки, но их магическое содержание утрачено и сейчас они воспринимаются населением, как традиционное украшение [6, с.316]. Описанные сведения могут свидетельствовать о балканском происхождении данного оберега, вера в магические силы которого сохранилась у многих народов: греков, болгар, албанцев, до наших дней.

В данное время приазовские греки продолжают использовать как обереги повязки из цветных нитей, выворачивать одежду наизнанку, шить одежду для новорожденного из 3 или 7 кусков материи. Числа 3 и 7 у приазовских греков имеют сакральное значение и часто встречаются в родильно-крестильной обрядности.

В селах Старая Ласпа (Ласпи) и Великая Новоселовка (Аргин Ени-сала) и в наши дни используют такое береговое действие, как умывание лица ребенка святой водой и вытирание его после этого одеждой матери.

Анализируя каждый из элементов этого действия, необходимо отметить следующее:

Во-первых, вера в сверхъестественную силу воды, источника плодородия и символа жизни на земле свойственна не только приазовским грекам, но и многим другим этносам. Ее лечебные, береговые свойства, используют народные знахари, а в христианские времена вода стала незаменимым атрибутом крещения. Особой силой наделяют воду источников и колодцев, из которых утром еще не брали воды.

Во-вторых, в данном береговом действии наряду с верой в магические свойства воды прослеживается вера в связь между роженицей и ребенком, которая формируется уже в момент зачатия. Поэтому приазовские греки регламентировали способ жизни и поведение женщины, чтобы беременность и роды прошли благополучно. У приазовских греков существовал целый комплекс запретов для беременных женщин, в него входили, как рациональные – не поднимать тяжелого, не пить спиртного, так и магические и религиозные запреты – не садиться на пустые мешки, не переступить через кошку, не нюхать цветы и т.д.

В селах Улаклы, Великая Новоселка (Аргин-Ени-сала) если думали, что ребенка сглазили, выполняли следующий ритуал. С головы ребенка срезали волосы с четырех сторон, делая крестообразный знак. Потом срезанные волосы складывали в кусок материи, туда же помещали сухие лекарственные травы и хранили в тайном месте [15, л.38]. Это греческое береговое действие перекликается с украинским обрядом «пострижины» [3, с.177], который выполняется через год после рождения ребенка. Крестный отец или крестная мать, в зависимости от пола ребенка, выстригали своему крестнику волосы с четырех сторон, символизирующий крест. Не исключено, что греки в Приазовье переняли данный обычай у украинцев.

Если не один из вышеперечисленных способов не помогал, матери обращались к помощи знахарок. Те использовали такой способ для лечения от сглаза как металлический обруч [15, л.26]. Он представлял собой круг из меди с 40 дырочками по контуру, в который протягивали 40 шнурков разного цвета и длины. Через этот обруч продевали ребенка от головы до ног и тем самым якобы «снимали сглаз».

Продевание ребенка через разные круглые предметы (круг, дупло и др.), по мнению М. Познанского, должно было: 1) или передать боль, сглаз неодушевленному предмету; 2) или имитировать рождение ребенка, после которого он освобождался от всех болезней и сглаза [12, с.225]. Также в данном обереге объединены вера в магическую силу металлических предметов с символическим числом 40, что для христиан ассоциируется с 40 святыми мучениками.

Для лечения ребенка от сглаза знахарки и сейчас используют заговоры. Согласно одному из этнографических определений: «заговор – это словесная формула, что имеет репутацию средства для достижения определенных результатов при условии соблюдения при этом всех необходимых мер, противиться которым не может никакой закон природы, никакая индивидуальная воля» [12, с.102].

Происхождение начальных форм заговоров относится к глубокой древности, ко времени, когда первобытный человек обожествлял природу. Самые древние заговоры были основаны не только на вере в силу слова, а и в действие обряда заговора, в магическую силу, которые со временем стали забываться [10, с.33].

С распространением христианства много заговоров приняли форму молитвы. Интересно, что перед чтением заговоров знахарка обязательно читала православные молитвы «Отче наш», «Богородица - Дева, радуйся», на греческом или русском языке.

Некоторые из используемых греками заговоров нам удалось записать во время работы экспедиции в селах Великая Новоселка (Аргин Ени-сала) и Староласпа [15, л.35]. Так, румеи для снятия порчи читали вначале молитву «Отче наш», а затем специальную молитву от «сглаза»: «Дьи курица катъандан камешкан адоли пирас ис атроп экам ахмат наекам асги ах атрапу мат ах тифил, ах кардъиа, ах кулара, ах улпа. Аминь. Аминь. Аминь».

В урумском варианте молитва от сглаза звучит следующим образом: «Панаян андаг долче софрас зутне юш дугум одугум нельч се витан назар чезельсин. Панаян хортос баба оглан азис нен ялварим сезе сиза ялдырсы олмуз витан назаран алниз юстундэ. Аминь. Аминь. Аминь».

У греков Приазовья, как и многих народов мира, широко использовались заговоры не только от сглаза, но и в случае испуга у ребенка, если малыш беспокойно спал и др.

Подводя итоги, отметим, что береговой комплекс приазовских греков сохранился не полностью, некоторые его элементы утратили свое первоначальное значение. Большая часть оберегов,

которые дошли до наших дней и используются и сейчас (изделия из железа, хлеб, соль, вода) связаны с дохристианскими религиозными представлениями и свидетельствует о древности их происхождения.

Перечисленные греческие обереги находят прямые аналогии в родильной обрядности крымских татар, турок, болгар, албанцев, украинцев, народов Кавказа. Это может свидетельствовать о тесных контактах греков и представителей данных этносов в разные исторические периоды. Не случайно Крым, Кавказ, Балканы, Турция этнологи относят к одной историко-этнографической области – «Юго-Восточная Европа».

Выявленные расхождения в оберегах урумов и румеев (лекарственные травы, синяя бусина, повязка на руку из разноцветных нитей) обусловлены не столько разницей их этнического происхождения, сколько степенью интенсивности этнокультурных контактов, что во многом связано с локализацией этих этнографических групп на территории Крыма и Приазовья.

Список литературы

1. Араджиони, М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории (80-е гг. XVIII – 90-е гг. XX вв.) / М. А. Араджиони. – Симферополь : Амена, 1999. – 132 с.
2. Бунятов, Г. Домашнее воспитание армян Ереванской губернии / Г. Бунятов // Этнографическое обозрение (ЭО). – 1894. - № 4. – С. 163 – 169.
3. Гаврилюк, Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев) / Н. К. Гаврилюк. – К. : Наукова Думка, 1981. – 224 с.
4. Гаджиев, Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана / Г. А. Гаджиев. – М. : Наука, 1991. – 179 с.
5. Гвоздевич, С. Родильна обрядовість поліщуків / С. Гвоздевич // Полісся України : матеріали історико-етнографічного дослідження. – Львів : Інститут народознавства НАН України, 1997. – Вип. 1 : Київське Полісся. – С. 164 – 171.
6. Иванова, Ю. В. Албанцы / Ю. В. Иванова // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Весенние праздники. – М. : Наука, 1977. – С. 316 – 321.
7. Калоева, Т. А. Болгары / Т. А. Калоева // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX вв.). Весенние праздники. – М. : Наука, 1977. – С. 276 – 292.
8. Ксенофонтова-Петренко, О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонтова-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М. : Наука, 1979. – С. 173 – 185.
9. Марков, С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя / С. И. Марков // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С. 406 – 438.
10. Минько, Л. И. Знахарство. Истоки, сущность и причины бытования / Л. И. Минько. – Минск : Наука и техника, 1971 – 119 с.
11. Музыченко, А. Ф. Первые года детства у болгар / А. Ф. Музыченко // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. – 1903. – № 3. – С. 18 – 27.
12. Познанский, Н. Заговор. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский // Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. – Петроград, 1917. – Ч. СXXXVI. – С. 128 – 250.
13. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар : полевая тетрадь № 1, 2010. – Л. 1 – 7. (лич. арх. авт.)
14. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 7/1, 1993. – Л. 2 – 80. (лич. арх. авт.)
15. (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 1/1, 1994. – Л. 7 – 77. (лич. арх. авт.)
16. (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 1, 1995. – Л. 3 – 30. (лич. арх. авт.)
17. Пчелинцева, Н. Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья у азербайджанцев / Н. Д. Пчелинцева // Полевые исследования института этнографии за 1983. – М. : Наука, 1987. – С. 38 – 44.
18. Редько, А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери / А. Редько // ЭО. – 1899. - № 2. – С. 54 – 132.
19. Серебрякова, М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне / М. Н. Серебрякова. – М. : Наука, 1979. – 166 с.
20. Соловьева, Л. Т. Обряды и обычаи грузин, связанные с охраной здоровья детей (нач. XX в.) / Л. Т. Соловьева // Полевые исследования Института этнографии за 1980 – 1981 гг. – М.: Наука, 1984. – С. 93 – 101.
21. Сумцов, Н. Ф. Личные обереги от сглаза / Н. Ф. Сумцов. – Харьков, 1896. – 20 с.

22. Хайрулина, М. Г. Про бабу-повитуху, сонце-Ярило та глиняне намисто / М. Г. Хайрулина // Україна. – 1991. - № 8. – С. 42 – 44.
23. Чурсин, Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов / Г. Ф. Чурсин. – Махачкала : Издание Ассоциации Северокавказских горских краеведческих организаций, 1929 . – 46 с.
24. Чурсин, Г. Ф. Культ железа у кавказских народов / Г. Ф. Чурсин // Известия Кавказского историко-археологического института. – Тифлис, 1927. – Т. 5. – С. 67 – 106.
25. Шевченко, В. И. Древние верования и обряды в греческих колониях / В. И. Шевченко // Наука и техника. – 1927. - № 52. – С. 11.
26. Энвер, Ш. Доисламские религиозно-культовые представления, сохранившиеся в семейном быту крымтатар / Ш. Энвер // Къасевет. – 1989 . – № 2 (17). – С. 8 – 9.

Статья поступила в редакцию 10.11.2017

Dmitrieva, V. V. Wards in the maternity and christening rites of the Crimean and Azovian Greeks

The complex of amulets used in the maternity and christening ritual of the Greeks of Crimea and the Azov Sea for the protection of the newborn and the maternity from the effects of evil eye and evil spirit is considered and analyzed. Analogies with amulets in maternity rituals of the Crimean Tatars, Turks, Bulgarians, Albanians, Ukrainians, and the peoples of the Caucasus are revealed.

Keywords: Greeks of the Crimea and the Azov Sea, maternity-baptismal ritual, amulet, evil eye.

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

* * *

УДК 21.41.63

В статье анализируется христианская литература, которая сыграла определяющую роль в становлении зарождающегося православного духовного мира Древней Руси. Христианство в Руси отличалось этическим пониманием религиозной веры и жизни. С момента появления христианства главенствовало в общественной мысли идея о непознаваемости Бога, то есть господствовало апофатическое богословие. Это и определило как стиль жизни, так и способ мысли общества Древней Руси. Земной мир – это источник греха, зла, поэтому он не достоин внимания и украшения. Православие в Киевской Руси представляет собой более иррационалистическую, чем рационалистическую форму христианской религии. В споре веры и разума православие становится на сторону веры. Литература периода Киевской Руси носит религиозно-дидактический, церковно-учительный, человековедческий характер.

Ключевые слова: духовная культура, Киевская Русь, крещение Руси, христианство, язычество, патристическая литература.

Н. В. Наумова, доцент, канд. филос. наук.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: g as@list.ru

А. С. Глушак, профессор, д-р филос. наук.

E-mail: g as@list.ru

ПАТРИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Духовная культура Древней Руси представляет собой сложное и многоплановое явление, состоящее из множества граней и особенностей. Духовный мир средневековой Руси может быть представлен по произведениям наиболее характерных, ярких и наиболее почитаемых авторов. Среди них, несомненно, такие авторы как Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Ефрем Сирийский, Василий Великий.

Одно из центральных мест в творчестве средневековья занимали комментарии на первые главы книги Бытия, где был сформулирован средневековый взгляд на космос и природу. Среди наиболее читаемых и популярных произведений Отцов церкви, которые пришли на Русь после ее крещения, были «Беседы на Шестоднев» Василия Великого. Они состоят из девяти бесед на акты творения Богом мира. Однако, вопреки ожиданию увидеть богословские тонкости полета религиозной мысли, мы видим вполне здравое и в некоторой степени даже естественно-научное, учебно-прикладное изложение многих весьма интересных вопросов устройства вселенной, земли, природных явлений, рассказы о животных, растениях и птицах, обитающих на земле. Структура «Беседы» Василия Великого очень характерна. Каждая глава посвящена одной фразе из книги Бытия «Изумительные мысли вызывает у меня слово: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт. I, 1). Далее Василий Великий рассматривает основные воззрения античных философов на природу и делает вывод, что эллинские мудрецы, хотя и много рассуждали по этому вопросу, но не пришли к единому мнению. Последующие учения всегда опровергали предыдущие. «Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины. Потому одни прибегали к вещественным началам, и причину всех вещей приписывали стихиям мира, другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела. Подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это, и предлагают столько мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: в начале сотвори Бог небо и землю» [1, с. 19]. Далее покритиковав многочисленные рассуждения мирских мудрецов о естестве неба, Василий Великий делает вывод: «Но мы предоставим им низлагать друг друга, сами же, не касаясь рассуждений о сущности, и поверив Моисею, что сотвори Бог небо и землю, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир» [1, с. 20]. Слова отцов церкви просты,

но неподдельная искренность и вера в правоту ими обретенной истины питала и по сию пору питает христианство.

«Беседы на Шестоднев» – это в меньшей степени религиозно-богословское сочинение, а скорее учебное, естественнонаучное, натурфилософское произведение, где содержится довольно интересная и обширная информация по весьма разным вопросам. Интересно рассуждение Василия Великого о создании света Богом. До создания света была тьма: «и тьма над бездною» [Быт I, 2]. Значит ли это, что «тьма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само от себя имеющее начало, противоположное и противодействующее Божией благодати» [1, с. 27].

Первое место по популярности на Руси во все времена занимал Иоанн Златоуст. Его Слова, то есть отдельные небольшие произведения на ту или иную тему, составлялись в специальные сборники или хрестоматии «Златоструй», «Златоуст», «Маргарит». Имя Златоуста стало синонимом всякой «книжной сладости». Чем же так полюбился Златоуст на Руси?

Иоанн Златоуст обладал даром слова, слова живого, яркого, точного, сладостного, истинно изливающегося из золотых уст. Вот как начинается, например, Слово «О Лазаре», где он с первых строк сурово осуждает тех, кто предавались языческим новогодним безумствам, и хвалит тех, кто сделал из новолетия день духовных радостей. «Вчерашний день, бывший сатанинским праздником, вы сделали праздником духовным, приняв слова мои с великою благосклонностью, и большую часть дня проведши здесь, насладившись питием, исполненным любомудрия, и ликовавши вместе с Павлом. Таким образом, вы получили двойную пользу: уклонились от бесчинной пляски пьянствующих, и предавались восторгам духовным, совершающимся с великою благопристойностью; пили из чаши, не вино изливающей, но исполненной духовного учения, и сделались свирелью и кифарою для Святого Духа; тогда как другие ликовали в честь диавола, вы, соделав себя чрез пребывание здесь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться ваших душ и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца; от того вы и возгласили стройную песнь, услаждающую не только людей, но и горние силы» [2, с. 778].

У Златоуста есть и такой великолепный образ: Христос, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а люди, вместо того, чтобы принять его, украшают пол, стены, верхи столбов, привязывают к лошадям серебряные цепи. В тоже время на Христа, связанного в темнице, они и взглянуть не хотят.

Иоанн Златоуст – учитель нравственности. Его проповеди – это популярная энциклопедия христианского нравоучения.

«Лествица» (или «скрижали духовные») Иоанна Лествичника показывает путь христианского самосовершенствования. По своему содержанию она может быть разделена на две части. В первой, состоящей из 23 глав, говорится о грехах, а также о пороках, противных христианской жизни. Вторая, заключительная часть (главы 24-30), посвящена добродетелям. Хотя это путь монашеского подвига, но в нем нет каких-то особых аскетических крайностей. Восходя по ступеням усмирения страстей, христианин идет по лестнице самосовершенствования и приобретает добродетели.

Язык Лествицы прост, незатейлив, красив и сочен, примеры ярки и образны, изложение подкупает искренностью и смиренномудрием, а богоустремленность сочетается с пониманием и знанием человеческих страстей и греховных помыслов.

Вот как он описывает в «Лествице» отречение от мира. «Все, охотно оставившие мирскую жизнь, без сомнения, сделали сие или ради будущего царствия, или по причине множества грехов своих, или из любви к Богу. Если же не предшествовала у них ни одна из означенных целей, то удаление их от мира неразумно» [3, с. 5]. Приступающий же к сему подвигу должен прежде всего отречься и начать с трех оснований: незлобия, поста и целомудрия [3, с. 10]. Для живущих же в миру Иоанн дает такую заповедь: «Что только можете делать доброго, делайте; никого не злословьте; ни у кого не крадите; ни на кого не лгите; ни перед кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти; не уклоняйтесь от церковных собраний; будьте сострадательны к нуждающимся, никого не соблазняйте, к чужой доле не приближайтесь, и будьте довольны оброками жен ваших. Если так станете поступать, то не далеко будете от Царства Небесного» [3, с. 21].

Вместе с тем здесь опять же, как и у Златоуста, нет полета абстрактных богословско-философских рассуждений, нет теоретических построений, а есть практические советы нравственного характера. Это слова и наставления не о том, как рассуждать о мире и жизни, а о том как жить. Практические наставления в христианской жизни ценились на Руси более богословских построений и, несомненно, находило отклик такое утверждение Лествичника: «Непорочность делает ученика богословом, и он сам собою постигает догмат о Троице».

Таким образом, Иоанн Лествичник помогает представить круг духовных поисков человека средневековой Руси. Мы видим, что это извечный поиск праведной жизни, путь духовного стяжания, ориентация на высокие нравственные идеалы внутреннего делания, укрощение «кичливости философии», не совместимой со смирением и стремление к «небесной простоте». Это – путь к Богу не через какие-то внешние формы проявления, а через преобразование самого себя по образу и подобию Божию, не через рассудочное рациональное постижение мира, а через самоочищение, самосовершенствование, через внутреннее устремление к соединению с Богом.

Путь древнерусского аскетизма – это путь Иоанна Лествичника, где суровая аскеза, умерщвление плоти не являются самоцелью, а скорее наоборот. Аскеза не должна выставляться на показ, не должна порождать гордыню. Аскетизм – не цель, но путь к духовному деланию. Аскетический образ жизни был направлен на переключение духовной энергии человека с внешнего на внутренний мир. Он должен был способствовать обострению внутреннего духовного зрения, ведения. Но вместе с тем аскетизм, также как и высшие состояния слияния с Божественным абсолютом, с Божественным светом (в последствии более разработанные в исихастских кругах) не могут быть самоцелью. Как и у Лествичника, высоты лестницы богопознания не составляют сущности духовного делания. Не искание чуда, особых заслуг или дарований, например, дара целительства, не утверждение себя как сверхчеловека в мистическом акте созерцания Божественной благодати является основным путем мистиков-аскетов на Руси. Основа основ – это нравственное совершенствование, это совершенствование в любви к Богу и ближнему, это укрощение греховных страстей и воспитание добродетелей – это 23 ступени из 30 ступеней лестницы. Высшие же ступени приближения к Богу – это таинство и искомая и может быть даруемая заслуга, награда, но не корыстная цель. Отсюда и своеобразие мистицизма, мистического единения с Богом.

На Руси не возможно было, как то было в Византии, всеобщее увлечение богословскими спорами о подобосущей или единосущей ипостаси Иисуса Христа или о лицах Троицы. Древним русичам открылись новые уровни духовной жизни, упование на блаженство «будущего века» и духовную радость уже в этой жизни привлекали значительно больше. Поэтому в богословской мысли наибольшую популярность имели учителя нравственности, такие как Иоанн Златоуст, среди мистиков-аскетов – Иоанн Лествичник, учивший праведно жить, а не отказываться от жизни в суровой аскезе.

Наиболее популярными после Иоанна Златоуста были слова Ефрема Сирина. Его произведения были специально рекомендованы монастырским уставом для чтения. В монастырях практиковался обычай в определенные часы, например, во время трапезы чтения вслух поучительной литературы. Был круг литературы для монахов, белого духовенства, а также для светских людей, христоролюбцев, то есть людей, озабоченных духовными поисками, которых на Руси всегда было немало среди самых разных слоев населения.

Произведения Златоуста и Иоанна Лествичника по самому своему содержанию обращены к широкому кругу людей, они более мягки в своих поучениях, не требуют жесткого аскетизма и менее категоричны в призывах отречения от радостей этого мира. Ефрем Сирин более суров и может рассматриваться скорее как наставник монашеской жизни. «Воспримем же наконец попечение о спасении души», ибо «душа всего выше», – призывает Ефрем Сирин и скорбит, что род человеческий погружен в сон. Праведные, святые и подвижники веселятся в час смерти и разлучения с телом, ибо чают войти в покой, в жизнь вечную, «где всегда радость и веселие, и восторг, и трапеза, исполненная духовных снедей» [4, с. 321]. Итак, «увещевания к покаянию» наполнены светоносным призывом к поиску духовных радостей во имя «вечного веселья в небесном царстве».

Поучения Ефрема Сирина весьма суровы и направлены на полное отрицание земных благ: «взор обращай долу, а душу – горе, с юношей не доходи до вольного обращения, а с женщиной и говорить – лишнее дело». «Всегда спокоен духом, весел лицом, здрав умом» – таков идеал монаха для Ефрема Сирина.

Итак, идеал Ефрема, его поучения более суровы и могут быть приняты в полной мере лишь теми, кто вступил на путь монашеского подвига. Однако его нравственные поучения, как и уроки Златоуста и Лествичника, касающиеся душевных добродетелей и страстей, как идеал добродетельной жизни, выходили далеко за пределы монастырей. Они формировали духовную атмосферу крещеной Руси, именно они показывали идеал должного, тот ориентир, маяк, куда следует идти.

Христианство на Руси было воспринято, прежде всего, и глубже всего на эмоционально-этическом уровне. Именно на этом уровне наиболее активно, плодотворно и самобытно шло развитие духовной культуры. Характеризуя этот период, знаменитый русский философ Г. П. Федотов писал: «Киевская Русь, подобно золотым дням детства, не померкла в памяти русского народа. В чистом источнике ее письменности всякий, кто захочет, может утолить духовную жажду; среди ее древних авторов может

найти проводников, способных помочь среди трудностей современного мира. Киевское христианство для русской религиозности имеет то же значение, что Пушкин — для русского художественного сознания: значение образца, золотой меры, царского пути» [5, с. 364]. Этот период становления и созидания государственности ознаменован появлением истинных светочей христианской веры и мысли.

Отметим, что и в самой Византии не было единообразного представления о пути самосовершенствования. Там сформировались две школы монашества — египетская и палестинская. Первая проповедовала путь суровой аскезы, полагая, что наилучшим способом преодоления страстей является полный отказ от «мира». Святой Антоний призывал к умерщвлению тела, которое воспринимал как главный источник греха. Однако под влиянием святоотеческой концепции «теозиса» («обожения плоти») плоть была оправдана. Утверждалось, что злом является не сама телесность, но неправильное пользование ею. По мнению Исаака Сирина, «мир» — это не нечто внешнее и враждебное человеку. Это, прежде всего, совокупность человеческих страстей, стоящих на пути самосовершенствования и нуждающихся в обуздании. Палестинская школа увидела свое призвание не столько в аскезе, сколько в сострадательной и деятельной любви. Если в египетской школе любовь понималась как абсолютная отдача Богу, то в палестинской школе любовь была направлена на весь «тварный» мир. Таким образом реализовывался мистический идеал единства человечества, которое живет «жизнью во Христе» [6, с. 57- 58].

В Древней Руси также были представлены два образа монашества — аскетический и деятельный. Один был реализован Антонием Печерским, а второй — Феодосием Печерским [7, с. 846-847]. Интересным представляется вывод, сделанный Иоанном Кологривовым, что в эпоху Киевской Руси сформировались три типа святости: тип святых князей-воинов, тип святых отшельников (преп. Антоний и его подражатели) и тип общежительной монашеской святости (преп. Феодосий). Именно последний стал на Руси наиболее почитаемым. Победу деятельного типа святости Иоанн Кологривов связывает с тем предпочтением, которое было отдано на Руси не египетской, а палестинской школе византийского монашества [8, с. 34, 409].

Подводя краткие итоги можно утверждать, что нравственное совершенствование и созерцательная внутренняя духовная жизнь открылась неофитам Руси в трудах наиболее любимых и читаемых авторов Златоуста, Иоанна Лествичника и Ефрема Сирина.

Надо сказать, что восприятие христианских истин сразу же после крещения удивительным образом совпадает и соответствует всему дальнейшему пути христианства в наших землях. Душевное ведение, забота о душе привлекло Феодосия Печерского, Владимира Мономаха. Стабильность этого уровня постижения христианских истин наблюдается и в дальнейшем.

За тысячелетний период существования христианства в наших землях сфера духа, духовной жизни по-видимому все еще, как и первым русичам, открывается нам и захватывает нас с прежней искренностью и неискушенностью. Если бурный многотысячелетний поиск духовных высот то ли в сфере рационально-логического мышления, то ли мистического ведения порядком поубавил пыл более старой западной цивилизации и обратил ее к проблемам реальной, земной, человеческой жизни, то древнерусский народ все еще одержим поиском идеала в сфере духа. Подчиняя жизнь идее, все равно какой (христианской святости в период Киевской Руси или коммунизма как рая на земле), наш народ с наивной неискушенностью верит в успех дела.

Русь киевского периода недаром называют святой Русью, ибо она искренне уверовала в идеалы святости, то есть ухода от благ земной жизни, и не создала хотя бы какого-нибудь достойного призыва, обоснования для более основательного обустройства на этой грешной земле. Идеалы, проповедуемые христианскими аскетами, воплощались не только в пещерах Киево-Печерской лавры. Они распространялись широко и далеко от этих пещер. Других же идеалов кроме душевного ведения христианская мысль на Руси, по-видимому, не породила. Однако духовное чтение Киевской Руси может быть изучено не только по памятникам наиболее популярной переводной литературы. Наиболее достоверные сведения о том, как воспринималось христианство неофитами на Руси, дают произведения первых отечественных христианских писателей.

Таким образом, при философско-религиоведческом анализе всегда надо иметь в виду, что христианство выступает как парадигмальный, формообразующий фактор духовного развития народа Киевской Руси. Совершается трансформация христианских идей на специфической духовной почве, что обусловило своеобразие принятия христианских истин древнерусским сообществом.

Важной особенностью духовного становления этого периода является то, что в духовном мире Руси не прижился философско-рассудочный, логико-дискурсивный стиль мышления, поэтому не

интеллектуально-рассудочное, а эмоционально-чувственное, эстетическое и этическое восприятие христианства доминировало с самого начала его появления на наших землях.

Изначально существовал приоритет нравственно-поучительных, практически-регулятивных, коммуникативно ориентированных установок, а не богословски утонченных, абстрактно отточенных рассуждений. Поэтому серьезная богословская литература не была популярна, а были наиболее известны учителя ранней патристики с их афористической морально-этической сентенцией.

Большое влияние на формирование духовной культуры Киевской Руси оказало доминирование апофатического богословия, приоритетность идеи непостижимости Бога, слишком резкое разграничение божественного и мирского, горнего и дольного. Моральным идеалом для подражания в Киевской Руси постепенно становится духовное совершенствование как восхождение по ступеням умирения страстей и поднятия по лестнице обретения христианских добродетелей.

На Руси не в почете было построение сложных вербальных схем, но ценилась целостность восприятия, которая лучше всего отражалась живым, образным языком, а не построением сложных схоластических конструкций. Скорее не гносеологические, а социальные, нравственные, духовные проблемы всегда более привлекали книжников на Руси.

В самом начале развития религиозной мысли восточнославянскому сообществу были предложены два пути: путь мистического, иррационального приобщения к божественной благодати и путь спасения добрыми делами, т.е. некоторое допущение рационального в сферу по своей сути ориентированную на трансцендентное.

Таким образом, проповедуемый религиозно-мистическим течением образ жизни и путь спасения благодатью оказался доминирующим в восточном христианстве. Внутреннее делание, откровение, благодать, покаяние, молитва – таковы плохо выражимые в рациональных категориях основные понятия православия. На Руси более прижилось умеренно-аскетическое направление христианской жизни, когда аскет – это, прежде всего, духовный подвижник, образец нестяжания, кротости, трудолюбия.

Обращение к истокам формирования духовной культуры позволяет ввести в оборот современности труды первых христианских мыслителей на Руси, а также оценить роль патристической литературы в духовной культуре нации.

Список литературы

1. Василий Великий. Творения. Ч.1 / Василий Великий. – М., 1845. – 446 с.
2. Ефрем Сирийский. Увещание к покаянию и содеянию спасения / Ефрем Сирийский //Добротолюбие. В 5 т. Т.2. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. – С. 311–339.
3. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. В 12 т. Т. 1. / Иоанн Златоуст – СПб.: Изд. Санкт-Петербург. Дух. Академии, 1898-1904. – 995 с.
4. Иоанн Лествичник. Лествица / Иоанн Лествичник – М.: Братство во имя всемилостивого Спаса, 1991. – 220 с.
5. Федотов, Г. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 10. Русская религиозность. Ч. I. : Христианство Киевской Руси, X—XIII вв. / Г. П. Федотов. - М.: Мартис, 2001. – 382 с.
6. Жиртуева, Н. С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2017. – № 3. – С. 52–62.
7. Жиртуева, Н. С. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и Крыма / Н. С. Жиртуева //Философия и культура. — 2015. — № 6. — С. 843—852. — DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070. — URL: http://www.nbpublish.com/fkmag/contents_2015_6.html (дата обращения: 11.10.2017).
8. Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости / Иоанн Кологривов. – Siracusa: Editrice “Istina”, 1991. – 415 с.
9. Наумова, Н. В. Рациональное и иррациональное в христианской средневековой философии / Н. В. Наумова, А. С. Глушак // Философия и культура. — 2017. – № 10. – С.25-35. – DOI: 10.7256/2454-0757.2017.10.21936. - URL: http://e-notabene.ru/pfk/article_21936.html (дата обращения: 9.10.2017).
10. Наумова, Н.В. Славянская духовность в контексте восточных и западных мировоззренческих парадигм / Н. В. Наумова, А. С. Глушак // Философия и культура. — 2016. – № 9. – С.1245–1252. – DOI: 10.7256/1999-2793.2016.9.17081
11. Наумова, Н. В. Крещение Руси: исторический дискурс / Н. В. Наумова, А. С. Глушак // Парадигмы истории и общественного развития : сб. науч. тр. — Севастополь, 2016. — Вып. 4. — С. 43–49.

Статья поступила в редакцию 8.10.2017

Naumova, N. V., Glushak, A. S. *Patristic literature in orthodox tradition Ancient Rus'*

In article Christian literature which has played the defining role in formation of the arising orthodox inner world of Ancient Russia is analyzed. Christianity in Russia was distinguished by an ethical understanding of religious faith and life. Since the advent of Christianity, the idea of God's unknowability dominated public thought, that is, apophatic theology dominated. This both determined the way of life, and the way of thinking of the society of Ancient Rus'. The earthly world is the source of sin, evil, therefore it is not worthy of attention and decoration. Orthodoxy in Kievan Rus' is more irrational than the rationalistic form of the Christian religion. In the dispute between faith and reason, Orthodoxy takes the side of faith. The literature of the period of Kievan Rus' is religious-didactic, church-educational, human-character.

Keywords: spiritual culture, Kievan Rus', the baptism of Rus', Christianity, paganism, patristic literature.

УДК 009.2.726

На основе письменных источников, данных археологии и этнографических материалов проведен исторический анализ места и роли скоморохов в религиозной жизни древних славян дохристианской и раннехристианской эпох. В исследовании последовательно рассмотрены несколько наиболее значимых групп скоморохов, их социальная структура и взаимоотношения с православной церковью.

Ключевые слова: скоморохи, поводыри медведей, поэты-сказители, культ, верования, представления, традиции.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E- mail: kmn_75@mail.ru

СКОМОРОХИ НА РУСИ

В современной отечественной историографии предметом исследования становятся не только процессы развития общества, его структура и экономика, но и духовное состояние человека, архаическая основа его ментальности. Все больший интерес в этой связи в современной России вызывает восточнославянское язычество, определявшее на протяжении столетий мировоззрение наших предков. В древнерусской истории все еще остается множество белых пятен. Некоторые ее страницы вычеркнуты из летописей и заменены благочестивыми рассказами в русле византийской агиографии. Так, большой загадкой в наше время, в частности, остается часть служителей языческого культа, которую наши предки называли «скоморохами». В древнерусском языке слово «скоморох» (женский вариант «скоморошка») означает - музыкант, дудочник, волынщик, гуслиар, человек, который зарабатывает себе на жизнь танцами, песнями, шутками, актер. «Скоморошьи басни» - веселые песни. «Скоморошить» и «скоморошничать» - смешить и веселить людей [4, с. 336; 9, с. 593].

Письменные источники XI-XVII вв. свидетельствуют о том, что данным термином наши предки называли бродячих музыкантов, танцоров, певцов, поводырей медведей, бесноватых, без которых, вероятно, не обходился ни один языческий ритуал. Особенно распространены были игры скоморохов во время некоторых праздников. Запрет нанимать «нечестивых танцоров» и совершать «танцы на траве» во время русалий упоминается почти во всех славянских кормчих книгах вплоть до XVIII в.

Согласно древнерусским письменным источникам, скоморохи приходили всегда со своими музыкальными инструментами, наряжались в маскарадные костюмы, пели, танцевали и показывали различные представления. Самое активное участие принимали скоморохи в религиозных обрядах (свадьбах, похоронах и поминках).

В отечественной историографии нет единой точки зрения относительно происхождения и функций скоморохов в ранней русской культуре.

Так, Н. И. Карамзин считал, что древнеславянские скоморохи были частью жреческого сословия [15, с. 58]. По мнению А. Н. Афанасьева, скоморохи представляли собой отдельную общественную группу, причем довольно многочисленную, но к жрецам не относящуюся [4, с. 336]. Оригинальную точку зрения относительно происхождения института скоморохов выразил М. Забылин. По его мнению, скоморохи происходят от какого-то мифического народа «скомахов», якобы живших на нижнем Дунае в V и VI вв. и представлявших собой разновидность цыган [11, с. 55-56]. Б. А. Рыбаков считал скоморохов и гуслиаров особой группой волхвов [27 с.81].

Достаточно авторитетной в дореволюционный период была гипотеза о заимствовании института скоморошества нашими предками у других народов, в частности византийцев. Так, Е. Максимов высказал предположение, согласно которому скоморохи впервые пришли на Русь при княгине Ольге, одновременно с христианскими монахами [19, с.5].

Между тем, как свидетельствуют письменные источники и данные археологии, институт скоморошества образовался еще задолго до возникновения славянской государственности. Возможно, что восточнославянские скоморохи находились еще среди воинов - славян в армии царя гуннов Аттилы. Так, согласно сообщениям греческого историка V в. Приска Ритора, находившегося в греческом посольстве при царе гуннов Аттиле (около 450 г. н. э), среди гуннов находились и странные люди, со славянскими именами: Влад, Боян, Скотан, не похожие на других кочевников. Они стригли себе волосы в кружок, носили рубашки, вышитые узорами (крашениной), парились в банях, освещали свои жилища лучиной, встречали своего государя хлебом-солью, пили мед и квас. Этих людей, по словам Приска Ритора, развлекали скоморохи и песенники [18, с. 83].

Согласно тексту «Истории» византийского автора конца VI-VII ст. Феофилакта Симокатты воины базилиевса еще в начале VII. ст. встретили во Фракии несколько бродячих музыкантов, пришедших с севера. Музыканты заявили, что воевать они не умеют, а зарабатывают на жизнь тем, что играют на лирах [37, с.140].

К VI веку относят археологи и фигурки танцующих человечков с Мартыновского клада, найденного в Поросье. Человечки одеты в рубашки, расшитые ритуальными узорами славянского типа, на голове у них были странные головные уборы, не имеющие аналогов среди других подобных находок. Ноги расставлены в танце, руки упираются в стороны [29, с.72].

Фигурки танцующих человечков или их изображения на памятниках материальной культуры в рубашках, вышитых сакральными символами и ритуальных головных уборах, встречаются в различных регионах славянского мира. Примером в этом отношении может служить новгородская свинцовая фигурка танцующего человека с большими усами в длинной рубашке, найденная в культурном слое XII века, псковское изображение танцующего человечка с поднятыми вверх руками на небольшой свинцовой бляшке XII века, металлическая фигурка танцующего человечка, в сакральной рубашке до колен с городища Зубцова на Волге XI века и другие [29, с.286]. Известны были подобные металлические миниатюрные культовые фигурки и у западных славян [8, с.330].

Некоторые исследователи пришли к выводу, что данные фигурки символизируют иноземных богов - финно-угорских, аланских или аварских [1, с.286-287; 2, с. 10-23; 24, с.100; 40, с.42-55].

Решительно выступил против теории иностранного происхождения ритуальных танцующих фигурок у древних славян Б. А. Рыбаков. По его мнению, данные фигурки символизировали у наших предков домовых [26 с.81].

Можно предположить, что ряд подобных изображений имеет постороннее, неславянское происхождение, но большая их часть, безусловно, связана со славянской традицией. В пользу данной гипотезы свидетельствует, во-первых, фиксация подобных памятников на всей восточнославянской территории - от Поросья и Приднестровья на юге до территории новгородских словен и кривичей на севере, во-вторых, относительная устойчивость традиции (некоторые фигурки были найдены в культурных слоях XII в.), в-третьих, наличие подобных фигурок в различных культурных археологических слоях балтийских славян.

Некоторые исследователи видят в этих фигурках изображения громовержца - Перуна [29, с.226]. Между тем, согласно целого ряда письменных источников, Перун в сознании наших предков был грозным карающим божеством. Его обычно изображали с оружием в руках, но никак не танцующим.

Не находит подтверждения и гипотеза Б. А. Рыбакова, согласно которой данные фигурки символизировали предков-домовых. В письменных источниках, изображениях на памятниках материальной культуры, народных верованиях и традициях берегини-домовые, так же как и злонамеренные упыри, нигде не изображались танцующими в сакральных рубашках и в ритуальных головных уборах. Радзивилловская летопись, например, рисует нам «навьев» - мертвецов, истребляющих жителей Полоцка в виде птицеподобных демонов. Схожим образом описываются предки – берегини и в славянском глоссе к «Слову Григория Богослова об идолах». Многочисленный этнографический материал, характеризующий верования восточных славян в домовых, нигде не сообщает о сакральных танцах последних. Скорее всего, танцующие человечки, найденные в различных областях славянского мира, изображали скоморохов во время ритуальных танцев.

Изображения танцующих людей в скоморошьях нарядах можно найти на серебряных и золотых боярских кладах XII-XIII вв. Так, например, в 1966 году в западной части старой Рязани был найден клад серебряных вещей. Среди них были обнаружены браслеты с изображениями танцовщицы, гуслира, дудочника. На одном из браслетов изображена целая композиция: в левом углу браслета - танцовщица, в средней - гуслир и человек, пьющий из чаши. Танцующая девушка одета в рубаху, украшенную вышивкой. Девушка пьет из чаши, и одновременно, танцует (ее правая нога, обутая в изящный сапожок, поставлена на каблук). У колен танцовщицы, изображена львиная маска. Справа от девушки находится изображение сидящего на пне мужчины-русальца. На нем колпак и короткий кафтан, покрытый узором из птичьих лап. В левой руке он держит короткий жезл или свирель, а правой подносит ко рту чашу [10, с. 211].

Определенный интерес представляет также миниатюра с Радзивилловской летописи, изображающая языческие игрища. В центре композиции находится изображение девушки в длинной одежде с рукавами, свисающими ниже кистей рук примерно на длину локтя. Она танцует, размахивая рукавами как крыльями. Перед ней танцует с поднятыми руками юноша. Художник сделал фигуру девушки в полтора раза крупнее, чем юноши, подчеркивая этим ее главенство в этом танце-обряде. Двое музыкантов сидят на холмах неподалеку и играют на флейтах; один музыкант с барабаном

находится рядом с девушкой и, возможно, тоже участвует в танце [39, Л.8.].

Согласно материалам Московского Стоглавого Собора скоморохи собирались в артели и ходили по тогдашней Московской державе большими отрядами, иногда нападали на путешественников и грабили их. Письменные источники упоминают скоморошьях сотников, что указывает на существование у них определенной иерархии. Основной функцией скоморохов, вероятно, было с помощью музыки и танцев приводить людей в состояние экстаза во время народных праздников и ритуалов. Для этой цели скоморохи использовали хмельные напитки, и наркотические вещества. Пьянство во время игрищ скоморохов стало главным объектом сокрушительной критики со стороны представителей христианского духовенства. Изображения ритуальных чаш можно найти во всех композициях, изображающих скоморохов.

Трудно сказать какое место занимали скоморохи в общей структуре восточнославянского жречества. Они не были прикреплены к каким-либо языческим храмам и вели бродячий образ жизни. Вместе с тем, ритуальные игры и танцы скоморохов составляли неотъемлемую часть языческого культа. Музыкальные инструменты играли у наших предков роль оберегов. Не случайно их находят даже в некоторых восточнославянских захоронениях дохристианской эпохи. Согласно сообщениям арабского путешественника Ибн-Фадлана при погребении «знатного руса» в могилу к нему положили балалайку [13, с.97].

В древнерусской былине о новгородце Садко - гусяре рассказывается о том, как главный герой пытался своей игрой на гусях умиловить морского царя. В благодарность тот сделал Садко состоятельным купцом [5, с. 455-457]. Купец Садко Сытич историческая личность. Он упоминается в нескольких летописях как меценат, финансирующий строительство православной церкви Бориса и Глеба на Волошской улице, где когда-то функционировал храм Велеса [25, с. 300].

Особый интерес представляют маски скоморохов - так называемые «личины» и «хари», которые они надевали во время своих выступлений. Они представляли собой изображения диких и домашних животных: коров, свиней, овец, коз, медведей, волков и лисиц. Остатки этих масок фиксируют археологи в культурном слое многих древнерусских городов. Вероятно, скоморохи, таким образом, должны были имитировать поведение существ - обитателей «иноного» мира – мира зверей, органично связанного с культом Велеса. Ритуальные маски изображались на серебряных браслетах, известны и настоящие маски, выкроенные из кожи, найденные при раскопках в Новгороде [25, с. 306].

В мировой истории переодевания служителей культа в специальные маски - изображение языческих богов было достаточно распространенной практикой. Например, на территории нынешней Дании у северных германцев X века существовало языческий праздник под названием Йоль в честь бога Тора. Во время этого праздника жрецы одевались в вывернутую шкурами вверх одежду и надевали маски с изображениями Одина, Тора и различных животных. Игрища с гусярами танцами и скоморохами существовали в языческую эпоху и у западных славян. В частности, об этом сообщает средневековый хронист Эбо, описывая языческие обычаи дохристианского Воляна [8, с.326]. Обязательным было присутствие скоморохов на свадьбах, причем не только в дохристианский период, но и долгое время после принятия христианства. Вот что, например, сообщает неизвестный автор «Слова некоего Христолюбца» - «И егда же оу кого ихъ будет бракъ, творят съ бубны и съ сопелемы и многими чюдесы бесовскими» [3, с.375].

В «Слове о мудрости» Кирилла Туровского источнике XIII в., находим: «бесстудная словеса и плясание, еже в пиру и на свадьбах и в павечерницах, и на игрищах и на улицах ... и еже басни бают и в гусли гудят» [33, стб.371].

В материалах Московского Стоглавого собора имеет место следующее: «в мирских свадьбах играют глумотворцы, арганники, смехотворцы и гусельники, и бесовские песни поют; и как к церкви венчаться поедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовских рышут, а священники им в том не возбраняют» [28, с. 391].

В дохристианский период по данным арабских авторов X в., в частности Гардизи, скоморохи-музыканты присутствовали на похоронах умерших и играли на своих инструментах при сжигании тела покойника [20, с.395].

Схожие данные сообщает и Ибн-Даста. Согласно его «Книги драгоценных сокровищ», русы веселятся при сжигании покойников и играют на музыкальных инструментах. Свирели их, согласно сообщению автора, длиной в два локтя, лютия восьмиструнная [12 с.265].

Шесть веков спустя неизвестный писарь отметил в материалах Московского Стоглавого собора: «В Троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках (кладбище) и плачутся по гробом с большим кричаньем, и егда начнут играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же от плача преставше начнут скакать и плясати и в ладоши бить и песни сотонинские пети» [28, с. 391].

Скоморохов-музыкантов охотно привечали во дворцах восточнославянских князей уже в раннехристианский период. Восточнославянские властители – христиане не видели особого греха в играх скоморохов. Так, автор «Слова о князьях», осуждая в первую очередь своего князя Романа, утверждает, что восточнославянские князья проводят всю свою жизнь с «рабы и рабами, смех и веселии, с игрец», которые не отходят от них даже когда князья спят» [22, с.227].

В «Житии св. Феодосия» сообщается о том, как святой упрекал князя Святослава Ярославича за «музыкальные гласы»: ««во един от дней прииде к нему (князю) преподобный, и яко вииде в храм, идеже сядяше князь, се виде многих играющих пред ним: овых гуслиные гласы испущающих, иных органные писки гласящих, иных же иные музыкальные, и тако всех веселящихся, яко же обычай есть пред князем. Преподобный же, подле князя сядя, зряще; та же мало восклонся, рече к нему: будет ли сие во оный век грядущий? Князь же от слова преподобного умилился, прослезился мало и повеле абие престати играющим, и оттоле аще когда повелеваше тем игры творити и услышал бы пришествие преподобного, то всегда повелеваше им паки тихо стати и молчати» [16, с.55].

Представители христианского духовенства относились с ненавистью к музыке, песням, танцам и переодеваниям во время народных праздников, справедливо считая их обязательной составной частью языческих обрядов. Начиная с источников XI века и вплоть до конца XVII века, христианские писатели подвергали беспощадной критике народные игрища, но институт скоморошества оказался удивительно живучим и просуществовал почти до сер. XVII века. В «Повести временных лет», например, находим следующее: «люди, нарицающиеся христианами, живут поганьскы; дьявол, соблазняет лъстью, превабляя ны от Бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолчена и людий множество, яко унихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замышленного дела, а церкви стоять (пусты)» [21, с.73].

Во время языческих праздников как свидетельствует ряд письменных источников, происходило жесткое соперничество между православным духовенством и гуслеями, организовавшими игрища. В «Слове о твари», например, автор констатирует, что народ неохотно ходит в церковь. Но если люди увидят «плясцы или гудцы, или игрец позоветь на игрище или на какое сбирище идольское - то вси тамо текут и радуются» [7, с.82].

Сурово осуждает «бубенное плескание, свирельный звук, плясанье сотонино» и неизвестный автор древнерусского глоссы к «Слову Григория Богослова об идолах» [3, с.380]. В «Слове о казнях божьих» осуждаются «трубы, скоморохи и иные игры, гусли, свирели, плясание, смех и т.д. [3, с.34]. Нечто подобное находим и в «Слове некоего христороубца»: песни, танцы и музыка отнесены к одному разряду с «идольской службой»: «Не подобает крестьянамъ игр бесовских играти, еже есть: плясанье, гуденье, песни мирьские и жертвы идольские» [3, с.374].

Осуждается скоморошество и в славянском глоссе к «Слову о возвращении вспять на языческие дела Ефрема Сирина» - источнике второй половины XI в: «не подобает играти и глумитися... яко ходити на игрище со идолослужители имать часть. И паки той же рек: Христу зовущу пророки и апостолы и евангелисты, и от многих людей мало приходят; егда же диавол позовет гусльми и плясци и песьми неприязненными, тогда мнози собираются на то... Егда заповестся пост и бдение, то вси ужаснутся и отпадут, и вси яко мертвы будут; и аще нарекутся пирове или вечера, или гусли, или свирели, или песни неприязне иныя, то вси готови будут и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь и борются на злом том собрании, не якоже Христианом подобает, но якоже поганым» [32, ст. 30-36].

Ситуация совсем не изменилась в XIV-XV вв. В «Сказании о русальях», святого Нифонта (источнике XIV в.) читаем: «якоже труба гласящи собирает вой, молитва же творима совокуплять ангели божий; а сопели, гусли, песни неприязньскы, плясанья, плесканья собирають около себе студныя бесы; держай же сопелника, в славу любляй гусли и пенья, плесканья и плясанья, чтить темного беса». Далее описывается как святой Нифонт видит радость бесов при встрече с «сопильниками», тянут вслед за ним толпы народа и заставляют «овы плясати, а другие плескати вспевающе»; вместе с ними танцуют и бесы. Деньги, которые даются за игру и танец, - по словам сказания, жертва дьяволу [30, с. 207-209].

Другой представитель христианского духовенства того времени игумен Памфил: в «кумирное празднование, радость и веселие сотонинское... тому яко же жертва приносится всяка скверна и незаконное богомерзкое празднование. Еда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, а тогда во святую ту ночь мало не весь град взмается и взбесится бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием... встучит бо град сей и возгремят в нем людие си беззаконием и погибелью лютою, злым прелщением пред Богом, стучать бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их

накивание, устам их неприязнен кличь и вопль, всескверненные песни, бесовская угодил свершахуся, и хребтом их вихляние и ногам их скаканье и топтание» «Послании к наместнику города Пскова» обвиняет свою паству в том, что в день «Рождества Предтечева» весь Псков отмечает «кумирное празнования, радость и веселие сотонинское ... потому яко же жертва приносится всякая скверна и незаконное богомерзкое празднование. Еда так приходит велий праздник день Рождества Предтечева, а тогда во святую ту ночь мало не весь град взмается и взбесится бубны и соплей, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясание ... встучит потому град сей и возгремят в нем людие си беззакония и погибелью яростной, злым прелщением пред Богом, стучать бубны и глас соплей и гудят струны, женам же и девам плесканием и плясание и главам их накивание, устам их неприязненных зовут и вопль, всескверненные песни, бесовская угодил свершахуся, и позвоночником их вихляние и ногам их скаканье и топтание» [31, с. 320].

Весьма популярны скоморохи оставались и через несколько веков. В «Наставлении философа - епископа Белгородского», жившего в XVII в., сообщается о том, что во время праздников наши предки «упиваются, а затем играют, пляшут, в сопели сопят, кличут бесов» [34, с. 255].

Очевидно, христианская церковь смогла уничтожить институт скоморошества у восточных славян лишь в XVIII в. По крайней мере, с этого периода в православных памятниках прекращается осуждения «сатанинских танцев и песен».

Особой разновидностью скоморохов были поводыри медведей. Медведь как один из символов бога Велеса считался хорошим средством от нечистой силы. В случае, если кто-то из наших предков считал, что в его доме или хозяйственных постройках завелась нечистая сила, он приглашал к себе в гости скомороха с медведем. Зверь обходил владения хозяина и якобы выгонял из них злую силу. Есть основания предполагать, что медведей в специальных клетках помещали при храмах бога Велеса. Так, в «Сказании о построении града Ярославля» сообщается о том, как жители «Медвежьего угла», поклоняющиеся богу Велесу, спустили на князя Ярослава Владимировича медведя, когда тот подошел к языческому капищу [17 с.7-8].

На Руси эпохи раннего средневековья скоморох - поводырь медведя был достаточно узнаваемой фигурой. В древнерусском варианте «Саги о Тидрике Бернском» - источнике конца XI- начала XII в. рассказывается о том, как двое героев саги, решив не отличаться от местных в окрестностях Новгорода, переоделись скоморохами. Один из них Вильдивир одел медвежьей шкуру и стал на четвереньки, другой - Изунг одел на него ошейник и повел «лжемедведя», играя по очереди на арфе, скрипке и дудке [6, с. 161-162].

Поводыри медведей находили себе работу согласно «Поучения митрополита Даниила» даже в начале XVI в. В данном письменном документе митрополит категорически запрещает «водить медведей для забавы» [23, с. 20].

Против тех же обычаев предостерегает и царская окружная грамота 1648 года, которая требует, чтобы православные не призывали к себе скоморохов с домрами, волынками и всякими играми, чтобы медведей не водили и никаких бесовских действий ни творили, и по ночам на улицах и полях и во время свадеб песен не пели и не танцевали и в ладони не били, и скоморошье платье и личины на себя не одевали. Все эти действия, согласно тексту грамоты, указывает на забытие Бога и православной веры а потому воеводам предписывалось отбирать у всех музыкальные инструменты, ломать и жечь, а тех, у кого они найдутся, бить дубинками и ссылат в окраинные города [28, с. 99-100].

В 1636 году, патриарх Иосиф негодовал: «Вместо духовного торжества и веселия восприимше игры и кошуны бесовские, повелевающий медведчиком и скомрахи на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинские игры творить и в бубны бить, и в сурны реветь и руками хлопать, плясати и иная неподобная деяти» [4, с. 343].

Впрочем, «медвежьи забавы» были популярны не только среди простого люда. Травля человека медведем была любимым развлечением русских царей. Вот что, например, сообщает Джильс Фледчер - английский купец, некоторое время проживавший в России в XVI веке: «Большой потехой является бой с дикими медведями которых ловят с помощью ям и капканов и нескольких держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг ставят человека, который должен сразиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с раскрытой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; потому что дикий медведь довольно лютый, и это свойство дает превосходство над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обычно на задние лапы и идет к нему с ревом и раскрытой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (он обычно успевает) и поставить другой конец ее в ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу

медведя то обычно с одного раза убивает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем его ведут к царскому дворцу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царя. Чтобы наблюдать за этой забавой царь содержит специальных ловчих, назначенных для ловли диких медведей» [38, с. 143].

Уже в XIX в. крестьяне приглашали к себе скоморохов с медведем, если считали, что где-то в их доме или хозяйственной постройке завелась нечистая сила. Подобный обычай сохранился вплоть до нашего времени в Белоруссии. Медвежатника вводили сначала в красный угол дома, потом он приказывал медведю поклониться всем домашним и вел его по всем закоулкам и хлев [28, с.38].

До настоящего времени в некоторых областях восточнославянского мира сохранился языческий праздник почитания медведя как повелителя потустороннего мира - «комоедицы». Отмечают его обычно весной на Благовещение при пробуждении медведей от зимней спячки. Крестьяне, обычно во время праздника передевались в медвежьи шкуры и вывернутые мехом вверх кожаные [36, с.89].

Таким образом, скоморохи - поводыри медведей играли важную роль в религиозной жизни наших предков, как в дохристианский период, так и через много веков после принятия христианства.

Среди скоморохов, очевидно, существовала еще одна категория - так называемые «бесноватые» или «калеки», то есть люди, больные эпилепсией, или имеющие определенные психические отклонения или физические недостатки. В силу своей неполноценности эти люди не могли приносить пользу обществу и жить полноценной жизнью и поэтому находили себе пищу, собирая милостыню путешествуя с отрядами скоморохов. Наши предки считали, что эти люди имели сверхъестественные способности. В частности, им приписывали возможность знать будущее, влиять на погоду, накладывать проклятия или наоборот, помочь человеку, используя свои сверхъестественные возможности. В украинском и русском языках слово «калеки» означает - больные или уроды; лишенные какого-либо члена, вследствие болезни, несчастного случая или от рождения. «Каличище», «калека» в песнях и сказках - нищенствующий; паломник, путешественник; богатырь, в нищете и богоугодных делах; калика переходный – смиренный искатель милостыни, гостеприимства и в то же время богатырских приключений; нищий, поэт, читающий стихи, псалмы или духовные песни [9, с.305].

Так называемые «бесноватые скоморохи» упоминаются в некоторых письменных источниках раннего средневековья. В «Слове о словах», источнике середины XII в., например, автор возмущается тем, что весь город (вероятно Рязань) во время какого-то языческого праздника наводнили пьяные люди, играющие на флейтах и бесноватые [22 с.233-234].

Некоторые исследователи видят в «каликах прохожих» паломников, идущих на святую землю для поклонения святым местам. В целом ряде фольклорных источников они действительно направляются в Иерусалим. Вместе с тем во всех вариантах былины об исцелении Ильи Муромца полностью отсутствуют атрибуты христианства. Гости богатыря не крестятся и не божатся, а лишь упоминают «мать сыру землю». В конце былины таинственные гости исчезают «как будто их и не было», что больше напоминает поведение языческих волхвов, чем христиан. Возможно, что христианскими паломниками в сознании наших предков «калики» стали под влиянием христианства, к этому они были неотъемлемой частью языческих культов.

После принятия нашими предками христианства и образования так называемого «двоеверия» культ «бесноватых скоморохов», вобрав в себя традиции христианского аскетизма, превратился в культ так называемых «юродивых», существовавший у восточных славян почти до XVIII в. О «юродивых» сообщается, в частности, в «Киево-Печерском патерике» - в «Житии святого Исакия», во многих летописях и других письменных источниках.

Английский купец Джильс Флетчер, побывавший в России во времена правления Ивана Грозного и Бориса Годунова приводит в своей книге «О государстве Российском» следующие данные: «Кроме монахов, у них есть особые блаженные. Они ходят совсем голые, даже зимой в сильные морозы, кроме того, что по середине тела перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висячим по плечам, а многие еще с веригами на шее или по середине тела. Их считают пророками и святыми людьми, почему и позволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если такой человек явно упрекает кому-то в чем бы то ни было, то ему никто не перечит, а лишь говорят, что заслужили это по грехам; если же кто из них, проходя мимо магазина, возьмет что-либо из товаров, для отдачи куда ему вздумается, то купец, у которого он таким образом что-нибудь взял, считает себя достаточно любимым Богом и желанным святому мужу» [38, с. 118-119].

В Москве и других крупных российских городах убогих принимали во дворцы знати и называли

«верховными паломниками». Эти старцы пели духовные песни, стихи и рассказывали сказки. У царя Алексея Михайловича старцы жили в его покоях. Когда один из них (Бенедикт Тимофеев) умер в 1669 году, его отпевали два патриарха, два архимандриты, десять священников, двенадцать диаконов и без счета певчих. Сам царь был на похоронах и раздавал щедро милостыню [19, с. 224-225].

Большой интерес в свете нашей темы, составляют скоморохи - поэты. Они составляли особые стихи - славы, описывающих подвиги восточнославянских князей. Один из них - «Слово о полку Игореве» дошло до нашего времени. Отголоски стихов-слав содержатся также в восточнославянских былинах.

Б. А. Рыбаков высказал предположение, согласно которому восточнославянские поэты - скоморохи вели языческие летописи, отрывки из которых вошли в «Повесть временных лет» и другие письменные источники. В частности, исследователь обратил внимание на тот факт, что в летописных легендах, рассказывающих о гибели князя Олега и мести княгини Ольги используется эпический разделитель "и", обозначающий начало мелких эпизодов и этапов развития действия. Этот же разделитель использовался поэтами-сказителями при переводе былин [27 с.452]. По мнению Б. А. Рыбакова, специальные поэты-сказители составляли мифологические сюжеты, один из которых, в частности, был запечатлен на турьих рогах с черниговского кургана «Черная могила» [27, с.422].

Поэты-сказители нашли себе применение и в христианскую эпоху. Так, в «Слове о полку Игореве» упоминается поэт-сказитель Боян. Есть основания предполагать, что он был достаточно состоятельным человеком. Так, крупная надпись, состоящая из 14 строк на стене Киевского Софийского собора, сообщает о покупке княгиней Всеволожей какой-то Бояновой земли, за которую она заплатила огромную по тем временам сумму денег - семьсот гривен. Десятая часть этих денег - семьдесят гривен - была внесена в Софийский собор как церковная десятина, что, возможно, и послужило поводом отметить на стене эту торговую сделку [14, с.152]. Почти до XVII в. слепые сказители жили в каждом богатом городском доме. Крестьяне также с любовью и уважением относились к поэтам-сказителям.

Таким образом, возможно сделать вывод, что древнерусские скоморохи были неотъемлемой частью восточнославянского языческого культа. Институт скоморошества имел достаточно сложную структуру и не потерял своей популярности на протяжении многих веков после принятия христианства, с успехом конкурируя с христианской церковью. Скоморохи в своей основе были творческими людьми. Они стали родоначальниками народного песенного искусства и хореографии, мифологической поэзии и, возможно, даже летописания.

Список литературы

1. Алешковский, П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода / П. М. Алешковский // Советская археология. – 1980. – №4. – С. 284-287
2. Амброз, А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.) / А. К. Амброз // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1968. – Вып 113. – С. 10-23
3. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб., 1914. – 386 с.
4. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1865. – Т.1. – 800 с.
5. Былины. – М.: Наука, 1989. – 560 с.
6. Веселовский, А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском / А. Н. Веселовский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1906. – Т.11. – Кн.3. – С. 5-190.
7. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – Харьков, 1913. – Т. 1. – 346 с.
8. Гензель, В. Культура и искусство польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VI-XI ст.) / В. Гензель // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С.313-338.
9. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М.: ЭКСМО, 2003. – 733 с.
10. Даркевич, В. П. Старорязанский клад 1966 г. / В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт // Советская археология. – 1967. – №2. – С. 207-225.
11. Забылин, М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М.: Автор, 1992. – 605 с.
12. Ибн-Даста. Книга драгоценных сокровищ / Ибн-Даста // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собр. пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – С. 260-270.
13. Ибн-Фадлан. Записки / Ибн-Фадлан // Сказания мусульманских писателей о славянах и

- русских с половины VII до конца X в. / Собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – С. 82-116.
14. История Киева. В 3 т. – К.: Наук. думка, 1982. – Т.1. – 406 с.
15. Карамзин, Н. История государства Российского / Н. Карамзин. – СПб., 1818. – Т.1. – 221 с.
16. Киево-Печерський патерик / Під ред. Д. І. Абрамовича. – К.: Час, 1991 [Репринтне відтворення 1931 р.]. – 230 с.
17. Лебедев, А. Храмы Власьевского прихода в Ярославле / А. Лебедев. – Ярославль. – 1877. – 167 с.
18. Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви / Макарий (архиепископ Харьковский). – СПб., 1994. – Т.1. – 598 с.
19. Максимов, Е. Бродячая Русь / Е. Максимов. – СПб.: Общественная польза, 1877. – 466 с.
20. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI - XI ст. / А. П. Новосельцев // Древнерусская держава и ее международное значение. – М., 1965. – С. 391-419
21. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
22. Покровский, Ф. И. Слова из святых книг собранные. Четыре сборные поучения с русскими вставками / Ф. И. Покровский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т.12. – Кн.1. – 1907. – С. 219-249
23. Поучение митрополита Даниила // Памятники литературы древней Руси. Т.6.– Конец XV-пер. пол. XVI ст. – М.: Художественная литература, 1999. – 583 с. – С. 318-322.
24. Приходнюк, О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст. н.е. / О. М. Приходнюк. – К.: Наук. думка, 1980. – 150 с.
25. Рыбаков, Б. А. Культура средневекового Новгорода / Б. А. Рыбаков // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 298-312
26. Рыбаков, Б. А. Первые века русской истории / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1964. – 240 с.
27. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 783 с.
28. Сахаров, И. П. Сказания русского народа / И. П. Сахаров. – М.: Наука. – 1989. – 397 с.
29. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
30. Сказание о русалиях святого Нифонта // Художественная проза Киевской Руси X-XIII веков. – М.: Наука, 1957. – С. 207-209.
31. Слово игумена Панфила к наместнику города Пскова о дне Иоанна Предтечи // Памятники литературы древней Руси. Т.6.– Кон. XV - пер. пол. XVI вв. – М.: Художественная литература, 1999. – 583 с. – С. 318-322
32. Слово блаженного Ефрема Сирина о том, как возвращаются вспять на языческие дела // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1867. – Т.1. – Вып.1. – Стб. 30-36.
33. Слово истолковано мудростью // Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / Под ред. А. Буслаева. – М. – 1861. – Стб. 530.
34. Соболевский, А. И. Два русских поучения с именем Григория / А. И. Соболевский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб. – 1907. – Т.12. – Кн.1. – С. 254-260.
35. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 573 с.
36. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 245 с.
37. Феофилакт Симмокатта. История / Феофилакт Симмокатта [прим. и пер. К. А. Осиповой]. – М.: Наука, 1957. – 435 с.
38. Флетчер Дж. О государстве Русском / Дж. Флетчер // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич, 2003. – С.14-152
39. Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. – СПб., 1902.-123 Стб.
40. Laszlo G. Etudes archeologiques sur l'histoire de la société des avars / G. Laszlo. – Budapest, 1955. – 296 s.

Статья поступила в редакцию 3.11.2017

Kozlov, M. N. *The buffoons in Rus*

Based on written sources, data of archeology and ethnographic materials, a historical analysis of the place and role of buffoons in religious life of the ancient Slavs pre-Christian and early Christian era. The study consistently examines several of the most significant groups of buffoons, their social structure and relations with the Orthodox Church.

Key words: buffoons, bear guides, poets-storytellers, cult, beliefs, ideas, traditions.

УДК 248.2+130.2

Рассматривается феномен псевдомистики, который, являясь следствием кризиса антропоцентрической культуры, искажает сущность мистики и препятствует полноценному развитию личности. Утверждается, что псевдомистика лишена представлений об Абсолюте и стремится не преодолеть человеческое Эго, но удовлетворить его самые изощренные потребности, что способствует еще большему развитию эгоцентрического сознания. Анализируются психоделическая культура, медитативная практика «Трансцендентальной медитации», а также практика аффирмаций.

Ключевые слова: мистика, псевдомистика, Абсолют, эгоцентрическое сознание, просветленное сознание, психоделическая культура, измененные состояния сознания.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Сайт: zhirtueva.ru

ПСЕВДОМИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Гуманистическая философия, сформировавшаяся еще во времена западноевропейского Ренессанса, имеет как позитивные, так и негативные последствия для развития современной цивилизации. С одной стороны, утверждается огромный творческий потенциал человека как образа и подобия христианского Бога-Творца, что способствует расцвету культуры и цивилизации. Но, с другой стороны, гуманизм способствует формированию культа человеческой личности и стремительному развитию ее эгоцентрических потребностей. Постепенно христианское учение о страстной природе человека и необходимости борьбы со страстями было отодвинуто на второй план. Последние века мировой истории отмечены как величайшими культурными достижениями, так и социальными и природными катаклизмами.

В XX веке человечество также столкнулось с негативными последствиями техногенной цивилизации, о которых говорили и писали многие философы. Например, А. Швейцер отмечал, что убыстряющееся движение социума, резкое усиление темпов развития общественной жизни привело к изменению всего образа жизни человека. Сверхзанятость современного человека приводит к умиранию в нем духовного начала, способствует тому, что человек всё больше живет как простая рабочая сила [15, с. 39-40].

Любой кризис предполагает поиск путей выхода из него. Можно выделить два основных способа преодоления духовного кризиса в современной культуре. Во-первых, обращение к опыту мистических традиций мира и выбор мистической модели поведения. По мнению М. Т. Степанянц, к этому нас побуждает «реальная опасность самоуничтожения человечества вследствие мировой войны или экологической катастрофы» [11, с. 103]. Во-вторых, изобретение новых видов удовлетворения человеческого Эго и дальнейшее развитие культа личности.

Обращение к мистическому опыту на современном этапе развития цивилизации неслучайно. Во все времена он воспринимался как самая сокровенная часть религии. История человечества демонстрирует большое разнообразие мистических традиций, которые сформировались в пределах буддизма, христианства, ислама, иудаизма, индуизма и других религий мира. При всем многообразии мистического опыта можно выделить следующие универсальные особенности: 1. Признание существования реальности Абсолюта. 2. Человек принадлежит идеальному и феноменальному мирам, что способствует противоречиям в его психической жизни. 3. Я-Эго человека формирует эгоцентрическое сознание, для которого характерны многочисленные привязанности и страдания. 4. Страдания являются стимулом духовного развития человека. 5. Мистический опыт способствует переходу от эгоцентрического сознания к сознанию просветленному с помощью разработанной психопрактики [5, с. 62-65]. Таким образом, основным результатом мистического опыта является качественная трансформация сознания и личности адепта, которая в различных учениях носит название «святости», «просветления», «освобождения», «пробуждения» и т.д.

Никогда еще интерес и стремление к знаниям о мистическом просветлении не были такими массовыми как в XX столетии. Благоприятными условиями для этого стали процессы глобализации и возможность мгновенного доступа к большому количеству информации. Постепенно под влиянием современной массовой культуры богатый опыт мистических учений был переведен в плоскость

товарно-рыночных отношений. Появилась новая форма бизнеса – «индустрия просветления». Рынок наводнили книги, статьи, аудио- и видеозаписи и др., которые посвящены проблеме просветления, но достаточно противоречиво информируют о ней. В последнее время также произошел настоящий взрыв в области психотехнологий и основных средств изменения сознания, которые якобы способны вводить людей в «просветленное» состояние [12].

К сожалению, игнорируются предупреждения относительно использования мистических практик неподготовленными людьми. М. Кэплэн писала об опасности преждевременных притязаний на просветленность: «Не получивший надлежащего образования и опыта новичок, который простодушно и легкомысленно втягивается в мистические переживания, играет с огнем... Духовные энергии – непреодолимая сила. Вступая на эту сцену, человек часто воображает, будто к просветлению ведут именно мистические переживания. Однако просветление – лишь один из многих возможных исходов, и оно обычно становится следствием не внезапных озарений и кратковременных всплесков, а растягивающейся на всю жизнь усердной и суровой духовной практики, которой занимаются под руководством опытного учителя». Именно поэтому пробужденные психические силы могут нанести неподготовленному человеку как физический, так и психический вред. Среди возможных последствий – «физическое истощение, ложное толкование испытанного, раздутое самомнение и духовная наркомания» [7, с. 99-100].

Как отмечает врач-нарколог А. Г. Данилина, в культуре XX века сформировался «новый бессознательный стереотип – никто больше не хотел тратить усилий, соблюдать посты и ритуалы, преодолевать ограничения, испытывать страдания, чтобы на подступах к истине духа испытать минуты просветления от личной встречи с Богом» [3, с. 108]. С полным основанием можно говорить о формировании в современной культуре феномена *псевдомистики* [4, с. 1331-1332]. Среди тех, кто обращался к исследованию этого феномена – Е. А. Торчинов, Р. Зэнер, М. Элиаде, У. Панке. Но в целом тема остается еще малоисследованной.

А. Г. Данилин называет три основные причины зарождения псевдомистики. Первым источником стал «салонный спиритизм и оккультизм», интерес к которому возник на рубеже XX века под влиянием учений Е. Блаватской, Р. Штайнера, Папюса, А. Кроули и др. Последствиями эпидемии спиритизма стало изменение отношения общества к религии, к вопросам духовного познания, превращение всего этого в азартную игру, в развлечение. Вторым источником явились искания художественной элиты XX века - О. Хаксли, Л. Арагона, С. Дали, П. Пикассо, которые заложили основы сюрреалистического восприятия действительности. До начала XX века смысл искусства был христианским, а теперь ему на смену пришла «живопись без сознания». Художники XX века постепенно превратили искусство из «аполлонического» в «дионисическое»: «образы сюрреалистов создали готовность современной культуры воспринимать психоделические галлюцинации как что-то вполне естественное, давно ожидаемое и знакомое» [3, с. 98].

И, наконец, третьим источником псевдомистики является современная психиатрия, которая благодаря усилиям З. Фрейда и К.-Г. Юнга открыла человечеству жизнь бессознательного. Благодаря Фрейду, секс и его символы вновь стали «богами» для цивилизации» [3, с. 103-104]. Постепенно медицина утратила духовную основу. На протяжении многих веков врачи считали, что не всякую боль следует убирать. Некоторые страдания человек должен преодолеть усилиями своей воли, опираясь на религиозное учение. Но именно в XX веке люди захотели избавиться от страданий: «Если с помощью таблетки я избавлен врачом от любого вида душевного страдания, у меня просто не может быть повода для того, чтобы что-то менять в своей жизни» [3, с. 101].

Современное человечество возжелало найти «магическую таблетку», мечты о которой идут из глубины веков. Сначала этот поиск был увлекательной игрой, в котором происходило постепенное обесценивание религиозных истин, а на последнем этапе он стал выгодным бизнесом.

Особенно благоприятные условия для развития псевдомистики сложились после окончания Второй мировой войны. В конце 40-х годов XX века появилось движение послевоенного «разбитого поколения» (русс. «*битничество*», англ. «*beat generation*»). Оно началось со встречи в 1944-1945 гг. писателей Джека Керуака, Вильяма Берроуза и Алена Гинзберга, но подлинный расцвет нового движения начался в 50-е годы. Характерной чертой новой идеологии стал эклектизм, стремление к объединению культурных традиций разных времен и народов.

Во время своего поиска молодежь руководствовалась следующим принципом: культурные традиции должны противостоять западноевропейской культуре – ее морали, искусству, религии.

Альтернативой западной цивилизации потребления была избрана ориентальная культура. «Битники» соединили буддистскую философию, восточные сексуальные практики с музыкой рока, с психоделическими, и, даже, гомосексуальными экспериментами. В романе В. Берроуза «Голый

завтрак» сюжет практически отсутствует: обрывки бредовых наркотических видений переплетаются с фрагментами современного быта. Роман Дж. Керуака «На дороге» является символическим образом побега от традиционных ценностей западной цивилизации, но, по мнению П. С. Гуревича, это «побег в никуда» [2, с. 160-161].

Поколение «beat generation» стремилось не к преобразованию западноевропейской культуры, но лишь к бунту против нее. Контркультура возникла в пределах традиционной культуры. Но, как первое, так и второе поколение молодежной контркультуры 60-х гг. желало только бегства от реальности. Для этого была необходима «магическая таблетка», которая бы помогла забыться, убежать от бессмыслицы существования.

Неслучайно именно в 50-е гг. XX века возникла психофармакология, которая стремилась создать такую «таблетку» с целью достижения «измененных состояний сознания» (сокращенно – ИСС). Для этого использовались разнообразные психоделики («тот, который расширяет сознание»). Их же называют галлюциногенами. Некоторые из подобных наркотических веществ содержатся в растениях, другие искусственно синтезируются в лабораторных условиях (LSD). Среди самых распространенных средств психоделического экстаза – LSD, псилобицин, мескалин, ДМТ и др. Все они способствуют изменению человеческого восприятия и осознания.

Американский исследователь Р. С. Зенер отмечает, что LSD могут вызывать переживания подобные религиозно-мистическим [18, с. 50]. Об этом же свидетельствует эксперимент «Великая страстная пятница», проведенный доктором У. Панке в 1963 г. В нем добровольно участвовали двадцать студентов, которые верили в Бога. Половине студентов был дан псилобицин, а другой — безвредные лекарства. Представители экспериментальной группы сообщили о «мистических переживаниях», сопровождавшихся «встречей с высшей реальностью» или «с Богом». И только несколько студентов второй группы испытали переживания по глубине и интенсивности сравнимые с теми, которые были у студентов экспериментальной группы [17, с. 234-236].

Речь может идти о «*психоделической революции*» в культуре XX века, результатом которой является формирование *психоделической контркультуры* как одного из направлений псевдомистики. Неслучайно особое внимание было обращено на разнообразные техники наркотического экстаза. Большую популярность в 60-х гг. XX века получило учение Карлоса Кастанеды.

И все же являются ли тождественными наркотические и мистические опыты или же они отличаются друг от друга? С нашей точки зрения, было бы ошибкой считать психоделическую контркультуру простым воссозданием древней мистической практики шаманизма, также как и разновидностью мистической практики просветления.

С шаманизмом ее объединяет сознательное стремление войти в «измененное состояние сознания», но отличается их конечная цель. В отличие от молодежи, которая ищет бегства от реальности или нового способа развлечения Эго, шаман проникает в скрытую реальность не для развлечения. Он стремится приобрести «личную силу» и знание сверхъестественной реальности. В отличие от психоделического транса, который полностью овладевает «психонавтом», шаман сам контролирует свой экстатический полет. Если первый погружается в психоделическую реальность, второй одновременно находится в двух реальностях – естественной и сверхъестественной.

Еще одним отличием психоделической контркультуры и шаманизма является отношение к наркотикам. Известно, что в шаманской практике иногда используются растения, имеющие психоделический эффект, но они не рассматриваются как главное средство для контакта со сверхъестественной реальностью. Шаман должен уметь собственными силами достичь этого контакта с помощью вхождения в «шаманское состояние сознания» (ШСС). Для этого используются разнообразные средства: ударные музыкальные инструменты для создания низкочастотных звуков и ритма, пение, танцы, темное время суток или темное помещение [13]. В среде шаманов неспособность достичь ШСС естественным способом считается признаком профессиональной деградации. По выражению М. Элиаде, там происходит расстройство истинного шаманизма, где наблюдается избыточное применение опьяняющих веществ и наркотиков [16].

Шаманы также учат, что психоделические растения могут стать препятствием для концентрации и контроля сознания во время мистического транса. Шаман должен четко осознавать отличие обычной реальности от сверхъестественной, с уважением относиться к обеим. Наркотические вещества используются на первом этапе в качестве одного из способов перестройки сознания. Учитель предлагает их ученику, чтобы помочь преодолеть привязанность к привычному восприятию мира. Наркотик исполняет роль разрушителя стены, отделяющей человека от истинного видения реальности. Однако, как подчеркивает Кастанеда, «все осмысленные трансформации и находки магов делаются только в состоянии трезвого осознания» [6, с. 574-575].

С. Радхакришнан также отмечает, что в практике йоги иногда для достижения сверхъестественных психических способностей (сиддх) использовались снадобья и наркотики. Однако, во-первых, сиддхи не считаются целью йогической практики, а, скорее, препятствиями на мистическом пути. Во-вторых, йога всегда осуждала видения, вызванные наркотиками или расстроенными нервами, считая их пережитками примитивной культуры и проявлением «низкого натурализма». Йога настаивает на развитии искусства сосредоточения, а не каких-то иных способов достижения самадхи [10, с. 324-325]. Как отмечает М. Элиаде, «в любом случае, конопля и аналогичные наркотики вызывают экстаз, а не логическое самадхи; эти “мистические средства” относятся к феноменологии экстаза, и когда они проникали в классическую йогу, то наталкивались на значительное противодействие» [16].

Мы можем наблюдать определенные элементы шаманской практики в молодежной контркультуре. Для этого представим полутемное помещение современной дискотеки, в котором ритмично под низкочастотные звуки двигаются тела людей, находящиеся под влиянием алкогольного или наркотического опьянения. Совершенно бессознательно современная молодежь воспроизводит шаманский ритуал погружения в мир духов. Однако целью всех этих действий является не более чем стремление достичь необычных ощущений, чтобы разнообразить скучающее Эго. И результатом является не прорыв в сверхсознание, но погружение в подсознание.

Современная психоделическая контркультура приближается к тем древним религиозным практикам, которые считали необходимой частью своего ритуала интоксикацию с помощью наркотических веществ (конопли, грибов, табака). Однако эти практики не следует относить к первобытной шаманской культуре или к практике мистического просветления. Согласимся с выводом католического теолога и исследователя отца Ю. Макселона, что «переживания, вызванные психотропными средствами (так называемый психоделический опыт) является только искусственным творением человеческой психики, а не выражением ее природных действий», именно поэтому они и могут классифицироваться как псевдомистические» [9, с. 271]. Психоделический опыт сопровождается психическими изменениями в личности адепта, среди которых снижение уровня интеллекта, неуверенность, размытость границ «Я», следствием чего становится пассивное подчинение и перенесение ответственности на внешние факторы [3, с. 197-198, 214].

После запрещения LSD на Западе начался поиск альтернативных нехимических способов достижения «измененных состояний сознания». Третье поколение молодежной контркультуры 70-х гг. открыло, что их можно достичь путем восточных медитативных практик. Многие обратились к медитативным практикам с целью достижения, так называемого, «особого состояния сознания» («внутренней реальности»), которое свободно от всевозможных забот и тревог «внешней реальности».

Большое распространение в конце 60-х – начале 70-х гг. получило движение «Трансцендентальной Медитации» (ТМ), известное также как «Наука творческого интеллекта». ТМ является самой известной на Западе медитативной техникой, а ее основатель Махариши Махеш Йоги самым известным йогом. The Beatles, разочаровавшиеся в LSD, выбрали новое движение и это стало самой лучшей рекламой для него. Уже в начале 70-х гг. в Америке насчитывалось около 5 тысяч учителей медитации. Часовой урок стоил от 75 до 125 долларов (доза LSD стоила в 10 раз дешевле). Движение ТМ произвело в Америке настоящий фурор, а Махариши сделал многомиллиардное состояние.

По мнению Д. Голмена, ТМ является модернизированным вариантом индуизма адвайта-веданты Шанкары. Махариши также стремился к преодолению двойственности сознания и бытия, поскольку считал ее основной причиной страданий [1, с. 89].

Целью своего учения движение ТМ провозгласило «слияние» с Чистым Сознанием, которое в его учении называется не Брахманом, а «Трансцендентальным Сознанием-Блаженством». Результатом мистического опыта утверждалось достижение трансцендентального состояния, которое Махариши называл «трансценденцией» – переходом от чувственной жизни к чистому трансцендентальному сознанию. Махеш Йоги охарактеризовал его так: «Трансцендентальное состояние бытия находится по другую сторону всего видимого, всего слышимого, всего осязаемого, всего обоняемого и ощущаемого; по ту сторону всего реального, всего мыслимого и всего чувствуемого; это состояние непроявленного, абсолютно чистого сознания бытия есть предельное и лучшее состояние жизни» [3, с. 207].

Учитель говорил, что стремится научить человека быть счастливым. Он советовал каждому уничтожить в себе источники стресса и напряжения, которые являются основной причиной страданий.

Адепту рекомендовалось пройти несколько этапов на пути достижения трансцендентального состояния. Сначала он должен был пережить «трансцендентальное сознание», когда разум теряет контакт с внешним миром. Это этап концентрации. Далее ученик переходил к этапу «космического сознания», во время которого «никакая деятельность, насколько бы интенсивной она ни была, не может вывести человека из бытия». Он ощущал, что блаженство наполняет все сферы его жизни, и

чувственные удовольствия больше не имеют для него значения. От состояний эмоционального возбуждения и взволнованности адепт переходил к состоянию спокойной невозмутимости. Третьим этапом является состояние «*Божественного сознания*», для которого характерно восприятие всех вещей как священных и полное освобождение от Эго. По мнению Махариши, это «самое чистое состояние», приводящее к абсолютной трансформации сознания. Отныне человек осознает Бога во всех аспектах творения, и познает конечную истину [1, с. 91-94].

ТМ имеет четко выраженный имманентный характер, поскольку человека призывали «погрузить себя в полное безмолвие, отбросить от себя все мысли и иллюзии, отвергнуть и позабыть все, кроме одной истины: истинная сущность человека божественна: она есть бог» [8, с. 210].

Основным методом психопрактики Махеш Йоги избрал медитативную практику *мантр*, которые должны были освободить человека от владеющих им органов чувств. При этом для каждого человека мантры должны были подбираться индивидуально.

Хотя метод ТМ и напоминает медитативный метод джняна-йоги, их нельзя отождествлять, так как ТМ не предполагает подготовительного этапа дисциплинарного аскетизма. Махариши считал, что процесс духовного совершенствования может осуществляться при любых условиях. Популярность движения ТМ на Западе объясняется именно тем, что Махариши предложил метод, который отличается простотой и не требует существенных изменений способа жизни человека, не призывает к аскетизму и суровым ограничениям. Сам основоположник движения считал свою методику «похожей в точности на чистку зубов». В отличие от других религиозных традиций, ТМ можно было очень быстро научиться: предполагалось два сеанса в день, по 20 минут каждый. Помимо этого утверждалось, что ТМ «не требует никакой веры, понимания, моральных принципов или даже принятия философских идей». Начинающему рекомендовали вообще не думать, потому что ТМ – это, прежде всего, практика, и только потом теория. Все эти особенности нового движения привлекали современного делового человека, вечно спешащего и жаждущего кратковременного отдыха [8, с. 210].

Однако проведение мантротерапии без предварительного очищения не только безрезультативно, но и опасно. Неподготовленному сознанию может быть нанесен вред. Подсознание, которое не прошло очищение, сохраняет семена эгоцентризма, и не может быть преображено даже с помощью тщательно разработанной медитативной практики. Так происходит выхолащивание, искажение самой сути медитативного созерцания, которое используется не для просветления, но с целью расслабления или развлечения. Здесь уместно вспомнить слова самого Махариши Махеш Йоги, заявившего, что основной целью ТМ является достижение «космического сознания, самого источника существования абсолюта... и тотальное избавление от опостылевшей реальности» [3, с. 208].

У медитативных практик есть еще одна опасность. Во время медитации сознание человека максимально раскрывается, в результате чего открывается возможность для руководителей медитативных групп «внедрять» в сознание своих учеников любой смысл, любое мировоззрение. Зачастую это используется многими современными «гуру» в корыстных целях. Более того, «особое состояние сознания» превращается в своеобразный наркотик, позволяющий избегать проблемных ситуаций, то есть становится модным видом эскапизма [3, с. 247].

После 1975 г. популярность ТМ начинает постепенно угасать, а в 1978 г. федеральный суд США принимает решение, согласно которому теория и практика ТМ не должны были преподаваться в учебных заведениях.

Еще одним популярным направлением современной «индустрии просветления» является практика *аффирмаций* (от англ. «утверждать»), претендующая на метод оздоровительной медитации.

По мнению известной целительницы Луизы Л. Хей, все происходящее в жизни человека является следствием его образа мышления. Хорошие мысли-стереотипы порождают позитивные явления, а стереотипы негативного мышления приводят к неприятным результатам. Целительница была уверена, что цель человека «состоит в том, чтобы изменить жизнь, избавиться от всего болезненного и неудобного и стать совершенно здоровым». Луиза убеждена, что основными психологическими причинами, вызывающими большинство недугов тела, являются придиричивость, гнев, обида и сознание вины. И еще большинство людей страдает от отсутствия любви к себе, порождая таким образом разнообразные комплексы, что также способствует заболеваниям [14, с. 7-9].

Луиза Л. Хей предложила свой метод лечения, основанный на произнесении различных утверждений – аффирмаций. Они, в отличие от лишенных смысла мантр, должны положительно воздействовать на подсознание человека. В зависимости от болезни каждому предлагалось выбрать свои аффирмации, превратив их в регулярную медитативную практику. Она говорила так: «Вы должны научиться думать только положительно. Утверждение – это отражение ваших убеждений».

По мнению Луизы, необходимо превратить все наши отрицательные утверждения в положительные: «Я стройна», «Я богата», «Я красива», «Я вечно молода», «Я переезжаю в прекрасную квартиру», «У меня прекрасные отношения со всеми», «Я люблю и любима», «У меня прекрасное здоровье» [14, с. 94].

При этом практика аффирмаций не предполагает путь покаяния и осознания человеком собственного несовершенства. Напротив, целительница предлагала руководствоваться следующим принципом: «Я люблю и уважаю себя *именно такой (таким), какая (какой) я есть*». Она даже предлагает делать специальное упражнение «Я одобряю в себе все» на том основании, что «внутреннее «Я» – это нерасторжимая связь с Богом» [14, с. 95-96].

Анализируя учение Луизы Л. Хей, можно сделать вывод, что ее метод основан на практике концентрации и является «низшей медитацией», объектом которой становится «Я» человека. Правда, при этом остается непонятным, как внутреннее «Я», которое целительница считает Божественным, может быть молодым, красивым, здоровым и переезжать в прекрасную квартиру.

По всей видимости, аффирмации все-таки обращены на внешнее «Я» или Эго человека. Они, в отличие от мистических медитативных практик, призванных уничтожить Эго, его гипертрофируют. Провозглашается, что человек должен полагаться исключительно на себя: «Исцели себя *сам*».

Псевдомистика как феномен возникла в самой благополучной стране мира, менее всего пострадавшей от ужасов Второй мировой войны. Именно Америка раньше всех других стран ощутила на себе все преимущества и недостатки общества потребления. И, разочаровавшись в достижениях цивилизации, не нашла лучшего выхода, чем бежать в иллюзорную реальность. Согласимся с А. Швейцером, что в мире постоянной спешки физической потребностью современного человека стали абсолютная праздность, развлечение и желание забыться. Не познания и совершенствования ищет человек, а развлечения — и притом такого, которое требует минимального духовного напряжения [15, с. 39-40].

Феномен псевдомистики мог зародиться только в условиях духовного кризиса. Псевдомистика искажает сущность мистики, игнорирует тесную взаимосвязь теоретической и практической части мистического учения. Не обладая верой в Абсолют, не стремясь к преображению сознания, «психонавты» ищут новый способ бегства от реальности или борьбы со скукой. При этом игнорируется предупреждение, что невозможно достичь просветления, не освободившись от Эго и не пройдя подготовительный этап очищения. Псевдомистика используется не для того, чтобы преодолеть человеческое Эго, но для того, чтобы удовлетворить его самые изощренные потребности.

Список литературы

1. Голмен, Д. Многообразие медитативного опыта. От Каббалы до трансмедитации / Д. Голмен; [пер. с англ.]. - К.: «София», 1993. – 137 с.
2. Гуревич, П. С. Культурология: учеб. пособие / П. С. Гуревич. – М.: Знание, 1996. – 288 с.
3. Данилин, А. Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости / А. Г. Данилин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 521 с.
4. Жиртуева, Н. С. Основные направления исследования мистического феномена в современной науке / Н. С. Жиртуева // Психология и Психотехника. — 2014. - № 12. - С.1325-1334. DOI: 10.7256/2070-8955. 2014.12.13582
5. Жиртуева, Н. С. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. - 2016. - № 4. – С. 60 - 69.
6. Кастанеда, К. Учение дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе / К. Кастанеда; [пер. с англ. М. Добровольский, А. Сидерский, И. Старых]. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – 608 с.
7. Кэплэн, М. На полпути к вершине. / М. Кэплэн; [пер. с англ. К.Семенов]. - К.: «София», 2002. - М.: «Гелиос», 2002. – 320 с.
8. Православная церковь. Современные ереси и секты в России / [ред. митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна]. – СПб: «Православная Русь», Рязань: «Благо», 1996. – 240 с.
9. Психологія. З викладом основ психології релігії: навчальне видання / [під ред. Ю. Макселона, пер. з пол. Т. Чорновіл]. – Львів: „Свічадо”, 1998. – 320 с.
10. Радхакришнан, С. Индийская философия. В 2-х т. Т.2. / С. Радхакришнан; [пер. с англ. Н. В. Воробьева, Г. И. Заиченко, С. А. Кучиной и др.]. – М.: МИФ, 1993. – 731 с.
11. Степанянц, М. Т. Восточные концепции «совершенного человека» в контексте мировой культуры. // Историко-философский ежегодник. 1990: [сб. ст. / под. ред. В. Мотрошилова] / М. Т. Степанянц. – М.: Наука, 1991. – С. 96 – 107.

12. Уайт, Д. Что такое просветление: исследование цели духовного пути: Под ред. Д. Уайта / Д. Уайт // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев). – URL: <http://psylib.org.ua/books/white01/txt01.htm> (дата обращения: 01.10.2017)
13. Харнер, М. Дж. Путь шамана или шаманская практика. Руководство по обретению силы и целительству / М. Дж. Харнер. – URL: http://royallib.com/book/harner_mishel/put_shamana_ili_shamanskaya_praktika.html (дата обращения: 01.10.2017)
14. Хей, Л. Л. Исцели себя сам / Л. Л. Хей; [пер. с англ. Э. М. Лайтман]. – Кишинев: «Лотос», 1996. – 236 с.
15. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер; [пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского]. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.
16. Элиаде, М. Йога: бессмертие и свобода / М. Элиаде // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) – URL: <http://psylib.org.ua/books/eliad01/index.htm> (дата обращения: 12.09.2017)
17. Pahnke, W. *Drugs and Mysticism: An Analysis of the Relationship between Psychedelic Drugs and the Mystical Consciousness*. – Cambridge: Harvard University, 1963. – 315 p.
18. Zaehner, R. C. *Mysticism Sacred and Profane: An Inquiry into Some Varieties of Praternatural Experience*. – London: Oxford University Press, 1973. – 256 p.

Статья поступила в редакцию 17.10.2017

Zhirtueva N. S. *Mysticism and Pseudo-mysticism in Modern Culture*

Discusses the phenomenon of pseudo-mystical that as a consequence of the crisis of anthropocentric culture, distorts the essence of mystery and prevents the full development of personality. It is alleged that pseudomystical is devoid of the concepts of the Absolute and seeks to overcome the human Ego, but to satisfy the most sophisticated needs, which contributes to the further development of egocentric consciousness. The object of analysis is a psychedelic culture, the practice of meditation "Transcendental meditation" and the practice of affirmations.

Key words: mysticism, pseudo-mysticism, Absolute, egocentric consciousness, enlightened consciousness, psychedelic culture, altered states of consciousness

УДК 324

Статья посвящена анализу роли региональных референдумов в процессах трансформации мировой политической системы и особенностям процесса законодательного проектирования порядка назначения и проведения референдума города Севастополя.

Ключевые слова: референдум, плебисцит, проект закона, референдум субъекта Российской Федерации.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОРЯДКА НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Региональные референдумы, которые были проведены на протяжении последних нескольких лет, меняют политическую картину мира. Однако этот «парад суверенитетов» и проявление прямой демократии не приводят в восторг западную общественность как прежде – в девяностые годы. Итоги самых известных региональных референдумов не признаются ни национальными правительствами, ни абсолютным большинством международного сообщества. Например, референдум о самоопределении Донецкой Народной Республики, проведенный 11 мая 2014 года, за которым последовало заявление властей Республики о суверенитете и стремлении вступить в состав Российской Федерации, был расценен международными организациями как нелегитимный, ни о каком уважении итогов плебисцита и их практической реализации не могло быть и речи. Каталонский региональный референдум, который прошел 1 октября 2017 года и может явиться катализатором самого крупного конституционного кризиса в Европейском Союзе после британского «Brexit», несмотря на его результаты (за независимость проголосовали 2 млн. 20 тыс. 144 человека, то есть 90 % избирателей, принявших участие в голосовании, что подтвердили международные наблюдатели), Премьер-министр Испании Мариано Рахой назвал «референдумом, которого не было». После утверждения резолюции о провозглашении независимой республики уголовное преследование было начато в отношении главы региона, членов президиума каталонского парламента и членов регионального правительства. Их обвиняют в мятеже, восстании, неподчинении властям, злоупотреблении служебным положением, растрате государственных средств. И если в Испании национальное правительство не планирует избегать цивилизованного диалога и намерено восстановить конституционный порядок в стране, используя посредничество Евросоюза и главного правозащитника ООН, то киевские власти категорически отказываются от диалога, ожидая смены власти региона на более «договороспособную».

Таким образом, обычной практикой последних лет стало признание региональных референдумов незаконными, сфальсифицированными, недемократическими, а их организаторов – «мятежниками». Проведение региональных плебисцитов и реализацию их результатов блокируют решения Конституционных судов, принятие которых вызвано опасениями появления прецедентов успешной сепарации мятежных регионов, которые могут подтолкнуть к активным действиям, например, басков, корсиканцев или фламандцев. Превентивными мерами становится значительное усложнение законодательной процедуры инициирования народного волеизъявления или предпринимаемые властью шаги, которые обеспечивают фактическую невозможность его проведения. Украина, например, пошла по пути признания незаконности местных плебисцитов, изменив 6 ноября 2012 года законодательство о проведении референдумов. Закон «О всеукраинском и местных референдумах» №1286-ХІІ, принятый в 1991 году, был отменен Законом Украины № 5475-VІ «О всеукраинском референдуме», который исключил регламентацию порядка проведения местных референдумов. Действующее законодательство Украины вообще не предусматривает возможности их проведения – отсутствует механизм реализации права граждан на принятие решений по вопросам местного значения путем назначения соответствующего референдума. Нормы нового закона определяют правовые

принципы, организацию и порядок проведения только всеукраинских референдумов. При этом, согласно пункту 2 статьи 20 вышеупомянутого закона по народной инициативе (то есть по требованию не менее трех миллионов граждан Украины, которые имеют право голоса, при условии, что подписи относительно назначения референдума собраны не менее чем в двух третях областей и не менее чем по сто тысяч подписей в каждой области) на всеукраинский референдум не может быть вынесен (инициирован) вопрос об изменении территории Украины. Такой «ратификационный референдум» относительно изменения территории Украины может быть назначен исключительно Верховной Радой Украины [7, ст.634].

Абсолютной противоположностью этим недемократическим тенденциям являются процессы законопроектирования в самых молодых субъектах Российской Федерации. Обсуждаемый в последние месяцы проект закона о региональном референдуме призван подтвердить положения об основных гарантиях прав граждан России – жителей Севастополя – на участие в референдуме субъекта федерации и обеспечить четкий механизм его подготовки и проведения на всех стадиях.

Региональный референдум – это голосование жителей региона по утверждению наиболее важных вопросов местного значения или обращение к избирательному корпусу региона для принятия такого решения. Являясь важнейшим институтом прямой демократии, он представляет собой непосредственное правотворчество народа и один из способов участия общественности в принятии первостепенных правовых и политических решений. Действующая Конституция Российской Федерации называет референдум высшим непосредственным выражением власти народа [2]. Законодательное определение референдума содержит Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Согласно статье 2 данного Федерального закона референдум представляет собой форму прямого волеизъявления граждан Российской Федерации по наиболее важным вопросам государственного и местного значения в целях принятия решений, осуществляемого посредством голосования граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме [5]. Законами субъектов Российской Федерации, как правило, регулируются вопросы, непосредственно отнесенные к их компетенции. Согласно пункту 2 статьи 12 вышеупомянутого Федерального закона на референдум субъекта Российской Федерации могут быть вынесены только вопросы, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации или в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, если указанные вопросы не урегулированы Конституцией Российской Федерации, федеральным законом. Пункт 4 указанной статьи определяет, что Федеральным законом, конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации могут быть определены вопросы, подлежащие обязательному вынесению на референдум субъекта Российской Федерации [5].

Уставом города Севастополя определены понятие и общая характеристика регионального референдума, а также полномочия представительного органа города по его назначению. Согласно статье 4 Закона города Севастополя от 14 апреля 2014 № 1-ЗС «Устав города Севастополя» референдум назван высшим непосредственным выражением власти жителей города Севастополя наряду со свободными выборами [9]. Статья 20 Устава города предусматривает возможность назначения регионального референдума в случаях, предусмотренных законом города Севастополя, Постановлением Законодательного Собрания города Севастополя.

На протяжении полутора лет Законодательное Собрание Севастополя разрабатывало проект регионального закона о референдуме. Как и при принятии Закона города Севастополя о выборах губернатора, представители исполнительной и законодательной ветвей городской власти долго не могли прийти к согласию по отдельным проблемам технико-юридического характера. Так, законодатели Севастополя, не обладающие большим опытом законопроектирования, вновь оказались перед дилеммой точного воспроизведения соответствующих статей федерального законодательства, либо использования преимущественно отсылочных норм (в данном случае целесообразность их применения была объяснена стремительно меняющимся федеральным избирательным законодательством).

Проект закона регламентирует принципы проведения и вопросы референдума города Севастополя, порядок его назначения и формирования комиссий, составления списков участников и образования участков, агитации при проведении референдума, финансирования, голосования, подсчета голосов его участников, обжалования нарушений права на участие в референдуме, а также целый ряд других процедур, которые будут применяться при проведении референдума одного из самых молодых субъектов Российской Федерации. К вопросам, которые не могут быть вынесены на референдум города, севастопольские законодатели отнесли вопросы, предусмотренные пунктом 8

статьи 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 22 мая 2002 г.:

1) о досрочном прекращении или продлении срока полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, о приостановлении осуществления ими своих полномочий, а также о проведении досрочных выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления либо об отсрочке указанных выборов;

2) о персональном составе органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления;

3) об избрании депутатов и должностных лиц, об утверждении, о назначении на должность и об освобождении от должности должностных лиц, а также о даче согласия на их назначение на должность и освобождение от должности;

4) о принятии или об изменении соответствующего бюджета, исполнении и изменении финансовых обязательств субъекта Российской Федерации, муниципального образования;

5) о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения [4].

Федеральное законодательство запрещает установление иных ограничений для вопросов, выносимых на референдум, однако вопросы референдума субъекта Российской Федерации не должны противоречить законодательству Российской Федерации.

Как и при общественном слушании законопроекта о выборах губернатора камнем преткновения при обсуждении проекта закона о региональном референдуме стал круг лиц, наделенных правом участвовать в голосовании. Общественность Севастополя, представители Общественной палаты Севастополя в ходе обсуждения проекта регионального закона о референдуме высказались против включения временно пребывающих в городе в их состав. Представители Законодательного Собрания отстаивали противоположную точку зрения, основывая ее на нормах федерального законодательства, в частности, недопустимости ограничения избирательного права граждан Российской Федерации – военнослужащих срочной службы. Согласно нормам федерального законодательства субъекты Российской Федерации могут устанавливать лишь дополнительные гарантии прав граждан при организации, проведении и определении итогов региональных референдумов, а военнослужащие срочной службы не принимают участие только в муниципальных выборах. Исходя из необходимости обеспечения гарантий прав граждан Российской Федерации на участие в референдуме, севастопольские законодатели в точности повторили предписания федерального законодательства. Данная норма получила негативную оценку общественности Севастополя как ограничивающая избирательные права горожан. Предложения об увеличении ценза проживания в городе для получения права участвовать в региональном референдуме (например, по одной из версий, не менее пяти лет) не получили отражения в принятом законе.

В тексте закона города Севастополя, принятого единогласно во втором чтении 21 ноября 2017 года Законодательным собранием, установлено, что в референдуме смогут принимать участие совершеннолетние жители города, имеющие постоянную регистрацию в регионе и граждане России, имеющие временную регистрацию не менее трех месяцев и включенные в список участников референдума (ст. 3 Закона) [3]. По мнению одного из авторов законопроекта, В. Посметного, «этого срока достаточно, чтобы понять, чем живет город, – вникнуть в его проблемы и принять осознанный выбор» [1]. Данная редакция вновь вызвала опасение, что в условиях отсутствия учета инициатив представителей общественности Севастополя и компромисса в формулировках соответствующих законопроектов, региональные выборы и референдумы перманентно будет сопровождать низкая явка.

Обратили на себя внимание общественности Севастополя положения законопроекта, содержащие расхождения с федеральным законодательством о референдуме. Инициировать референдум уполномочены партии или граждане, имеющие право на участие в городском референдуме, которым для этого необходимо создать инициативную группу в составе не менее 50 человек (ст. 7 Закона). Инициаторам необходимо собрать 2 % (более 6 тыс.) подписей избирателей. Установлено, что голосование проводится не ранее 65 дней и не позднее 90 дней со дня принятия решения депутатами Законодательного собрания о его назначении [3].

Проект определил вопросы, которые обязательно должны выноситься на региональный референдум – вопросы, предусмотренные федеральным законом, Уставом города Севастополя, законами города Севастополя. С одной стороны - на региональный референдум, согласно убеждению авторов проекта, должны выноситься спорные и реально значимые для города вопросы, с другой, – вопросы, которые будут вынесены на первый референдум, согласно заявлениям представителей власти города, это, например, вопрос о лишении экс-президента Украины Леонида Кучмы звания почетного

жителя Севастополя [8]. Наиболее актуальной проблемой, решение которой в перспективе может быть вынесено на референдум, губернатор города назвал избрание севастопольцами герба города: «Такое решение ни губернатор, ни законодательное собрание не имеют возможности принимать, чтобы все восприняли это как публичное общественное компромиссное решение» [6].

Закон установил процедуру определения результатов референдума города Севастополя (ст. 49). Предусмотрена возможность признания результатов референдума недействительными и назначение повторного голосования. Устанавливается порядок реализации решений, принятых на референдуме города Севастополя. Так, севастопольская городская избирательная комиссия признает решение не принятым на референдуме города Севастополя, в случае если за это решение проголосовало не более половины участников референдума, принявших участие в голосовании [3].

Вид регионального референдума устанавливается содержанием статьи 51 закона: решение, принятое на референдуме города Севастополя, является обязательным, не нуждается в дополнительном утверждении и действует на всей территории города Севастополя. Оно может быть отменено или изменено не иначе как путем принятия иного решения на референдуме города Севастополя, но не ранее чем через два года после его принятия, либо признано недействительным в судебном порядке.

В 2016 году проект закона города Севастополя о местном референдуме был представлен на экспертизу в ЦИК. Согласно Заклчению комиссии ЦИК от 19 июля 2016 г. текст законопроекта получил большое количество замечаний, с учетом которых и был подготовлен его доработанный вариант. Традиционно закон отличается от федерального объемом, а также технико-юридическими и процедурными деталями. Его принятие предусмотрено поэтапным переходом города федерального значения Севастополя на действующую систему регионального государственного управления и местного самоуправления. Работа над законопроектом велась с учетом замечаний юридической службы Центризбиркома, и в процессе усовершенствования текста проекта были исключены около 13 избирательных процедур, учтены замечания, поданные губернатором города.

Исходя из особенностей территориального устройства и организации Российской Федерации, у Севастополя как субъекта федерации, охватывающего сравнительно небольшую территорию и население, есть возможность проводить референдум куда чаще, чем в большинстве более крупных субъектов России, превратив его в действенный инструмент народовластия. При этом в Севастополе назрела насущная необходимость проведения социально значимых референдумов по актуальным вопросам охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при проектировании и строительстве объектов в городской зоне ЮБК, а также исключения таких участков из особо охраняемых природных территорий и изменения вида разрешенного использования таких земель.

Принятие Закона города Севастополя, окончательная редакция которого многократно дорабатывалась, в любом случае сделает региональные власти более ответственными за принимаемые решения перед жителями города. Четко выверенные формулировки закона субъекта федерации должны явиться гарантией невозможности использования процедуры референдума региональными группами давления для манипулирования общественным мнением с целью достижения определенных финансовых и иных целей в противовес представительной и исполнительной власти города.

Принятие законов о региональном референдуме и порядке отзыва губернатора является следующим шагом полноценного воссоединения Севастополя с Российской Федерацией, выступает индикатором уровня демократичности вхождения новых субъектов в ее состав и нивелирует заявления представителей киевского режима и других его противников о силовом, насильственном характере этого перехода. В целом, региональные референдумы как форма непосредственного осуществления народом своей власти, позволяющая выявлять волю народа в наиболее «чистом» виде, не опосредованном представительством депутатов, в последние годы превратились в средство борьбы за независимость и суверенитет различных регионов мира, и одновременно, явились основанием установления режима геополитического остракизма. События последних лет вернули такие характеристики референдумов как непредсказуемость и революционность.

Список литературы

1. «Как бронепоезд на запасном пути». В Севастополе приняли закон о референдуме // Сетевое издание «ФедералПресс». – 21.11.2017. – URL: <http://fedpress.ru/article/1899327> (дата обращения: 21.11.2017).

2. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесен. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). - Доступ из справ.-правовой системы

«КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 4.12.2017).

3. О референдуме города Севастополя : Закон города Севастополя от 4.12.2017 № 379-ЗС // Законодательное Собрание города Севастополя: сайт. – URL: https://sevizakon.ru/view/laws/bank/2017/zakon_n_379_zs_ot_04_12_2017/opublikovanie/ (дата обращения: 4.12.2017).

4. О референдуме города Севастополя : Проект закона города Севастополя, зарегистрированного 30.05.2017 регистрационный номер 19/434 // Законодательное Собрание города Севастополя: сайт. – URL: https://sevizakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/ (дата обращения: 13.09.2017).

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 13.10.2017).

6. Овсянников: закон о референдуме позволит решить вопрос о гербе Севастополя // Сетевое издание «РИА Новости». – 23.11.2017. – URL: <https://ria.ru/society/20171123/1509455715.html> (дата обращения: 23.11.2017).

7. Про всеукраїнський референдум : Закон України від 6 листопада 2012 року № 5475-VI // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2013. – № 44-45.

8. Севастополь готовит закон о местном референдуме // Сетевое издание «ИА REGNUM». – 18.05.2016: сайт. – URL: <https://regnum.ru/news/2133788.html> (дата обращения: 12.08.2017).

9. Устав города Севастополя : Закон города Севастополя от 14.05.2014 № 1-ЗС // Севастопольские известия. – 2014. – 15 апр. – N 29 (1650); 23 апр. – N 31 (1652).

Статья поступила в редакцию 31.10.2017

Skrebets, E.V. Features of the legislative design of order of appointment and holding of a referendum of Sevastopol

The article is devoted to the analysis of role of regional referendums in the processes of transformation of the world political system and features of process of the legislative design of order of appointment and holding of a referendum of Sevastopol.

Keywords: referendum, plebiscite, project of law, referendum of subject of a Russian Federation.

УДК 94(47) «18»

Рассматривается вопрос связи либеральных идей западников и славянофилов в российском политическом дискурсе в первой половине XIX в. и современных общественно-политических процессов, имеющих место в Российской Федерации.

Ключевые слова: российская политика, либеральная мысль в России, западники, славянофилы, соборность.

Л. Л. Даховник, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ludmila-dakhovnik@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНО-РЕФОРМИСТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ 30-50 ГГ. XIX ВЕКА В РОССИИ

Россия XIX века, после известных событий, вылившихся в угрозу переворота декабристов, переживала своего рода бум общественно-политической мысли, связанный с попытками противопоставления текущего положения вещей новым экономическим условиям. В значительной степени эта ситуация была обусловлена конфронтационными аспектами деятельности различных социальных групп и сторонников разных точек зрения на вопросы развития страны.

Страна в этот период оказалась восточным соседом прогрессивных европейских государств, переосмысливавших подходы к политическому управлению и, воспринимавших крепостное право в качестве анахронизма. Кроме того, война за независимость США и Великая буржуазная революция во Франции породили распространение философских идей, связанных с общим социальным благополучием, в то время как политика Николая I была больше связана с реакцией, как внутри своей страны, так и в Европе (в рамках деятельности Священного союза).

Наряду с усилением активности в различных общественных кругах, представлявших собой в основном интеллигенцию, дискутирующую в салонах Петербурга и Москвы, а также в различных кружках, собраниях в университетах и на страницах литературных журналов, вроде «Вестника Европы», «Современника», «Отечественных записок» и «Москвитянина», этот процесс подстегивался также фактом наличия отрицательного опыта декабристов, вылившегося в репрессии и серьезные противоречия внутри различных групп элит российского общества. Стал звучать отчетливее консервативный дискурс, который зачастую задавал повестку для критики либералам и радикалам.

Наиболее ярким проявлением такого противостояния выступает критика П. Я. Чаадаевым теории официальной народности, предложенной министром народного просвещения С. С. Уваровым [6]. Эта теория базировалась на единении царя и народа, что теснейшим образом связывалось с глубокой религиозностью и укоренением в русском сознании ортодоксального христианства. В плане общественного управления важным моментом выступало крепостное право, которое постулировалось в качестве добровольного и определяющего статус российского монарха, то есть было выделено три ключевых принципа: самодержавие, православие и народность, установивших в качестве ведущей стратегию укрепления крепостного права и абсолютизма и отсутствия необходимости в социальных изменениях.

Порожденные возникновением такой теории идеи ярче всего были выражены в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева, в которых отразились взгляды этого мыслителя на основные препятствия к развитию России, как раз и сконцентрированные вокруг самодержавия и закостенелости религиозных и нравственных устоев. В результате этот автор предлагал опираться на современную ему европейскую мысль в вопросах общественно-политического устройства, а с точки зрения морали и этики рекомендовал влиться в христианскую европейскую цивилизацию, оформив таким образом новую общность.

После публикации первого письма из этой серии жестоко поплатился журнал «Телескоп» в 1836 г., руководство которого согласилось опубликовать работу П. Я. Чаадаева. Император Николай I, 22 октября, прочитав письмо, написал следующее: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной есть смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного: это мы узнаем непременно, но не извинительны, ни редактор журнала, ни цензор. Велите сейчас журнал запретить, обоих виновных отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу». Цензура в отечественных изданиях стала еще более жесткой [3].

Появление такого рода воззваний всколыхнуло круги российской интеллигенции и вылилось в появление двух лагерей либерального движения: славянофилов (критиковавших его) и позднее западников (поддержавших идеи П. Я. Чаадаева). Таким образом, общественная мысль стремилась с учетом особенностей пережитых и переживаемых эпох придать новую форму ответам на важнейшие вопросы истории и современности Русского государства.

К концу 1830-х гг. складываются идейно-философские взгляды славянофилов, которые официальный лозунг поддерживали, но содержащиеся в нем понятия были существенно переосмыслены в качестве основ идентичности России. В триаде «Православие, самодержавие, народность» славянофилы усматривали основные интегрирующие факторы отечественной государственности в духовной, властной и социальной сфере и особенности взаимодействия между ними в русском обществе.

Особую роль сыграла фигура А. С. Хомякова, повлиявшая на формирование внешней оценки славянофильского идейного течения. В этот период к Хомякову и другим сторонникам идей соборности и панславизма (К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин и др.) критики относились с нетерпением, даже сам термин «славянофилы» изначально упоминался авторами, находившимися вне течения, и связывался исключительно с сочувствием славянам, пребывающим за пределами границ России. Однако идейный комплекс этих мыслителей находился в более глубоком диапазоне религиозных убеждений и историческом обосновании роли русского «начала». Фундаментальная разработка понятий, в русле инициированной ими традиции светского богословия, составляла новаторство славянофилов. Н. А. Бердяев считал А. С. Хомякова «рыцарем Церкви», гениальным мыслителем, который «начал новую эру» в русском богословии. «...Та идея, которая была руководящей в философском творчестве А. С. Хомякова – построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии – не была ни его личным созданием, ни его индивидуальным планом. Как до него, так и одновременно с ним и после него, – вплоть до наших дней, – развивается рядом мыслителей мысль, что Православие, заключая в себе, иное восприятие и понимание христианства, чем то, какое сложилось на Западе, может стать основой нового подхода к темам культуры и жизни» [2, с. 5].

По мнению А. С. Хомякова, Православная церковь никогда не притязала на насильственное управление волею и помыслами прихожан, а также на приобретение себе светски-правительственной власти. Тем самым Православие отличается от римско-католической церкви, которая – свободному единству – предпочла начало внешнего авторитета, так и от протестантизма, пожертвовавшего единством ради начал свободы «...Утверждаю смело, – говорил Хомяков о соборности, – что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры» [1, с. 130-131]. Соборность, по мнению философа, богослова, историка А. С. Хомякова – это не монолитное единство, внутри которого невозможно выделить какие-либо составляющие его элементы, но единство во множестве [9, с. 242].

Ю. Ф. Самарин указывал на связь соборности и общины: «Среда, в которой было предназначено развиваться историческим силам славянства... предопределилась сродством... общинности и соборности» [1, с. 136]. При этом самодержавие рассматривалось им как народная монархия, идеальная форма государственного устройства, а община как форма социального устройства призванная сплотить все слои общества, поддерживать в нем развитие самобытных традиций.

Это направление общественной мысли в 1840-е – 1850-е гг. серьезнейшим образом повлияло на ход политического дискурса в стране. Однако славянофильство немислимо без основной противоборствующей идеологии, представленной западничеством, к сторонникам которой позже был отнесен и сам П. Я. Чаадаев. Западники схожим образом обращали первостепенное внимание на крестьянские общины, но придерживались иного подхода к пониманию ее будущего: общинное владение, на их взгляд, должно было быть пересмотрено в пользу единоличного владения землей. Этот важный принцип также увязывался с целым рядом специфичных для Западной Европы того периода черт, к которым относили как конституционные ограничения монархии, так и отмену крепостного права. Сторонниками этого направления были В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, В. Ф. Корш и др. Эти представители различных профессий, в числе которых были писатели, поэты, публицисты, видели наиболее правильный вектор развития России в немедленных и решительных преобразованиях эволюционного характера, которые поспособствовали бы переходу страны к западному пути развития. Источником и инициатором реформ западники, так же как и славянофилы, воспринимали правительство, так как уроки декабристов, с тяжелыми социально-политическими последствиями послужили поводом к более мягкой линии для возникших в этот период общественных течений [5].

Западничество окончательно сформировалось в России, как направление общественной мысли первой половины XIX в. и связано это, главным образом, с деятельностью Н. В. Станкевича. Большое влияние на деятельность кружка, наряду с самим Станкевичем, оказывали также Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин и В. Г. Белинский. Но после идеологического раскола, кружок продолжил свое существование в той его части, которая являлась либеральной. Т. Н. Грановский отводил важное место народу. Народ, считал философ, не есть скопление внешне соединенных лиц, но есть живое единство, система многообразных сил, над которыми властвует одна основная сила. Сущность народа – в народном духе. Великие люди, цвет народа – несут в себе дух народа «в наибольшей красоте». В этом положении творческого наследия Грановского отражается, по всей видимости, призвание элиты: смысл и цель ее существования [8].

Ярким представителем последовательного либерализма был К. Д. Кавелин. Он в целом придерживался реформистских взглядов, отстаивая свою общественно-политическую позицию. Дворянскому сословию он также отводит особую роль, понимая, движение общественной мысли, как движение «сверху вниз», а целью для России называет «самодержавную республику» как устройство, при котором соблюдаются интересы всех сословий. К этому могут привести не политические, а административные реформы, проводимые «сверху», то есть правящей элитой.

Следует подчеркнуть, что западничество – это результат взаимодействия локальных цивилизаций, в которых происходили похожие социально-политические процессы, характерные для различных стран и преклонение перед ценностями других, было характерным в разные периоды для многих народов: Древнего Рима, Ирана, европейских государств Средневековья, Германии, Франции, Англии Нового времени. Подобные тенденции как результат подражания западноевропейскому устройству были характерны и для России.

Постижение западного опыта развития в отечественной политической традиции являлось неотъемлемой частью общественной мысли со времени возникновения этих двух школ. Такая конфигурация не является уникальной, исходя из утверждений А. Тойнби о наличии в большинстве обществ двух течений: «иридианства» (связанного со стремлением к копированию иностранных ценностей) и «зелотизма» (направленного на изоляцию внутри своей культуры) [7]. Тем не менее, важным моментом выступает наличие сравнительно уникального культурного кода, определяемого через принадлежность к православной культуре. Разобраться в этом можно в той степени, в какой те, кто не считает западную демократию политической системой, наиболее подходящей для России, реагируют, в первую очередь, на термины «западный» или «демократия», не обращаясь к глубокому анализу.

В 1990-е – 2010-е гг. при проведении опросов элит на предмет согласия или несогласия с теми, кто «считает, что Россия должна идти по пути развитых стран, интегрироваться в мировое сообщество и извлекать выгоду из опыта западной цивилизации» (западники) или с теми, кто утверждает, что «с учетом историко-географического положения России, расположенной на стыке Европы и Азии, она должна идти по своему отдельному пути» (славянофилы), за все три года большинство (56% в 1995 и 1999 гг., 54% в 2004 и 2014 гг.) ответило, что Россия должна идти своим путем [10]. Те, кто утверждает, что Россия должна идти своим путем, не склонны рассматривать западную демократию как подходящую систему для России. Те, кто выступает за то, чтобы Россия пошла по пути Запада, с большей вероятностью утверждают, что западная демократия – это система, наиболее подходящая для России. Но даже среди них большинство считает, что нынешний или советский строй, даже в более демократичной форме, система наиболее подходящая для России.

Объединяющая роль нашей страны в настоящее время выступает абсолютно новой идеологической предпосылкой. Участие государства в раскрытии нового постулата, обусловленного концепцией «Русского мира», влечет за собой и новую форму славянофильства, весьма далекую от панславизма, так как реализация этой идеи требует вмешательства в дела соседних славянских стран.

Кроме того, необходимо изучить содержание, которое скрывается за такими фразами, как «следуя по пути развитых стран, имея в виду достижения западной цивилизации» и «идя по собственному российскому пути». Удивительно было узнать, что то, что имеют в виду российские элиты, когда они выбирают ту или иную сторону в качестве общего заявления предпочтений относительно будущего направления России, не в значительной степени связано с представлениями о внутренней экономике России и ее общей политической системой. В любом случае тщательный мониторинг темы в российской истории с родословной, которая длится не менее 150 лет, займет продолжительное время в оценке выбора, который россияне делают по поводу направления современной российской внешней политики.

Таким образом, использование механизмов, которые позволят России проявить большую скорость в социально-политическом преобразовании, является отправной точкой в дискурсах как современников, так и мыслителей, находящихся на этапах начала развития общественной мысли в XIX в. Зарождение либеральной мысли в эту историческую эпоху было вызвано сильными общественными потрясениями, сродни тем, которые произошли в начале 1990-х гг. с распадом СССР. Принадлежность к лагерю западников и славянофилов зачастую является условной и зависит от контекста. Тем не менее, складывающиеся политические ситуации вызывают к жизни искусственное обострение противоречий между двумя направлениями мысли, что влечет за собой делегитимизацию одного или обоих направлений, но сохранение общего вектора в любом случае остается необходимым условием для продолжения поступательного развития страны.

Список литературы

1. Данилов, С. И. Идея соборности в социальной философии славянофилов и евразийская идеология / С. И. Данилов // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». - М.: РАГС, 1995. - С.130-136.
2. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. - Л.: Эго, 1991. Т.1.Ч.2. - 512 с.
3. Логинов, В. История закрытия журнала Н. М. Надеждина «Телескоп» / В. Логинов: сайт. - URL: <http://www.net.slova.ru/loginov/teleskop.html> (дата обращения 03.12.2017).
4. Ляковский, В. Н. Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и сочинения / А. Н. Ляковский // Русский Архив. — М.: Университетская типография, 1896. — Вып. 3. — № 11. — С. 337-510.
5. Лотман, Ю. М. Современность между Востоком и Западом / Ю. М. Лотман // Знамя. — М., 1997. — Вып. 9: сайт.- URL.: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-9797.htm> (дата обращения 03.11.2017).
6. Петров, Ф. А. Исторические взгляды С. С. Уварова // Ист. музей энцикл. отеч. истории и культуры. Труды Гос. Истор. музея. Вып. 106. - М., 1998. – 287 с.
7. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Тойнби. - URL: <https://unotices.com/book.php?id=122135> (дата обращения 24.12.2017).
8. Ходаковский, Е. А. Значение и перспективы Европы и России в системе гецивилизации / Е. А. Ходаковский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время // [cyberleninka.ru / article](http://cyberleninka.ru/article) : сайт. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/2014.05.1> (дата обращения 4.01.2018).
9. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. Т.2 / А. С. Хомяков. - М.: Медиум, 1994.- 479 с.
10. McFaul, M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin / M. McFaul. - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – 384 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2017

Dakhovnik L.L. The Formation of the Liberal-Reformist Trend of Social Movements during 1830-1850 in Russia

The article is devoted to consideration of when liberal ideas of Westerners and Slavophiles in Russian political discourse in the first half of the century 19 th and contemporary social-political processes taking place in the Russian Federation.

Keywords: Russian politics, liberal thought in Russia, Westernizers, Slavophiles, Sobornost.

УДК 32

На основе зарубежных источников анализируются подходы к пониманию феномена лиминальности. Рассматривается возможность применения концепций лиминальности в объяснении переходных состояний политических объектов.

Ключевые слова: лиминальность, концепции лиминальности, переходные состояния, политическая система.

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ЛИМИНАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Любая наука ставит перед собой задачи систематизации представлений о явлениях и процессах, которые относятся к объекту ее изучения; получения новых знаний и представлений об особенностях, характеристиках, свойствах тех или иных предметов исследования; выработки методологического инструментария и т.д. Для социальных и политических наук выполнение данных функций наиболее актуально в силу следующих обстоятельств: 1) частота социальных и политических изменений в современном мире достаточно высока, что требует учета разнообразных динамических состояний изучаемых систем; 2) переходные состояния политических и социальных систем не имеют достаточных концептуальных обоснований; 3) методология исследования политических и социальных изменений требует привлечения новых методов и приемов, т.е. весьма распространена ситуация, когда существующие инструменты науки не позволяют фиксировать явления общественной жизни и давать их качественную характеристику. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод о необходимости поиска новых концептуальных и методологических подходов, обладающих высокой объяснительной способностью в отношении социальных и политических изменений.

Многие исследователи сталкивались с проблемой, когда не удается четко определить характеристики, например, политического института в условиях его трансформации, поскольку ему свойственны черты старой и новой системы. Такой политический институт представляет собой некий гибрид, и когда он перестанет быть таковым, и какую новую качественную определенность он приобретет – неизвестно. В этом случае возникает вопрос о качественной стороне явления, который сразу становится научной проблемой: как объяснить черты института или системы в условиях перехода? На наш взгляд, в определенной мере решению данной проблемы может способствовать привлечение концепций лиминальности, получающих все более широкую разработку в современной науке.

В общем виде под лиминальностью (от лат. *limen* – порог) понимается «пороговое» или переходное состояние между двумя стадиями развития человека или сообщества. Сегодня концепции лиминальности используются в различных науках: медицине, психологии, географии, социологии и, вероятно, будут востребованы в политической науке. В данном направлении уже сделаны определенные шаги: вклад в изучение концепций лиминальности применительно к политике внес российский исследователь Л. В. Сморгун. Тем не менее, задача данного исследования заключается в изучении концепций лиминальности и возможности их использования в политических исследованиях.

Автором термина «лиминальность» принято считать антрополога Арнольда ван Геннепа, который изучал первобытные общества и влияние ритуалов на изменение социальных статусов в них. В примитивных обществах изменения в статусах строго регулируются церемониальными ритуалами, которые определяют процесс перехода из первоначальной группы в новую групповую структуру. В рамках процесса перехода антрополог выделил фазу промежуточного (лиминального) состояния, характеризующуюся неопределенностью и переходностью, отсутствием каких-либо рамок.

В современных обществах изменение статуса осуществляется намного легче, однако, в то же время, результат более неоднозначен, чем в примитивных обществах. Чтобы проиллюстрировать данную ситуацию, А. ван Геннеп сравнивает общество с домом, в котором комнаты представляют собой определенные социальные роли и доступные социальные позиции. Чем более современным является общество, тем тоньше его стены и шире двери, обеспечивающие коммуникацию. В этом случае прохождение из комнаты в комнату осуществляется легко. В небольших обществах комнаты тщательно изолированы узкими дверями и коридорами. Церемония и ритуал регулируют переход

между этими комнатами. Хотя обряды перехода легче идентифицировать в небольших обществах, этот процесс применим ко всем цивилизациям «от самых примитивных до самых развитых» [7, p.301].

Ритуал перехода осуществляется в три этапа. Первый этап – предварительный (прелиминальный), предполагающий сепарацию или отделение личности от позиции, ранее занимаемой в социальной структуре. Второй этап может быть обозначен как переходный (лиминальный). Он наступает, когда прежний социальный статус больше не распространяется на индивида, а новый социальный статус еще не достигнут. В этих условиях индивид становится символическим аутсайдером без четко определенного статуса и роли. Такие лица именуются *лиминарами*. И, наконец, третий заключительный этап (постлиминальный) называется инкорпорация и позволяет индивиду принять новый социальный статус и вновь войти в общество. Если инкорпорация не состоялась, то лиминализация индивида не заканчивается. Такая ситуация возможна в современных обществах, но маловероятна в примитивных сообществах [6].

Категория «лиминальность» позволяет рассматривать изменения социальных статусов как переход с собственной темпоральностью. Лиминальность есть промежуточное состояние между двумя стабильными, интегрированными и унифицированными позициями, которое имеет статус особой ситуации перемен. Несмотря на то, что лиминальное состояние само по себе отрицает принадлежность к определенной позиции, в то же время оно дает возможность управлять и контролировать неопределенность, сопровождающую процесс формирования новой идентичности, а затем и окончательную интеграцию в данную группу. Таким образом, лиминальность интерпретируется как состояние, облегчающее управление и контроль над трансформацией социальных статусов и, как итог, обеспечивающее соблюдение социальных норм.

Лиминальность обладает не только темпоральными характеристиками, но и имеет пространственное измерение. Английский антрополог В. Тернер, развивший вслед за А. ван Геннепом концепцию лиминальности, отмечал, что ритуалы перехода создают опыт пространства и времени, который отличается от обычной повседневной реальности. Поэтому Тернер рассматривает обряд перехода как ситуацию, в которой в лиминальной фазе появляется антиструктура, отличающаяся от исходной структуры.

Для Тернера основой понимания лиминальности выступает восприятие всего процесса перехода в качестве транзита, процесса, посредством которого происходит трансформация. Во время транзита происходят существенные изменения, которые включают в себя реконцептуализацию исходных категорий, с помощью которых личность или группа описывает свою идентичность. Фундаментом лиминальной теории В. Тернера стали исследования различных ритуалов посвящения в африканском племени Ндембу в Замбии. Именно в этом примитивном стабильном обществе он отчетливо видел насколько важную роль играет лиминальная фаза в личных и социетальных транзитах. Это позволило в дальнейшем изучать лиминальность в более крупных и нестабильных обществах, в которых лиминальность намного сложнее распознать, поскольку она слабо ритуализирована.

Как видим, с помощью лиминальности описываются процессы изменения социальных статусов, в то же время данная категория применима и к описанию качественных изменений социальных структур. Анализируя изменения социальных структур и общества в целом, следует отметить, что темпоральные характеристики лиминальности будут иными. Процессы перехода, изменения качества социальных структур требуют значительных временных периодов, при этом качество и характеристики новой постлиминальной социальной структуры точно неизвестны.

Достаточно хорошо данное обстоятельство иллюстрирует российское общество, переходный характер которого констатируют многие исследователи. Незавершенность трансформационных процессов в экономической, политической и культурной сферах подчеркивает лиминальный характер постсоветского российского общества. Российский исследователь Ф. А. Шебзухова [2] утверждает, что практически вся социальная жизнь современного общества выступает как тотальная лиминальность и именно так воспринимается индивидом и социальной общностью.

В данном случае лиминальность представляет собой фазу развития, которой свойственна деструктивность и неопределенность, а также высокий конфликтогенный потенциал. В условиях лиминальности наиболее вероятны кризисы и конфликты, в том числе в политической сфере. Устойчивость и стабильность политической системы труднодостижимы в условиях трансформаций, в силу ее гибридности и измененной системы координат, в которой она существует и функционирует. Можно предположить, что политические системы в стадии лиминальности имеют характеристики как старой, так и новой системы.

В этом отношении заслуживает внимания опыт использования лиминальности в постколониальной теории для описания среды, в которой происходит культурная трансформация.

Концепт «лиминальность» был успешно адаптирован к описанию границы, разделяющей отдельные сферы, идентичности или дискурсы [4].

Польза концепта заключается в его способности описать пространство «между», в котором должны происходить культурные изменения; своеобразное транскультурное образование, в котором вырабатываются индивидуальные и общие стратегии самости; регион, в котором происходит непрерывный процесс движения и обмена между различными государствами. Х. Баба относит к лиминальности временное, промежуточное состояние или место, для которого характерна неопределенность, амбивалентная гибридность, обладающая потенциалом изменений. Переход между фиксированными идентификациями открывает возможность культурной гибридности.

Кроме того, Х. Баба вместе с концептом гибридности вводит понятие «третьего» пространства, которое, по его мнению, возникает в результате напряженности между двумя культурами. В рамках данного пространства возникает парциальная культура, которая описывается им как «соединительная ткань между культурами». В дальнейшем он объясняет ее как нечто наподобие культуры «между», (culture in-between), которая обладает чертами обеих культур, но в то же время отличается от них [3, p.55].

К относительно новым наработкам западных ученых следует отнести исследования Б. Томассена. В частности, заслуживают внимания, предложенные им классификации лиминальности. Исследователь выделяет три основных критерия классификации лиминальности. Итак, субъектом лиминальности может выступать: отдельный индивид; социальные группы (в частности, меньшинства); общества в целом и даже цивилизации. В темпоральном измерении лиминальность имеет отношение: к моментам (отдельным событиям); периодам (недели, месяцы, годы); эпохам (поколениям, возможно, векам). В пространственном измерении: специфические места, переходы (дверной проем в доме; специфические объекты, занимающие положение «между» пунктами классификационной схемы); пространства или зоны (пограничные пространства между государствами); «страны» или более крупные регионы, континенты (Средиземноморье) [5, p.16].

Сопоставление субъектной и темпоральной классификаций позволили Б. Томассену создать модель типов лиминального опыта. Таким образом, лиминальность на индивидуальном уровне может охватывать различные периоды времени: от момента до достаточно длительных периодов жизни. В качестве лиминальных моментов жизни человека выделяются аффективные жизненные события (смерть, развод, болезнь), индивидуализированные ритуальные переходы и др. Группа как субъект также может в определенные моменты пребывать в состоянии лиминальности, например, в процессе ритуальных переходов, однако тех, которые предполагают групповой характер. Сущность групповой лиминальности достаточно хорошо иллюстрируют церемонии выпуска из учебных заведений. Как отдельный индивид, так и общество может оказаться перед лицом непредвиденных событий, имеющих природный характер (стихийное бедствие, эпидемия), либо событий социального характера, в результате которых исчезают социальные разграничения (карнавалы) и социальная иерархия (революции).

Лиминальность может охватывать периоды жизни индивида, часто критические жизненные стадии, например, подростковый период. В качестве групповой лиминальности, которая может длиться некоторый период времени, уместно отметить групповые путешествия. На уровне общества лиминальные периоды отражены в событиях войн и революционных периодов. В темпоральном отношении лиминальность может охватывать целые эпохи либо продолжаться фактически в течении всей жизни индивида. Такими примерами служат индивиды, находящиеся вне общества в силу выбора или обстоятельств. Групповая лиминальность характерна религиозным братствам, этническим и социальным меньшинствам, маргинальным группам, которые находятся в состоянии «между» старой и новой культурами. Длительная лиминальность на уровне общества отражается в продолжительных войнах и других формах политической нестабильности, что приводит к ее инкорпорированию и воспроизводству в структурах общества и политической системы. Более того, на данном уровне анализа Современность рассматривается как «перманентная лиминальность».

Очевидно, что предложенные Б. Томассеном модели лиминальности обладают объяснительным потенциалом в отношении политических явлений, причем как на макроуровне (мировая политика, политические системы отдельных обществ), так и на мезо- и микроуровнях политики (политические отношения, политические элиты). С данными уровнями политики созвучны основные подходы к феномену лиминальности. Так, Л. В. Сморгун, описывая онтологию лиминальности, выделяет: эссенциалистский, дискурсивный и виртуальный подходы.

В соответствии с эссенциалистским подходом лиминальность является качеством объекта, характерным для сущности структурной промежуточности или структурной деформации, и возникает

объективно как данность состояния неполноты / неупорядоченности или трансформационных процессов переходного типа. Сторонники дискурсивного подхода, наоборот, полагают, что положение лиминальности скорее конструируется акторами, чем предписывается им [1, с.164]. Третий подход – виртуальный – граница, как некоторая идея, которая, однако, имеет реальный эффект. Воплощение этой идеи предполагает конструктивную дискурсивную работу акторов, эту границу определяющих и использующих для своего позиционирования.

Приведенные подходы позволяют определить контуры методологии исследования политических процессов на различных уровнях функционирования политической системы. Эссенциалистский подход дает возможность характеризовать макроуровень политической системы, в то время как два остальных подхода наиболее приемлемы для исследования процессов на мезо- и микроуровне политической системы.

Рассмотрим возможные объекты приложения концепций лиминальности в рамках политической науки. Явления лиминальности, прослеживающиеся на различных уровнях политической системы, связаны с изменениями, которые обладают различной темпоральностью. На макроуровне лиминальность связана с трансформацией политической системы как целого. Очевидно, что период изменения всей системы весьма длителен, соответственно лиминальность охватывает большие временные промежутки, на протяжении которых на политическую систему влияет значительное количество, как внутренних, так и внешних факторов. Данное обстоятельство снижает возможность прогнозирования итогов трансформаций. Незавершенность перехода, более того, неопределенность результатов трансформаций демонстрируют политические системы, образовавшиеся на постсоветском пространстве. Так, данные системы, реформируемые с 1990-х гг. на основании либеральных проектов, на сегодняшний день представляют собой гибридные явления, включающие в себя эндогенные и экзогенные элементы.

На мезоуровне политической системы лиминальность характеризуется иной темпоральностью. Мезоуровень политической системы включает в себя функционирование ее подсистем, имеющих сложную внутреннюю структуру. Изменения на мезоуровне охватывают меньшие временные промежутки и чаще всего связаны с реформированием различных подсистем, структурных элементов политической системы. Меньшие временные промежутки и несколько меньшее количество факторов повышают прогностические возможности науки при анализе мезоуровня политической системы.

Длительность лиминального периода зависит от количества структурных элементов, вовлеченных в процесс реформирования. Чем большее количество подсистем охватывает реформа, тем длительнее вероятный период лиминальности. Изменения в каждой из таких подсистем имеют собственную логику и темпы функционирования. Одни подсистемы поддаются реформированию, другие – требуют большего количества ресурсов и времени для изменений. Например, невозможно эффективно провести реформы в социальной сфере, не затрагивая систему распределения ресурсов в обществе; также вряд ли удастся получить положительные эффекты от реформирования системы политического представительства, если политическая культура, являющаяся самым консервативным элементом политической системы, не претерпела никаких изменений.

Микроуровневые политические исследования, как правило, ориентированы на изучение взаимодействий политических акторов (элит, отдельных политических лидеров) по поводу распределения власти и влияния. В данном случае концепт лиминальности применим к статусным переходам в рамках политических иерархий и сетей. Такие переходы определяются формальными и неформальными нормами, которые конструируются политическими акторами для упорядочивания системы политических взаимодействий.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд обобщений в отношении перспектив использования концепций лиминальности в политической науке.

Концепт «лиминальность» применим к явлениям политической жизни, с его помощью можно описывать политические явления различных уровней и масштабов. Лиминальные состояния характерны как отдельным индивидам или группам, действующим в политическом пространстве, так и политической системе в целом.

Лиминальность характеризуется различной темпоральностью. Чем масштабнее изучаемый политический объект, тем более длительны лиминальные состояния. Например, изменение политического статуса лидера и качественных характеристик политической системы охватывают различные временные отрезки.

Лиминальность в социальных и политических практиках выполняет как конструктивные, так и деструктивные функции. Конструктивность лиминальности связана, с одной стороны, с упорядочением процессов перехода от одного статуса к другому. С другой стороны, на уровне политической системы лиминальность создает ситуации неопределенности, результатом которых

нередко становится социальной напряженностью в обществе, неустойчивость и дисфункциональность политической системы.

Политическая практика постсоветского пространства достаточно богата на объекты, имеющие гибридную (лиминальную) природу. Следовательно, применение концепций лиминальности в отношении политических объектов представляется перспективным направлением политической науки.

Список литературы

1. Сморгун, Л. В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике / Л. В. Сморгун // Полис. – 2012. – №5. – С.159-169.
2. Шебзухова, Ф. А. Ментальные основания толерантности в полиэтническом обществе: дис. ...д-р. филос. наук : 09.00.11 / Ф. А. Шебзухова ; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на Дону, 2005. – 411с.
3. Bhabha, H. K. Culture's In-Between / H. K. Bhabha // Questions of Cultural Identity. - London: SAGE Publication, 1996. - P. 53-60.
4. Chakraborty, A. R. Liminality in Post-Colonial Theory: A Journey from Arnold van Gennep to Homi K. Bhabha / A. R. Chakraborty // International Journal of Social Sciences (AIJSS). - URL: http://www.rnlkwc.org/pdf/anudhyan/18_04_2016/Liminality_in_Post-Colonial_Theory.pdf (дата обращения: 22.09.2017)
5. Thomassen, B. The Uses and Meanings of Liminality / B.Thomassen // International Political Anthropology. - Vol. 2. – 2009. – №1. – P. 5-27. - URL: http://www.moodlelvda.lt/moodle/pluginfile.php/2205/mod_resource/content/0/8%20Thomassen%20-%20Uses%20and%20meanings%20of%20liminality.pdf (дата обращения: 12.10.2017)
6. Willett, J. Liminality and Disability: Rites of Passage and Community in Hypermodern Society / J. Willett, M. J. Deegan // Disability Studies. – Vol. 21,. – 2001. - № 3. – URL: <http://dsq-sds.org/article/view/300/349> (дата обращения: 15.09.2017)
7. Zumwalt, R. Arnold van Gennep: The Hermit of Bourg-la-Reine / R. Zumwalt // American Anthropologist. - Vol. 84. – 1982. - №2. – P. 299-313.

Статья поступила в редакцию 10.12.2017

Maksimova, E. N. Prospects for the use of the concepts of liminality in political science

On the basis of foreign sources, approaches to understanding the phenomenon of liminality are analyzed. The possibility of using the concepts of liminality in explaining the transitional states of political objects is considered.

Keywords: liminality, the concept of liminality, the transitional state, the political system.

УДК 32:316.77

Рассматриваются возможности применения интернет-технологий в сборе средств для президентских кампаний 2004-2016 гг. в США. Акцентируется внимание на трансформации методов фандрайзинга. Указывается, что микротаргетирование является одним из современных технологических инструментов привлечения денежных средств со стороны избирателей. Вместе с тем подчеркивается, что синергия микротаргетирования и социальных сетей существенным образом трансформирует политические коммуникации и несет в себе как положительные эффекты, так и продуцирует угрозы.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, избирательная кампания, кандидат, выборы президента США, избиратели, фандрайзинг, микротаргетирование.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

А. А. Каримов, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: itsallmadness57@gmail.com

МИКРОТАРГЕТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФАНДРАЙЗИНГА В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ США (2004-2016 ГГ.)

Стремительный темп современного информационно-технологического развития не просто способствует формированию многосторонней и многоуровневой коммуникации, а и трансформирует политическую сферу общества, изменяя представления о роли отдельной личности и общественных групп в современном политическом процессе, позволяя достигать поставленных политических целей с опорой на использование новейших средств интерактивного коммуницирования.

В данной статье мы остановимся на вопросе использования нового технологического инструментария в целях привлечения денежных и иных ресурсов избирателей на нужды президентских избирательных кампаний на примере Соединенных Штатов Америки в период с 2004 г. по 2016 г.

Следует отметить, что научный интерес, к проблематике такого рода стал появляться в начале 1990-х гг. и связан, прежде всего, с уровнем развития информационно-коммуникационных технологий. Так, в работах ряда зарубежных и отечественных ученых анализируются особенности трансформации электоральных технологий (Л. Гроссман, У. Раш и др.), публичность процесса политического фандрайзинга, связь бизнеса и политики во время избирательных кампаний (А. Коррадо, Г. Якобсон, Д. Маглиби, Д. Грэнзки и др.), влияние ИТ на течение и итоги президентских выборов разных лет (К. Фут, С. Шнейдер, Ю. Дорожкин, Н. Соленникова, И. Быков, А. Северс и др.).

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) предоставляют широкие возможности для ведения избирательных кампаний разного уровня. Это касается не только вопросов конструирования и презентации имиджа кандидатов, расширения круга его сторонников, а и нередко связано с политическим фандрайзингом (процессом привлечения материальных и нематериальных ресурсов на определенные цели, обычно не связанные с получением прибыли) [11]. Сам термин возник в США и употреблялся первоначально исключительно в сфере финансово-экономической деятельности, однако позже стал активно применяться в других областях. Перенос понятия в политическую плоскость привел к тому, что основной целью политического фандрайзинга стало привлечение денежных средств с целью обеспечения бесперебойного и эффективного течения предвыборных кампаний кандидатов.

Однако, возможности такого рода существуют не во всех государствах и могут отличаться в рамках одной страны, что объясняется информационным неравенством и коррелируют с уровнем развития ИТ, возможностью доступа граждан к интернету и элементарной компьютерной грамотностью населения. Тем не менее, совершенствование ИКТ и неуклонный рост количества интернет-пользователей расширяет аудиторию по всему миру. Данные касательно Соединенных Штатов Америки свидетельствуют, что в 2016 г. американское «сетевое сообщество» объединяло 277 млн. человек (3-е место по численности в мире после Китая и Индии) [5], то есть свыше 84% населения США имеют доступ к интернету [12]. Поэтому сегодня все же можно говорить об изменении политической коммуникации, организации ее по сетевому принципу, поднимать вопросы о

расширении возможности вовлечения граждан в политический процесс и об очертаниях электронной демократии. Однако, современные политические системы демократических стран, испытывая некоторые сложности с осуществлением тесного взаимодействия граждан и власти при помощи традиционных политических институтов вроде партий и избирательных процедур, все больше ориентируются на новые технологии.

Ключевым событием политического процесса в США являются выборы президента, так как в президентском режиме получает легитимацию глава исполнительной власти, обладающий значительными полномочиями в области внутренней и внешней политики и формулирующий повестку дня на определенный временной диапазон (срок полномочий). Однако стоит акцентировать внимание на высокой затратности выборов президента. Финансирование президентской избирательной кампании в США с 2000 г. обусловлено двумя принципами: во-первых, лицу, баллотирующемуся впервые на пост главы государства, обычно требуется больше средств, чем претенденту, являющемуся президентом и идущему на второй срок (2004 г., 2012 г.); во-вторых, претендентам от оппозиционной партии необходимо больше финансовых поступлений, чем новым кандидатам от партии власти (2000г., 2008 г.), так же и в 2016 году. Хотя Барак Обама и не имел права на переизбрание, тем не менее он опосредованно повышал рейтинг «своей» партии, выступая с заявлениями и принимая популистские меры, направленные на расширение базы избирателей Демократической партии [3].

Занять пост президента без солидных денежных вливаний весьма затруднительно, что не только заставляет даже очень состоятельных людей искать дополнительные источники финансирования избирательной кампании, а что самое главное, постепенно приводит к обесцениванию базовых демократических ценностей, нивелируя принцип равенства возможностей, и подрывает политическую стабильность, дискредитируя саму идею демократии. Поэтому ключевой необходимостью американского государства сегодня выступает установление контроля над деньгами в политике и предоставление реальной возможности реализации прав и свобод для американцев. США законодательно определяет базовые источники финансирования президентских избирательных кампаний и путем ограничения устанавливает пределы размера взносов (варьируется в зависимости от категории жертвователя) в избирательные фонды кандидатов и партий.

Пополнение фонда президентской избирательной кампании может происходить несколькими способами. Первый – это использование внутренних резервов, то есть собственных средств кандидата и членов его семьи. Второй способ подразумевает внешнее финансирование. Здесь источниками привлекаемых ресурсов, помимо средств, выделяемых государством (федеральные субсидии) и предоставляемых партиями, выдвигающими кандидатов, чаще всего выступают заинтересованные индивиды и группы (спонсоры, инвесторы и доноры), создающие и финансирующие комитеты политических действий (КПД). Стоит отметить, что во время избирательной кампании, политик становится достаточно уязвимым, поэтому вовремя оказанная финансовая и иная помощь на выборах, может не только привести к возможному получению авансированных предпочтений разного рода (например, для крупных корпораций), а и способствовать установлению долгосрочного влияния на потенциального президента. Наиболее влиятельные КПД финансируют на президентских выборах обоих претендентов, что обеспечивает им своего рода «успех» при любом исходе голосования.

Еще одну группу источников внешнего финансирования составляют рядовые граждане США, делающие частные пожертвования добровольно и бескорыстно в ожидании перемен и в надежде на реализацию претендентом своей предвыборной программы. Именно эта часть населения предоставляет значительную долю средств в фонд избирательной кампании кандидата. Поэтому сегодня привлечение индивидуальных взносов и рост рейтинга кандидата требуют продуманной подготовительной работы с избирателями, выбора соответствующих механизмов и инструментария.

Постепенное снижение интереса населения к традиционным медиа и рост аудитории социальных сетей сказываются на эффективности традиционных методов фандрайзинга. Следует отметить, что до распространения интернет-коммуникации в избирательные кампании активно вовлекали социальные связи избирателей. Например, в избирательных кампаниях 2002 г. и 2004 г. политтехнологи Республиканской партии для мобилизации избирателей создали огромную сеть волонтеров (1 млн. 200 тыс.), которые за трое суток до выборов лично и по телефону обратились к 15 млн. знакомым-избирателям, чтобы убедить их сделать выбор в пользу Буша и республиканских кандидатов в Конгресс. Однако, особенностью сетей такого рода является ситуативность существования во времени, зачастую они прекращают свое существование по завершении избирательной кампании [8, с. 158].

Повышение роли интернет-коммуникации выводит политический фандрайзинг на новый уровень, позволяя не просто увеличить охват аудитории и провести ее сегментирование (согласно социальному статусу, этнической принадлежности, месту проживания, цвету кожи, полу, возрасту и

др.), а и, опираясь на возможности BigData и открытия в области психометрии, использовать возможности технологий микротаргетирования в избирательных кампаниях. Сегодня существует широкий доступ к данным интернет-пользователей [9].

Тщательный анализ «цифровых следов» пользователя, оставляемых как онлайн (посещение интернет-сайтов, социальных сетей; группы, в которых состоит пользователь; адрес проживания; разнообразные предпочтения и многое другое), так и офлайн (сведения о приобретаемых товарах, собранные при расчете карточками в торговых точках), позволяет составить портрет избирателя в социально-демографической и психологической проекции. Дополнение этих данных сведениями о его политической активности (история голосования, партийная принадлежность и др.) позволяет политтехнологам не просто получить общее представление о преимуществах, ожиданиях и «болевых точках» избирателя, а и разработать схему воздействия на него, то есть убедить в необходимости поддержки конкретного кандидата, в том числе и финансово. Сайты и сообщества (например, группы на Facebook, Hi5, MySpace, и др.) предоставляют идеальную среду для выстраивания лояльности избирателей и осуществления эффективного фандрайзинга.

Микротаргетирование позволяет выявлять наиболее податливый сегмент пользователей социальных сетей, концентрироваться на работе с ним, определяя оптимальное содержание рекламных сообщений (текст, фото, видео или их микс) для организации продуктивного общения с каждым участником группы. Так, персонифицированная направленность рекламы, доверительная атмосфера общения, актуальность предлагаемых для обсуждения тем – в совокупности способствуют быстрому распространению сообщений, повышению их релевантности и достижению поставленных целей (привлечь внимание, активизировать позицию, спровоцировать нужные действия). То есть, с большой долей вероятности можно предсказать поведение как отдельной личности, так и всего сегмента в целом, спрогнозировать результат всей избирательной кампании определенного кандидата.

В американском обществе таким отзывчивым сегментом выступает возрастная когорта (1980-1996 год рождения), которую можно охарактеризовать как интернет-кочевники, чья жизнь без виртуального пространства уже немыслима. Одновременно данная возрастная группа наиболее склонна к волонтерской деятельности и наиболее авторитетна среди политически неопределившихся пользователей в социальных сетях. Поэтому микротаргетирование позволяет создать ключевой актив избирательной кампании – широкую сеть онлайн и офлайн волонтеров, сознательно или неосознанно распространяющих информацию и участвующих в процессе политического фандрайзинга.

Следует подчеркнуть, что конечная эффективность микротаргетинга определяется двумя оценочными параметрами: победой / проигрышем кандидата, динамикой поддержки избирателей. Второй параметр учитывает колебания рейтинга кандидата, изменения его электоральной поддержки, а также сумму финансовых вливаний его сторонников в социальных сетях. При этом объемы, количество, регулярность финансовых поступлений в фонд кампании и наращивание их объемов служат своеобразными индикаторами популярности кандидата. Чем выше эти показатели, тем больше шансов на победу.

Впервые применение политтехнологии микротаргетирования для осуществления политического фандрайзинга в США было отмечено в 2004 г. Финансирование президентской избирательной кампании небольшими суммами через Интернет присутствует как у республиканцев (Дж. Буш-младший), так и у демократов (Г. Дин). В итоге, Буш-младший привлек \$367 млн., из которых 74% составили индивидуальные взносы. В работе с избирателями активно использовалась электронная почта (отправка сообщений 6 млн. интернет-пользователей). В свою очередь, Говард Дин рассылал оповещения на электронные почтовые ящики 1 млн. человек и собрал через Интернет \$40 млн. [1, с. 50]. Выборы 2004 г. стали своеобразной «генеральной репетицией» применения новых технологий в ходе проведения последующих президентских избирательных кампаний.

В 2008 г. происходит новый виток в применении современных медиа, которые становятся главным источником активизации электората и финансирования кампании, что позволяет наладить непосредственную связь с новыми аудиториями на удобных для них медиаплатформах и вовлечь в политику относительно аполитичных и малоактивных граждан (молодежь и афроамериканцы). В результате этого, впервые в истории выборов в Америке сумма собранных кандидатами средств превысила \$1 млрд. – это вдвое больше общего бюджета президентских выборов 2004 г. Добровольные взносы, поступившие за 21 месяц в фонды основных претендентов на пост президента, Дж. Маккейна и Б. Обамы, за весь период составили, \$368.1 млн. и \$745 млн. соответственно. Примечательно, что Б. Обама задолго до выборов начал подготовительную работу с избирателями. Сделав ставку на добровольные пожертвования граждан, он отказался от дотаций из федерального бюджета США, которые, по законодательству, служат своеобразным ограничителем свободы кандидата в распоряжении собранными средствами. В условиях мирового экономического кризиса 2008 г. это

могло бы стать фатальным, т.к. финансовая помощь ведущих компаний и представителей крупного бизнеса, поддержавших претендента, оказалась меньше ожидаемой. Однако благодаря работе высокопрофессиональной команды (Дэвид Плафф, Дэвид Аксельрод и др.) и технологии микротаргетинга, доля индивидуальных взносов американских граждан стала основной в пополнении фонда Б. Обамы – 88% от общей суммы средств. Из них около \$500 млн. составили переводы через Интернет почти от 3 млн. пользователей (средняя сумма перевода – \$80). По данным Campaign Finance Institute, после выдвижения Обамы в качестве единого кандидата от Демократической партии, 34% от всех донорских вливаний составили поступления в размере до \$200 [6].

Грамотное использование интернет-пространства и новых технологий (создание сайта MyBarackObama.com и сбор с его помощью информации о сторонниках кандидата, мобильный маркетинг, использование вирусных технологий, реклама в компьютерных играх, регистрация Б. Обамы в 15 социальных сетях, регулярные онлайн-конференции, видеообращения на сервисах Веб 2.0 – YouTube, Facebook, MySpace и др.) позволило существенно повысить качество взаимодействия кандидата с сегментированными аудиториями. Прямым следствием этого явилось увеличение доли его сторонников в общей массе избирателей (особенно в возрастной категории от 18 до 26 лет) и поступление новых пожертвований. Таким образом, именно применение новых информационных технологий стало решающим фактором, повлиявшим на приток финансовых средств в избирательный фонд кандидата. И это позволило Б. Обаме победить на выборах президента, став новатором в области эффективной работы с потенциальной электоральной базой.

По данным американской Федеральной Избирательной Комиссии (ФИК) на выборах в 2012 г. был установлен новый рекорд – собрано более \$1,5 млрд. Как и в 2008 г. Б. Обама отказался от госфинансирования (как и его соперник М. Ромни). Кандидатам от провластной Демократической партии удалось собрать больше средств, чем республиканцам – соответственно, \$963,5 млн. и \$589,2 млн. Последние получили значительную поддержку крупного бизнеса, однако часть деловых кругов с Уолл-стрит оказалась на стороне демократов. И хотя технология микротаргетирования была использована и этот раз, все же наблюдался резкий спад индивидуальных пожертвований в фонд Б. Обамы от рядовых американцев. Приток внешних поступлений в избирательный фонд составил лишь \$131,3 млн. [10]. Что можно объяснить рядом факторов, среди которых: кризис 2008 г., подорвавший финансовое благополучие американских граждан и другие. Однако, одной из ключевых причин стало невыполнение Обамой целого ряда предвыборных обещаний (например, отсутствие реформ миграционного законодательства, действующая тюрьма на базе в Гуантанамо и т.д.). Тем не менее, возможность привлечения административного ресурса немного сглаживала проблему сторонних дотаций, а довольно высокий уровень активности потенциальных избирателей Б. Обамы в социальных сетях обеспечил ему хороший рейтинг. Следствием технологической победы стала политическая – Б. Обама был избран на второй срок.

Успех Б. Обамы в применении новых технологий в избирательных кампаниях стал одной из причин отказа от финансового федерального субсидирования основных кандидатов как от Демократической, так и от Республиканской партии, начиная с праймериз (2015-2016 гг.). Отказ, согласно американскому законодательству, убирает ограничения касательно суммарно привлекаемых и затрачиваемых средств кандидатом на избирательную кампанию, т.е. появляется возможность без ограничений распоряжаться привлеченными средствами, следует только уведомить ФИК и указать используемые источники финансирования.

Все кандидаты в предвыборной президентской гонке 2016 г., делали ставку на получение индивидуальных пожертвований граждан. Так, демократ Б. Сандерс к марту 2016 г. собрал \$96 млн., из которых \$311 тыс. пришлось на долю небольших (в среднем \$27) онлайн-поступлений. Часть средств была поддержкой от безработных (\$15 млн.). Всего к июню 2016 г. он смог привлечь в фонд своей кампании \$212,8 млн. [4].

Не остались в стороне и республиканцы. Так, активно задействуя IT-индустрию, сенатор от Кентукки Р. Пол, будучи сторонником распространения альтернативных средств платежа (криптовалют), принимал в том числе биткойны через Bitpay, а разработанное цифровым агентством CanDo мобильное приложение «Рэнд Пол 2016» (достаточно популярное среди наиболее загруженных приложений iOS) позволяло пользователям, помимо прочего, осуществлять пожертвования [2, С. 73].

Индивидуальная помощь фонду республиканца Т. Круза в марте 2016 г. составила \$54 млн., из которых 46% поступили от жителей родного Техаса, а \$34 тыс. – от сотрудников Почтовой службы США. К маю сумма поддержки избирателей превысила \$155 млн. Его коллеге по партии М. Рубио удалось привлечь из разных источников \$124,6 млн. [7]. В избирательных кампаниях данных кандидатов также использовалась технология микротаргетирования, что позволило, например,

Т. Крузу на короткое время довольно быстро поднять свой рейтинг, однако закрепить успех он не сумел.

Еще один претендент от Республиканской партии, Джеб Буш, вложил значительные средства (\$104 млн.), в основном, в традиционные способы распространения рекламы, в то же время не оставил без внимания и современные медиа – Facebook и Twitter, где проводилась целенаправленная работа как с англоязычным, так и с испаноговорящим населением. Всего в фонд кампании Буша удалось привлечь \$162,1 млн., хотя более \$130 млн. – это деньги от КПД и другие общественные организации большого бизнеса. Поддержка со стороны рядовых избирателей оказалась крайне низкой.

Возможности новых технологий и их влияние на электоральные предпочтения граждан использовали кандидаты и на заключительной стадии выборов президента США в 2016 году. Х. Клинтон активизировала работу по подготовке к избранию на пост президента задолго до выборов, наладив связи с бизнес-группами; завела личный аккаунт в сервисе микроблогов Twitter (2013 г. на английском языке, а с 2016 г. на испанском), в 2015 г. создала аккаунт в Instagram; активно участвовала в политическом фандрайзинге для кандидатов от Демократической партии в ходе промежуточных выборов в Конгресс в 2014 г. Так, по данным Центра ответственной политики, на поддержку ее кампании было собрано \$516 млн., из которых \$143 млн. – это сторонние средства от предвыборных фондов, КПД, частных крупных инвесторов (в основном, банкиров и юристов) [10].

Неформальным спонсором кампании Х. Клинтон стала организация «Первоочередные задачи США», которая перешла в наследство от Б. Обамы и к ноябрю 2016 г. собрала более \$100 млн. Крупнейшими спонсорами организации стали известные финансисты Д. Сассман (\$21,8 млн.), Дж. Сорос (\$6 млн.) и др. Индивидуальные поступления от граждан в сумме до \$200 оказались довольно скромными: к началу первичных выборов их объем составил \$120,5 млн., а в октябре 2016 г. – 17% от всех взносов. Х. Клинтон, будучи уверенной в успехе собственной кампании, явно недооценила возможности новых технологий. И хотя общие затраты на рекламу из ее фонда составили в целом \$237,9 млн., на цифровые технологии было выделено всего \$15,8 млн., что в 3,7 раза меньше, чем у ее основного оппонента [4].

Кандидат от республиканцев Д. Трамп вплоть до июня 2016 г. крайне мало уделял внимание рекламе. Это можно объяснить, с одной стороны, медийностью его фигуры (актер второго плана, владелец конкурсов красоты, телеведущий популярной передачи «Претендент»). С другой стороны, активизации внимания избирателей способствовала широкая антирекламная кампания, развернутая демократами. И, наконец, его резкие и провокационные высказывания мгновенно становились достоянием медиа, активно обсуждались интернет-пользователями, способствовали росту рейтинга.

Наиболее активную финансовую поддержку предвыборной кампании Трампа оказали представители секторов здравоохранения и недвижимости, незначительная доля принадлежит КПД. Дефицит финансов кандидат покрывал отчасти за счет личных средств, внося в фонд своей кампании \$54 млн. (по некоторым данным – \$66 млн.) [10]. Однако по мере приближения выборов Трамп стал уделять больше внимания точечной работе с разными сегментами электората, преимущественно посредством социальной сети Facebook.

Суммарные поступления в фонд кампании Трампа составили \$456,1 млн., при этом в мае 2016 г. доля индивидуальных пожертвований рядовых граждан была относительно невысока – всего \$51 млн. Однако к ноябрю онлайн-поступления в фонд кандидата, в том числе небольшими суммами, достигли \$250 млн. Стоит отметить, что для Д. Трампа микротаргетирование, в первую очередь, было способом повышения явки избирателей на выборах и лишь потом актуализировалось в качестве инструмента осуществления сбора средств.

Таким образом, анализ финансирования американских президентских кампаний периода 2004–2016 гг. дает основание утверждать, что, с повсеместным распространением интернета, ростом количества пользователей социальных сетей, методы и инструментарий сбора ресурсов значительно трансформировались. Современные инновации позволяют упрощать процесс пожертвований, что становится возможным благодаря разнообразным приложениям, работающим на разных устройствах (от рабочего стола до смартфона). Интернет сегодня становится и информационной площадкой, и координатором массовых действий по организации сторонников кандидата, позволяя реализовывать большой объем работ агитационного характера, способствуя распространению информации, дискредитирующей оппонентов и др. в режиме онлайн. Очевидно, что фандрайзинг представляет собой важную составляющую часть избирательного процесса и относится к категории «жизнеобеспечивающих» факторов.

Рост стоимости президентских избирательных кампаний в США создает ситуацию возможной зависимости кандидатов от денежных вливаний заинтересованных групп. Поэтому государство, законодательно формулируя «правила игры» в ходе избирательной кампании, используя широкий

спектр гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового характера, в целях активизации реальной политической конкуренции, повышения степени политического участия граждан и обеспечения стабильности политической системы, за счет развития фандрайзинга, в большинстве своем ориентированного на мелких спонсоров. Это в значительной мере обеспечивает кандидатам независимость от крупных капиталов, предоставляет большую свободу действий кандидату и реальную возможность влияния электората на политическую ситуацию в стране.

Сегодня постепенно выстраивается новый тип политических коммуникаций, который можно назвать как «убеждение посредством взаимодействия». Для этих целей хорошо подходит технология микротаргетирования, которая становится одним из наиболее эффективных инструментов политического фандрайзинга, значительно повышая шансы кандидатов на победу, создавая возможности прямого диалога политика с избирателями. Тем не менее, конвергенция микротаргетирования и социальных сетей существенным образом трансформирует политические коммуникации и несет в себе, в том числе и существенные риски. В частности, получают актуализацию вопросы информационной безопасности (как политиков, так и избирателей); существует угроза манипулирования общественным мнением (снижается степень критического и рационального отношения к информации); велик риск исключения отдельных социальных сегментов из политической коммуникации, например, в силу информационного неравенства малообеспеченных слоев, что создает угрозу существования демократии и требует эффективного государственного регулирования данных вопросов.

Список литературы

1. Быков, И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы / И. А. Быков // Вестник Пермского университета. — 2010. — Вып. 1(9). — С. 48-58.
2. Ванчугов, В. В. Информационно-коммуникативные технологии американских консерваторов в президентской кампании 2016 года / В. В. Ванчугов // Тетради по консерватизму. — М.: Автономная некоммерческая организация «Средство массовой информации». — 2016. — № 1. — С. 64-76.
3. Глущенко, Ю. Н. Финансирование избирательной кампании кандидатов на пост президента США: правовые и организационные аспекты / Ю. Н. Глущенко // Российский институт стратегических исследований: сайт. — URL: <https://riss.ru/analytics/28367/> (дата обращения: 03.12.2017).
4. Минченко, Е. Н. Аутопсия кампании Хиллари Клинтон и рецепты победы Дональда Трампа, 20.01.2017 / Е. Н. Минченко // «Московский центр Карнеги»: сайт. — URL: <http://carnegie.ru/commentary/67751> (дата обращения 01.12.2017).
5. Пользователи интернета в мире // Интернет в России и в мире: сайт. — URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 23.11.2017).
6. Роулэнд, К. Президент за миллиард долларов? / К. Роулэнд // Polittech: сайт. — URL: <http://polittech.org/2011/03/28> (дата обращения: 20.11.2017).
7. Сапронова, Ю., Евтеев, Е. Дональд Трамп внес в избирательную кампанию \$66 млн. / Ю. Сапронова, Е. Евтеев // РБК: сайт. — URL: <http://www.rbc.ru/politics/07/11/2016/58172d119a79478828b87ccc> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Свинин, А. А. Использование социальных сетей как интернет-технологий в избирательных кампаниях: международный опыт / А. А. Свинин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2013. - № 2. - С. 157-163.
9. Северс, А. В. Синергия микротаргетирования и социальных сетей в политических коммуникациях (роль социальных медиа в президентской предвыборной кампании США 2012 года) / А. В. Северс // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2013. — № 2. — С. 38-47.
10. Сколько стоит стать президентом? Финансовые показатели выборов в президенты США // Центр деловой информации «Капитал»: сайт. — URL: <https://kapital.kz/world/54555/skolko-stoit-stat-prezidentom.html> (дата обращения 25.11.2017).
11. Фандрайзинг // Записки маркетолога: сайт. — URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_f/fundraising/ (дата обращения: 18.11.2017).
12. Perrin, A. American's Internet Access: 2000-2015 / A. Perrin, M. Duggan // Pew Research Center: сайт. — URL: <http://www.pewinternet.org/2015/06/26/americans-internet-access-2000-2015/> (дата обращения: 10.11.2017).

Статья поступила в редакцию 12.12.2017

Garas, L. N., Karimov, A. A. *Microtargeting as a Fundraising Tool in the Presidential Election Campaigns of the USA (2004-2016)*

The possibilities of using Internet technologies in gathering resources for presidential campaigns 2004-2016 are considered. in USA. Attention is focused on the transformation of the methods of fundraising. The author points out that microtargeting is one of the modern technological tools for attracting money from voters. At the same time, it is stressed that the synergy of microtargeting and social networks significantly transforms political communications and carries both positive aspects and produces threats.

Keywords: political communication, social networks, election campaign, candidate, US presidential election, voters, fundraising, microtargeting.

УДК 327

Статья посвящена теме кризиса классической геополитики и становлению новейшего направления – критической геополитики, в рамках которой осуществился переход от анализа геополитической реальности к анализу геополитических дискурсов. Акцентируется внимание на ключевой роли средств информационной политики в распространении геополитических дискурсов. Определяются особенности современной геоэкономики, как разнородного направления, развивающегося параллельно с критической геополитикой.

Ключевые слова: геополитический дискурс, критическая геополитика, геоэкономика, геоэкономические войны, информационная политика.

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

В. Ю. Бровко, аспирант

Институт научной информации по общественным наукам РАН

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА: ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Геополитика с момента своего зарождения в конце XIX в. представляла собой набор концепций, подходивших к политике и общественному развитию с позиции жесткого географического детерминизма. Другими словами, геополитика утверждала зависимость внутренней и внешней политики государств, а также исторического и цивилизационного развития от географических факторов: пространственного положения, природных ресурсов, климата, плотности населения, темпов его роста, близости или отдаленности от морей и океанов. Особенное внимание исследователи-геополитики уделяли влиянию этих факторов на протекание международных отношений, дипломатии, военной и экспансионной политики. Так, английский геополитик Х. Дж. Макиндер разработал известную концепцию, в которой утверждалось, что контроль над миром может быть установлен через контроль над Мировым островом (Евразия и Африка, содержащие 50% всех мировых ресурсов). В свою очередь контроль над Мировым островом достигается через захват Хартленда (северо-восток Евразии, большую часть которого занимала Российская империя, а затем Советский Союз). С проникновением железных дорог в Евразию ранее существовавшая неуязвимость Хартленда преодолевается через контроль над Восточной Европой (в частности, Украиной). Концепции с подобным географическим детерминизмом доминировали в геополитике до конца XX века.

В 1990-е гг. геополитика как знание претерпела серьезные изменения. Одно из них касалось изменившегося представления о ведущих факторах, обеспечивающих внешнеполитический успех государств. Развитие взаимозависимости, падение коммунистических режимов, расширение присутствия на международной арене негосударственных акторов (прежде всего, крупных компаний) и другие глобальные изменения повысили значение экономических факторов. Появилось такое направление как *геоэкономика*, объединившее наработки в геополитике, политологии, экономике, географии, конфликтологии и др. областях. Исследователи обратили внимание на геополитическое значение изменений в мировом производственном процессе, национальных политиках в области защиты экспорта, протекционизма, коммерциализации научных разработок [3].

На волне бума информационных технологий, ускоривших коммуникацию и обмен идеями, вновь стали популярными вопросы культуры, в том числе ее политические аспекты. Заговорили о появлении такого направления как *геокультура*, где мировые культурные реалии и связи рассматривались как потенциальное и реальное поле для проведения операций по защите и продвижению государством своих верований, традиций, культурных образцов и картин мира. Важная часть геокультурных исследований – изучение идеологического пространства, которое состоит из идей, взглядов, оценок, ценностей, которое формируется средствами массовой информации, образовательной системой, различными популярными видами искусства [3].

Нетрудно предположить, что в исследованиях геокультуры большое значение придается информации, ее каналам и информационной политике. Современные исследователи в целом постулируют, во-первых, возрастание роли информации в сопровождении геополитических кампаний,

во-вторых, возрастание геополитической роли самой информации и информационной политики. Популярными концептами становятся «информационная война», «информационно-психологическая война», «когнитивная война», «сетевая война», «информационные операции», а также «информационная геополитика» [7], [3].

С геополитикой происходят те же изменения, что и со всей политической сферой: активность все больше перемещается в информационное, виртуальное пространство, где политика эксплуатирует информационные сообщения, ценности, культурные нормы с целью изменить взгляды и убеждения большого количества людей. С современными технологиями такие информационные операции могут проходить в сравнительно короткие сроки, и их результаты будут иметь глобальное влияние [3].

Наличие разрушительных военных технологий способствует распаду мировых конфликтов на большое количество локальных операций и конфликтов, которым требуется информационное сопровождение, позволяющее так сформировать общественное мнение, чтобы часто нелегитимные решения выглядели легитимными. Это же обстоятельство обуславливает возрастание роли информационного пространства как арены противостояния между геополитическими игроками и их союзами. Информационные «победы» помогают государствам без проявления открытой военной агрессии расширить сферу влияния, легитимировать геополитическое расширение, проведение военных учений и т.п. Сегодня практически не осталось геополитических ситуаций, сохранивших независимость от информационного пространства и событий в нем.

Впервые очевидной роль СМИ в сопровождении геополитических практик сделала война в Персидском заливе. Такие теоретики-постмодернисты как П. Вирилио и Ж. Бодрийяр отмечали не только использование в войне прогрессивных военных средств (таких как системы спутникового захвата цели), но и широкое освещение войны в средствах массовой информации. С точки зрения Бодрийяра, это сделало войну своеобразным «симулякром», виртуальной копией, оригинал которой оказался безвозвратно утерянным. Следующий крупный международный конфликт, операция НАТО в Косово, с точки зрения Вирилио, был вообще по преимуществу конфликтом информационным, выигранным в первую очередь в виртуальном пространстве. СМИ фактически стали неотъемлемым элементом военно-промышленного комплекса [16].

Манойло, Петренко и Фролов выделяют понятие «информационная экспансия», понимаемое как расширение влияния геополитического актора в информационной сфере. Авторы определяют ее как деятельность «по достижению национальных интересов методом бесконфликтного проникновения в сферу социальных и духовных отношений общества с целью постепенного, плавного, незаметного для общества изменения системы социальных отношений по образцу системы источника экспансии, вытеснения положений национальной идеологии и национальной системы ценностей и замещения их собственными ценностями и идеологическими установками» [11, с. 481]. Информационная экспансия осуществляется путем расширения актором присутствия собственных СМИ в информационном пространстве других стран, а также установления контроля над СМИ этих стран.

Парадоксально, что серьезность последствий информационных операций не приводит к соответствующему отражению данной проблемы в законодательстве стран мира. До сих пор даже самые агрессивные информационные атаки не рассматриваются как преступления, угрожающие национальной безопасности [3]. С другой стороны, такая ситуация объясняется принципиальной неспособностью спецслужб современной эпохи идентифицировать информационную агрессию в качестве таковой [7].

Развитие информационных, транспортных и военных технологий поставило под вопрос многие положения классической геополитики, в первую очередь касающиеся географического детерминизма и роли географического пространства в силовой политике. Технологии способствовали сжатию пространства и уменьшению влияния фактора физического расстояния. Разрушительность современных военных технологий уменьшает вероятность начала традиционного вооруженного противостояния наций, а существование и применение высокоточного оружия способствует обесцениванию борьбы за территории с военно-стратегической точки зрения¹.

Не стоит недооценивать также широко распространенные антивоенные позиции населения, а также демографический кризис в развитых странах, усложняющий возможности мобилизации большого количества людей. В эпоху глобализации меняется также геополитическое мышление, основанное на четкой сегментации пространства и устойчивых идентичностях. Чрезвычайная мобильность людей, товаров, идей и т.д. сегодня заставляет говорить о мире, где геополитика в

¹ Конечно, все еще существуют стратегические позиции, которые имеют высокую ценность для акторов, но в целом борьба за территории отходит на второй план.

традиционном понимании больше невозможна. Неслучайно на рубеже XX и XXI в. заговорили о собственно «конце геополитики» [24].

Ускоряющаяся эволюция информационно-коммуникационных технологий, развитие интерактивности и появление технологий виртуальной реальности еще больше усиливают эти изменения в геополитике.

Тема кризиса (или «конца») классической геополитики под влиянием новых факторов в политической науке связывается с таким новейшим направлением как *критическая геополитика* (в некоторых источниках называемая постгеополитикой). Это направление объединило постструктуралистскую, конструктивистскую, феминистскую, постколониальную, критико-политэкономическую методологии для деконструкции традиционных геополитических концепций.

Приверженцы нового направления указывали, что такие построения как концепция Хартленда упрощают реальную геополитическую ситуацию, легитимируют агрессивную политику колониализма и, кроме того, в современных условиях развития глобализационных трендов представляются устаревшими.

Не менее важно подчеркнуть переориентацию в исследованиях критической геополитики с анализа геополитической реальности на анализ геополитических дискурсов. Традиционные геополитические концепции по «установлению контроля над миром» как раз и являются влиятельными геополитическими дискурсами, разрабатываемыми «интеллектуалами-государственниками». Мировой гегемон особенно активен в деле производства и распространения геополитических дискурсов. Теоретические концепции, практические доктрины, речи выступлений и даже образы массовой культуры создают дискурс, который призван легитимировать геополитический статус-кво, представляя его как закономерный и справедливый. Ключевую роль в распространении таких дискурсов, безусловно, играют средства информационной политики. Например, доминирующий дискурс конструирует такое представление о войне с участием сверхдержавы, в котором ее агрессивные действия показываются как оборонительные, справедливые и вынужденные, в то время как действия врага неоправданны и аморальны [6].

Геополитические дискурсы подразумевают также манипулирование средствами языка. Еще Дж. Оруэлл в своих книгах и статьях писал об использовании языка в политических целях. Знаменитый «новояз» из романа «1984» призван был сузить границы высказываемого и, таким образом, мыслимого. К таким же приемам прибегают и современные интеллектуалы-государственники, конструируя, к примеру, различные эвфемизмы, снимающие эмоциональную нагрузку с различных слов и выражений. Так, в политическом языке слово «пытки» заменяется выражением «более жесткие методы допроса», а вместо слов «атомные бомбы» используются выражения «стратегическое ядерное оружие» и «тактическое ядерное оружие». Использование дискурса подразумевает также манипуляции с лексемами и синтаксисом [28, p.401].

Особая заслуга критической геополитики – обращение внимания на дискурс во всей его полноте, что подразумевает, в частности, обращение к популярным геополитическим представлениям, формируемым телеканалами, литературой, кинематографом, популярной культурой. Этому полному анализу свои работы посвятил исследователь К. Доддс. По его мнению, различные масс-медиа и формы искусства конструируют в том числе геополитические репрезентации. Эта мысль восходит к работам Э. Саида, который наблюдал формирование негативного образа Палестины как в элитарном, так и популярном дискурсе Соединенных Штатов. Такие репрезентации вовсе не безобидны, так как если какой-либо народ ассоциируется с «укрывателями террористов», они не получают никакой помощи или симпатии со стороны других [22]. Доддс замечает, что арабский мир все еще нуждается в инструментах трансляции собственной позиции, которая могла бы конкурировать с позицией и представлениями христианских стран.

Доддс поддерживает уже озвученную нами мысль о новой геополитической роли СМИ. Он обращает внимание на то, как традиционные и новые медиа интерпретируют реально происходящие события, выставляя их историями со своими действующими лицами, жертвами, героями, злодеями и т.п. Наибольшая власть по конструированию фреймов и повестки дня находится в руках англо-американского мира, имеющего в своем распоряжении одни из самых успешных и влиятельных медиакомпаний. Многие из них освещали геополитические инициативы США в апологетическом ключе (к примеру, в случае интервенции в Ирак в 2003 г.).

Не менее важен анализ месседжей, транслируемых популярной культурой. Геополитические образы формируются книгами, художественными фильмами, компьютерными играми. Доддс приводит в пример то, как фильмы конца XX – начала XXI в. конструировали для Америки представления об основных геополитических угрозах. Сформированный образ геополитической карты

в соответствии с представлениями Республиканской партии позволил последней, с точки зрения Доддса, сохранить доминирование в Белом доме в 2000-х гг.

Доддс также обращается к популярному объекту анализа для критической геополитики – географическим картам. Образы, транслируемые ими, часто искажают и мифологизируют действительность. Геополитические концепции, оперирующие картографическими методами, кажутся более беспристрастными, хотя на самом деле могут оправдывать проведение агрессивной внешней политики. Можно также вспомнить о том, что проекция Меркатора, используемая в географических картах, искажает реальные размеры материков у полюсов, благодаря чему западные страны кажутся более крупными, а значит сильными и пугающими. Иногда этот эффект используется в пропагандистских целях, когда Россия, особенно если ее окрасить на карте в красный цвет, изображается огромной и опасной.

Для классических геополитиков аксиомой была первичность государств как акторов мировой политики. Критическая геополитика подвергает сомнению и это положение. По их мнению, все ускоряющиеся трансграничные взаимодействия подрывают такие атрибуты современного государства как границы, суверенитет, контроль над информацией внутри государства [23, р.39-40]. Это, однако, вовсе не означает конец власти. Области, из которых ушло государство, оккупируют другие акторы.

Исследователь, повлиявший на становление критической геополитики, Тимоти Люк вывел термин «*Sovgantee*», которым обозначал негосударственные центры силы, вторгающиеся в традиционные центры влияния государств и устанавливающие там собственные правила. Люк использует фукианские концепции «правительности» и «биовласти» для объяснения желания государства поддерживать «правильное расположение вещей» в своих границах. В условиях размывания статичных идентичностей, турбулентности и проницаемости национальных границ биовласть государства приходит в кризис. Но население не становится свободным, биовласть на различные его группы начинают распространять многие *sovgantee*, т.е. различные негосударственные центры силы. Это могут быть, к примеру, различные компании, чья маркетинговая политика оказывает влияние на поведение и лояльность людей.

Власть в мире новой геополитики получают не только коммерческие структуры, но и различные официальные и неофициальные гражданские объединения. Политико-географ и геополитик Пол Рутледж изучал как новые технологии (особенно информационные) способствуют выходу на геополитическую арену широких масс населения, которые бросают вызов несправедливому миропорядку. Интернет подарил протестным движениям требуемую для их эффективного функционирования мобильность организации и координации, а доступность авиаперелетов вместе с прогрессом информационных технологий глобализовали протест. Для социальных движений, с точки зрения Рутледжа, даже больше чем для государств важно информационное освещение в национальных и глобальных медиа, так как свое влияние на глобальную геополитику они оказывают, прежде всего, через вызов символическому порядку, распространение альтернативных идей и т.п. [25]. Рутледж называет описанные практики «анти-геополитикой», так как они по задумке должны бросать вызов традиционной геополитике великих держав. Однако стоит заметить, что протестные движения в современном мире часто оказываются орудием вполне традиционной геополитики гегемона и его ближайших союзников в рамках стратегий управления хаосом.

Параллельно с критической геополитикой в научно-теоретическом дискурсе развивается разнородное направление *геоэкономических исследований*. Между ними и критической геополитикой есть множество пересечений, в первую очередь это касается общего для них тезиса о «закате» традиционной геополитики, укорененной в географическом пространстве. И все же геоэкономика – это отдельное направление мысли, занятое скорее развитием традиционных геополитических концепций, а не их отрицанием. Если критическую геополитику можно назвать постгеополитикой, то геоэкономические исследования – это своего рода «неогеополитика», старающаяся приспособить старые концепции к изменившимся реалиям.

Иллюстрацией таких отношений может служить рассмотрение глобальной структуры мира. Исследователи геоэкономики не утверждают, как критические геополитики, исчезновение всех разделительных линий, они утверждают формирование новых линий взамен старых. Так, все чаще постулируется переход от деления мира на Запад и Восток к разделению на Север и Юг, где последние выделяются по уровню экономического дохода.

Геоэкономические исследования добавляют недостающий элемент к находкам, предложенным критической геополитикой. Успех актора на международной арене зависит не только от распространения на весь мир своей позиции по различным вопросам, идеологии, видения будущего, но и от существования оптимальной для данного актора структуры торгово-экономических связей, финансовых отношений и т.п.

В условиях торжества геоэкономики место традиционных войн заняли экономические войны. Ученый и философ А. И. Неклесса утверждает, что такие войны велись уже во второй половине XX в.: между Японией и США, между «двумя системами», «сырьевыми» и «технологическими» картелями [12]. Э. Г. Кочетов понимает под геоэкономическими войнами «нанесение ущерба невоенными методами по заранее спланированной стратегии оперирования в геоэкономическом пространстве с использованием высоких геоэкономических и геофинансовых технологий» [9, с.68]. Тем самым актор ослабляет своего конкурента, используя экономические средства. По Кочетову, мир вступает в новую эпоху, каждый важный аспект которой определяется геоэкономическими войнами. Это мир «невидимых» конфликтов, «непрямых» действий, высоких экономических и информационных технологий борьбы, особой формы преступлений, подсудности и наказания [9, с.70]. И. П. Черная же, анализируя феномен экономических войн, подчеркивает их ориентированность в первую очередь не на ослабление экономики конкурента, а на защиту, усиление и повышение конкурентоспособности собственной экономики: «соответственно, основная цель геоэкономического агрессора – выработка и укрепление в международном масштабе односторонне выгодных правил, а также их навязывание ближайшим конкурентам» [20, с.36]. По нашему мнению, полное понимание современных геоэкономических войн невозможно без учета обоих аспектов: как наступательного, так и оборонительного.

Можно выделить несколько типов геоэкономических войн. Во-первых, это широко распространенные торговые войны, ведущиеся с целью захватить чужой рынок или защитить собственный. Во-вторых, это финансовые войны – «засылка на “вражескую” территорию крупных партий фальшивых денег; целенаправленная финансовая атака на денежные рынки». В-третьих, «хакерские» войны, связанные со взломом электронных систем с целью не только воровства денег, но и похищения информации о промышленных или правительственных объектах [20, с.39].

Методы ведения геоэкономических войн также бывают различными: торговое эмбарго, экономические санкции, кредиты, демпинговые цены (или наоборот, антидемпинговая политика), увеличение представленности своей продукции в импорте конкурента, привязка собственной валюты к валюте других государств, неэквивалентный экономический обмен и т.д.

В мире геоэкономики есть свой аналог не только войн, но и, например, географических континентов: «экономические континенты», объединенные внутри единым экономическим стилем. И все же экономическая власть не обязательно сосредоточена в четких географических границах. Конкуренция сегодня становится сетевой, что уменьшает важность территорий, богатых ресурсами, и повышает значение финансовых и торговых узлов. Поэтому целью стратегий экономического развития становится часто не вытеснение конкурента с рынка, а включение в сеть, получение доступа к управлению мировыми потоками [20, с.33].

Считается, что в научный обиход понятие «геоэкономика» ввел американский геополитик Э. Люттвак. Особенности современного миропорядка, многие из которых мы разобрали выше, способствуют миграции соперничества из военно-политической в экономическую сферу. Государства сегодня все больше озабочены развитием собственной экономики, а также возможностями влиять на глобальную экономику.

Не обходит стороной Люттвак и тему расширения действующих лиц геополитики / геоэкономики. Значительную власть приобретают частные инвесторы и спекулянты, способные одним решением обрушить даже самые сильные экономики мира. Иерархия силы в геоэкономической структуре мира сегодня связана с феноменом «турбокапитализма» - новой формой капитализма, возникшей вследствие развития финансового и банковского сектора [8]. Именно страны с наиболее развитой системой турбокапитализма доминируют в современном мире (в первую очередь это США и Великобритания).

Существует множество методов ведения экономических войн, но особую роль здесь играет инвестирование страной в НИОКР, что позволяет добиться технологического превосходства над противником [5]. Еще один распространенный сегодня метод – перенос производства в страны с дешевой рабочей силой. Не забывает Люттвак и о важности информационно-идеологического сопровождения предпринимаемых действий.

Как известно, большое внимание экономическому фактору уделяют марксистски ориентированные ученые. Не является исключением и современная постмарксистская геополитика / геоэкономика. Исследователи А. Негри и М. Хардт в своих работах отталкиваются от неоспоримой идеи о глобальном торжестве сил Капитала в современном мире. При этом они утверждают, что, так как у всякой экономической системы существует своя политическая надстройка, эта надстройка есть и у современно глобальной экономики. Ее они называют «Империей», которую

можно понимать как суверенный децентрализованный политический субъект, осуществляющий регулирование глобальных процессов обмена [19, с.12].

Таким образом, Негри и Хардт утверждают наличие глобальной власти в современном мире. В структуру геополитической / геоэкономической власти входят (по убыванию влияния на современные процессы): Соединенные Штаты, «большая семерка», глобальные институты (контролируемые этими державами), транснациональные корпорации, репрезентативные организации (ООН), СМИ, неправительственные организации и др. [19, с.290-294].

На геоэкономической власти капиталистических стран концентрируются также геополитики Д. Слейтер и П. Рутледж. Они подчеркивают геополитические последствия распространения Западом дискурса неолиберализма в современном мире. Призывая уменьшить экономическую роль государства и коммодифицировать общественную жизнь, дискурс, распространяемый международными институтами, повлиял на государства «третьего мира», в которых прошла перестройка экономической политики. В результате эти государства были втянуты в глобализованную рыночную экономику и, тем самым, встали в зависимость от стран Запада. Интересно, что последствия такого вовлечения коснулись не только экономики, но и культуры, политики, социальной жизни этих стран [26].

В особенности пострадали отдельные группы населения: промышленные рабочие, женщины, коренные народы. Поэтому именно они сегодня формируют «анти-геополитические» коалиции против неолиберальных международных организаций, ТНК и доминирующих государств [25]. Наконец, своя концепция геоэкономики есть у известного ученого П. Тейлора. Отталкиваясь от мир-системного подхода, Тейлор ставит в центр своего анализа понятие гегемонии. Государство становится геополитическим гегемоном в случае достижения доминирования в трех сферах – политической, экономической и идеологической. Причем наиболее важно именно экономическое превосходство. Оно достигается в три этапа: превосходство в эффективности производства, достижение преимущества в торговле, доминирование в мировых финансах. Достигнув гегемонии, государство удерживает его также используя преимущественно экономические рычаги, создавая такую структуру экономических сил, которая бы предотвращала создание враждебных коалиций [27].

Теоретическая геополитика, таким образом, претерпела существенные изменения в своем развитии. Она отошла от географического детерминизма классических теорий к «детерриториализированной» критической геополитике, поднявшей вопросы роли новых тенденций, технологий, информации и дискурса, а также к геоэкономике, сделавшей центральным геополитическим вопросом экономические проблемы стран.

Переходя от геополитической теории к геополитическим реалиям, отметим, что конкуренция идет с участием как государств, так и негосударственных акторов (например, террористических организаций). Каждый из акторов может либо проводить собственную геостратегию, либо принимать участие в геополитических объединениях (например, НАТО). Акторы сегодня пытаются осуществлять не только геополитические, но и геоэкономические стратегии, а также большое внимание уделяют вопросу информационного сопровождения своих действий и ведению информационных войн.

После окончания «холодной войны» баланс сил был нарушен, возник миропорядок, где гегемонистским центром силы являлось евроатлантическое сообщество. Война в Югославии (1999 г.) повысила международный авторитет Соединенных Штатов и НАТО, а война альянса в Афганистане (2001 г.) и интервенция в Ливию (2011 г.) способствовали расширению присутствия НАТО в стратегически важных регионах мира. Сформировалась международная система безопасности с доминирующим положением западных стран во главе с США, которые получили возможность преподносить свои национальные интересы как общемировые [2].

Многие исследователи в связи с этим постулируют однополярность современного миропорядка. Но это верно лишь отчасти. По военному потенциалу, который во много определяет геополитические возможности, у Соединенных Штатов Америки действительно нет конкурентов. Однако если речь заходит о невоенных сферах, то имеет место скорее многополярный миропорядок. К примеру, экономическая мощь в мире распределена по трем регионам: Америке, Европе и Азии (прежде всего, Юго-Восточной). Крупнейшими экономическими полюсами силы до недавнего времени являлись США, ЕС и Япония. Однако сегодня очевидно экономическое и политическое возвышение Китая, который уже становится серьезным полюсом геоэкономической и геополитической мощи. Россия сохраняет и укрепляет свое место крупного геополитического игрока за счет ядерного оружия, независимой и амбициозной внешней политики. К увеличению своего геополитического веса стремится и Индия. Происходят попытки консолидации исламских стран (стоит отметить инициативу по введению новой международной валюты – золотого динара). Однако в геополитической структуре происходят не только восходящие, но и нисходящие процессы. В первую очередь это касается Евросоюза, который в последнее время пережил несколько серьезных экономических, общественных

и политических кризисов. Заговорили о перспективе распада этой структуры. Такие державы как Германия, Франция и Великобритания продолжают и продолжат играть существенную роль в мире, но вне единой надгосударственной структуры они не смогут претендовать на роль отдельных серьезных центров силы [20, с. 136-137]. В то же время, союзнические отношения со сверхдержавой и сотрудничество с ней в рамках НАТО создает для них надежную основу для дальнейших геополитических успехов.

По мере роста влияния других полюсов силы у Запада (геополитически объединенного в такой структуре как НАТО) начинают складываться с ними конкурентно-конфликтные отношения. Одна из наиболее серьезных осей геополитического противостояния – нынешний конфликт Запада с Россией. После распада Советского Союза наблюдалось сосуществование двух противоположных тенденций – к сотрудничеству и конкуренции / конфликту между двумя сторонами. Но в последнее время преобладание получает именно вторая тенденция. Отношения между сторонами обострились после косовского, югоосетинского и украинского кризисов, а также находились в постоянном напряжении из-за отсутствия решений по спорным проблемам расширения НАТО на Восток, размещения элементов ПРО США в Европе и адаптации ДОВСЕ [15, с.30]. Более активная позиция России в отстаивании своих национальных интересов интерпретируется как возрождение ее «имперских амбиций», но на самом деле лишь отражает притязания Запада на доминирующую роль в глобальной политике [14, с.45].

Кроме того, действия России используются как предлог для наращивания давления на нее, изоляцию, геополитически мотивированного введения санкций и дальнейшего продвижения инфраструктуры НАТО на Восток. Последовавшее за украинским кризисом исключение России из многосторонних глобальных институтов и заморозка сотрудничества с ней по общим проектам способствуют превращению нынешней системы глобального управления в простую совокупность институтов по продвижению Западом групповых геополитических интересов.

Активизировавшееся давление на Россию после украинского кризиса не случайно. США руководствуются представлениями, разработанными еще в теории Хартленда о стратегической важности контроля над Украиной для влияния на геополитические процессы на обширной территории Евразии. Для России Украина выступает своеобразным плацдармом в Европе, а также является страной, без которой невозможно создать мощный Евразийский Союз. Именно поэтому США пытаются разорвать всяческие связи между этими государствами и народами, эксплуатировать существующие проблемы для вовлечения Украины в орбиту влияния НАТО [2].

Российское геополитическое пространство является одним из ключевых на современном этапе, и попытки нарушить баланс интересов приведет, и уже приводит, к дестабилизации всей системы международной безопасности.

Казалось бы, после украинского кризиса страны НАТО, наконец, нашли ту долгожданную цель, которая бы объединяла их после крушения Советского Союза и восточного военного блока. Однако к заявлениям о начале «новой холодной войны» стоит относиться скорее скептически. Во-первых, этому не способствует сильно изменившийся миропорядок и довольно ограниченные возможности вовлеченных акторов. Во-вторых, геополитическая конкуренция приобретает новые формы.

Повысилась роль информационной геополитики. К примеру, в официальных документах США ставится цель противодействия «российской пропаганде», а Совет директоров телерадиовещателей утверждает одним из основных направлений работы противодействие активности телевизионной компании RT (ранее – RussiaToday) [21].

СМИ России и Запада ведут настоящую информационную войну, предлагая различные интерпретации событий на Украине с целью повлиять на формирование массовых представлений: используются методики фальсификации и монтажа фото- и видеоматериала. Так, в итальянской газете «LaNazione» материал о хаосе в Крыму после присоединения к России сопровождался фотоиллюстрацией штурма здания местной администрации. На самом же деле данная фотография была взята из материалов по событиям в Харькове [4, с.158].

Особенно распространены подобные «войны симулякров» в Интернет-пространстве, где существует возможность массово распространять информацию, в том числе через поддельные аккаунты, а доверие людей к горизонтальным коммуникациям добавляет этому пространству авторитетности. Так, в российском сегменте интернета в связи с украинскими событиями появляется большое число информационных вбросов, вирусно распространяемых пропагандистских материалов, призванных сформировать представление у жителей России о своей стране как агрессоре, а также дискредитировать руководство страны.

Информационная война сопровождает и события в Сирии, где российские вооруженные силы проводят операцию против вооруженных формирований, в частности, ИГИЛ. В целях дискредитировать вмешательство России в это напряженное геополитическое пространство проводится информационная работа, направленная на формирование образа российских военных как «жестоких», массово уничтожающих гражданское население. Различные СМИ и Интернет-ресурсы по-разному интерпретируют такие вопросы гражданской войны в Сирии как причины конфликта, применение химического оружия, исполнение международных договоренностей и т.д. с целью оправдать действия одной стороны и дискредитировать действия другой.

В качестве примера приведем интерпретацию событий в известном интернет-портале Википедия. Русскоязычная версия, освещая начало конфликта, подчеркивает то, что акции протеста проходили по тому же сценарию, что и события в Тунисе и Египте. Также подчеркивается жестокость протестующих, обращается внимание на жертвы со стороны представителей правопорядка, акты вандализма, поджогов. В англоязычной версии протесты в Сирии рассматриваются как народное восстание и часть «Арабской весны», причины которой лежат в коррупции и нарушении прав человека со стороны правительств региона. В статье обращается внимание на жестокость правительства по отношению к оппозиции [18].

Для обоснования геополитических инициатив используются и дискурсивные приемы, например, метафоры. Для оправдания войны в Персидском заливе США активно использовали «сказку о справедливой войне», в которой у каждой вовлеченной страны была своя роль: Кувейт изображался как «невинная жертва», Ирак – как «жестокий злодей», а США – как «доблестный спаситель»². В Иракской войне 2003-2011 г. США повторно использовали «сказку о справедливой войне», где «невинной жертвой» были пострадавшие жители США, «жестоким злодеем» - международный терроризм во главе с Усамой Бен Ладеном, а «доблестным спасителем» - опять же США.

Описание современной геополитической конкуренции будет неполным без обращения к ее экономической составляющей. Современная геополитическая практика во многом ориентирована именно на захват и удержание рынков сбыта производимой страной продукции, защиту собственного рынка и достижение в целом выгодной для актора структуры экономических связей.

Наиболее заметной сегодня является геоэкономическая стратегия Соединенных Штатов. За счет доллара США они получили огромные возможности для продажи собственной продукции (самолеты, военная техника, электроника и т.д.). Это дало им возможность получать доходы и сверхдоходы и, в дальнейшем, инвестировать их в новейшие технологии. Несомненно, это дает американским производителям фундаментальное преимущество над всеми остальными, которые вынуждены конкурировать за оставшиеся рынки.

Однако в данный момент США уже смирились с подъемом новых национальных экономик и интеграционных объединений и мыслью о уже происходящем переходе к многополярной структуре мировой экономики. Это понимание приводит к трансформации американской экономической доктрины. Намечилось изменение роли государства в экономике и обществе, активизировалось использование рычагов воздействия на международные институты с целью продвижения интересов страны.

В геоэкономическом арсенале США прочно обосновались такие методы торговой войны как эмбарго и экономические санкции. Известны примеры применения Соединенными Штатами торгового эмбарго против Кубы (1962 г.), талибов в Афганистане (1999 г.), Мьянмы (2003 г.). По подсчетам исследователей, с 1918 г. по 1998 г. Соединенные Штаты применяли экономические санкции 115 раз против 73 стран. Важно помнить, что целью таких политически мотивированных санкций является не только давление на противника, но и повышение страной собственного престижа, утверждение своей активной роли в мировом политическом процессе [20, с.37]. В украинском кризисе США продолжили использовать методы санкций и различных ограничений (с возможностью отключения страны от системы международных расчетов SWIFT, межбанковского финансирования и т.д.) для ослабления основных противников и повышения своего престижа.

Также наблюдается оппозиция США созданию и развитию региональных экономических объединений в различных частях мира [17]. Но именно интеграционные объединения как раз

² В арабском же мире при интерпретации событий войны использовались семейные метафоры. Конфликт между Ираком и Кувейтом изображался как «дело семейное», касающееся только двух стран, одно из которых (Кувейт) было «младшим братом», а другое (Ирак) – «старшим братом», который имел право проучить младшего. См. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 58-59

становятся основой экономической мощи других стран, прежде всего, России, Китая и Индии. Для успеха в будущем им потребуется расширение и усиление региональных и субрегиональных альянсов [17].

Так, в последнее время со стороны России и Китая активизировалась деятельность по формированию и развитию региональных геоэкономических пространств сотрудничества. Китай в 2013 г. выдвинул инициативу «Один пояс и один путь», объединяющую идеи «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Суть инициативы заключается в создании на пространстве Евразии с помощью двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействия широкой зоны сотрудничества, процветания и развития. Со стороны России в разное время выдвигались различные проекты регионального взаимодействия. Один из них – Трансевразийский пояс «RAZVITIE», вызванный к жизни, прежде всего, задачей обустройства Востока России с целью снизить геополитическую напряженность, решить неотложные проблемы и воспользоваться огромным потенциалом территории. Оба проекта в перспективе могут объединиться, направив усилия в единое русло создания широкого пояса развития и процветания [17].

Интересный объект для анализа представляет текущая экспансионистская геоэкономическая стратегия КНР. Китайское руководство знает о том, что возможности страны на крупных рынках Европы и США серьезно ограничены, поэтому обращается к пустующим нишам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Африки и Латинской Америки. Китай создает объемные рынки сбыта продукции, инвестируя средства через созданные им инструменты поддержки своего экспорта и предлагая странам небольшие «бонусы» вроде строительства инфраструктуры в регионах, обещаний крупных инвестиций и т.п. Совокупные инвестиции Китая в государства Африки уже достигают \$40 млрд. Понимая необходимость защитить свои экономические проекты, КНР анонсировала строительство своей первой зарубежной военной базы на побережье Джибути [10]. Как видим, геоэкономические стратегии довольно часто сочетаются с военно-политическими стратегиями в духе классической геополитики.

Российское геоэкономическое положение определяется стратегиями крупных российских компаний (ТНК), а также, все в большей степени, правительством. Переплетение политики и экономики характерно, к примеру, для «торговых войн», которые, как утверждают некоторые исследователи, в последнее время ведет Россия с некоторыми странами с целью оказать на них давление. Россия использовала стратегию торговых санкций, запрещая поставки грузинского вина и минеральной воды, молдавского вина и т.д. [20, с.37-38].

Что касается положения российских компаний в мире, то они в силу объективных причин заметно позже компаний развитых стран мира вышли на мировой рынок. Им пришлось развиваться в условиях жесткой конкуренции с крупнейшими и опытнейшими компаниями мира часто на уже занятых рынках. Это касается, в том числе и российского рынка, где активно работают зарубежные ТНК. Российские компании проигрывали в конкуренции с этими гигантами, что заканчивалось их уходом с рынка [1]. И все же ряд российских компаний проводит весьма успешный курс по транснационализации своей деятельности. Сюда можно отнести, например, нефтегазовые компании «Газпром» и «ЛУКОЙЛ», а также сталелитейную и горнодобывающую компанию «Северсталь». Вообще, именно топливно-энергетические компании первыми среди российских компаний стали разрабатывать и реализовывать стратегии зарубежной экспансии. Особенно стоит выделить деятельность «Газпрома», крупнейшей газовой компании в мире. На компанию приходится 66% российской и 11% мировой добычи газа [13]. Важность деятельности компании для экономической безопасности России объясняется тем, что она обеспечивает 20% всех поступлений в федеральный бюджет [1, с.104].

Компания реализует стратегию «глобального присутствия», участвуя в проектах по разведке, добыче, транспортировке и сбыту нефти и газа в различных странах, участвуя в конкурсах и аукционах, производя обмен активами и т.п.

И все же российские нефтегазовые ТНК не так эффективны, как другие крупные компании в этом секторе. Если в других компаниях на продажу нефти приходится не более 50% всех доходов, то российские компании основную прибыль извлекают именно из экспорта нефти. Проблема в том, что они «не имеют доступа к необходимым нефтеперерабатывающим и нефтехимическим мощностям и рынкам сбыта» [1, с.106]. Уязвимость геоэкономической опоры на экспорт углеводородов связана с возможностью обвального сокращения спроса на них, что приводит к снижению продаж, прибыли, поступлений в бюджет, экономическим проблемам.

Региональное измерение зарубежной активности российских компаний таково. До недавнего времени российские зарубежные инвестиции были сосредоточены преимущественно в странах СНГ,

так как компании были заинтересованы в получении доступа к природным ресурсам. Это привело к ситуации явного доминирования российских инвестиций на этом пространстве. Все больший интерес российские компании проявляют к рынкам Африки. Здесь в жесткой конкуренции с западными и китайскими компаниями делают инвестиции такие российские компании как «Евраз», «Алроса», «Русал», «Ренова». Российские инвестиционные проекты в таких странах как Венесуэла, Вьетнам, Куба и Бразилия имеют значительную политическую мотивацию. Стоит отметить ценное конкурентное преимущество российских компаний при работе на развивающихся рынках – опыт и навыки работы на таких рынках, накопленный в советское время и учитывающий специфику работы в этих странах [1, с.108].

Если говорить об общих преимуществах России, которые позволяют ей с успехом справляться с геоэкономическими вызовами, то сюда можно отнести уникальное географическое положение, большие запасы природных ресурсов, высокий уровень образования, наличие высокотехнологичных отраслей (оборонный комплекс, космонавтика). Стоит также выделить недостатки: недофинансированность инновационных компаний, ограниченность доступа к банковскому кредитованию, неравномерность территориального развития, изношенная инфраструктура [10, с.321].

Совершенствование геоэкономической стратегии связано с устранением данных недостатков, а также с такими мерами как внедрение новых технологий, модернизация производственных мощностей, совершенствование управления, увеличение эффективности использования имеющихся активов, успешный поиск новых рынков сбыта продукции [1, с.103]. Для успеха на зарубежных рынках компаниям не достаточно быть эффективными, опытными и грамотными в области своей специализации. Некоторые трудности возникают по политическим, идеологическим, культурным и тому подобным причинам. Эта проблема касается, например, стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где российские компании сталкиваются с негативным отношением и предубежденностью. Иногда такое отношение искусственно поддерживается конкурентами, стремящимися вытеснить российские компании с рынка. Они применяют различные средства информационного воздействия на политиков и общественное мнение, создавая и закрепляя в прессе и общественных представлениях негативный образ России и ее компаний. Нельзя также забывать о прямом лоббировании компаниями решений в политических кругах. В то же время информационные и политические атаки на российские компании часто инициируются самими политиками. Примером препятствования в осуществлении российскими компаниями прямых иностранных инвестиций можно назвать сделку по приобретению «Русалом» 20% акций австралийской алюминиевой компании «QueenslandAluminaLtd» в 2005 г. Для завершения сделки «Русалу» необходимо было побороть настороженное отношение к себе, получить одобрение местных властей, различных государственных органов, акционеров и других алюминиевых компаний. Завершение сделки состоялось лишь через полтора года после победы на конкурсных торгах [1, с.111].

Именно поэтому такое большое значение имеет частный и государственный маркетинг, проведение информационных кампаний, продвижение российской культуры и традиций, улучшение образа страны за рубежом и в целом политика всесторонней поддержки государством деятельности российских компаний на международной арене.

Аналогами геополитической борьбы за сферы влияния в геоэкономике можно назвать борьбу за рынки сбыта. В области военно-технического сотрудничества (ВТС) наблюдается конкуренция Соединенных Штатов и России. Борьба идет, к примеру, за рынок Бразилии, которая является нейтральной в сфере ВТС, закупая оружие как у РФ, так и у США. Основная борьба разворачивается в рамках прорабатывающегося уже несколько лет конкурса на системы ПВО. В борьбе массово применяются недобросовестные методы, например, вбросы информации по поводу российской продукции и коррупционных методов ведения бизнеса Россией. Вопрос с конкурсом в Бразилии затягивается, прежде всего, по электоральным причинам: власти постоянно переносят и откладывают тендер на потом, боясь поражения на выборах и надеясь на постепенное снижение информационного напряжения. Борьба между Россией и США идет и за военно-технический рынок Индии, где также проводится информационная работа по дискредитации продукции и поставок соперника.

Серьезная конкуренция наблюдается в смыкающейся с экономикой энергетической сфере. Не секрет что на фоне нестабильности цен на углеводородное сырье в последнее время происходит политизация топливно-энергетической сферы. Проблема обеспеченности энергией особо остро стоит для европейских стран. Манипуляции энергией и потенциальные угрозы поставкам для членов НАТО обсуждаются на уровне этой структуры. Для противодействия этим вызовам предлагается задействовать Силы реагирования НАТО. Особенно активно на этом настаивают восточноевропейские страны. Политизируются вопросы добычи и транспортировки энергоресурсов. Показательна здесь конкуренция за ресурсы Каспийского региона, где с российскими компаниями конкурирует Европа,

Китай и США, пытающиеся блокировать каналы транспортировки по территории России. Другим известным примером политизации энергопоставок служит спор Украины с компанией «Газпром» по вопросам цен в 2006, 2008 гг. и с 2014 г. Во всех случаях Украина намеренно обостряла кризис, перенаправляя его в Европу [14, с. 46-47].

В целом сегодня страны используют две основные геоэкономические стратегии борьбы за рынки. Во-первых, это защита собственных рынков. Практически повсеместно страны начали закрывать собственный рынок от внешнего проникновения. В качестве примеров сюда можно отнести политику Индии «MakeinIndia», негласную политику КНР по отказу от внешних закупок, серьезные демпинговые барьеры на рынке Европы, фактическое закрытие Соединенными Штатами своего рынка от лишней конкуренции, определенные ограничения на рынке АТР. Что касается российского рынка, то он остается относительно либеральным, но по некоторым типам продуктов также наблюдается тенденция закрытия собственного рынка. Поэтому открытыми для конкуренции рынками можно назвать в основном только оставшиеся крайне небольшие рынки Африки и Латинской Америки. Во-вторых, страны стремятся защитить свой экспорт. США стремятся отстоять уже завоеванные рынки, в то время как Китай и Россия борются за приращение рынками. Что касается Евросоюза, то у него отсутствует единая стратегия по вопросам экспорта.

По нашему мнению, геополитическая борьба сегодня идет именно за создание наиболее позитивных и выгодных условий присутствия на тех или иных рынках. Наблюдается серьезная тенденция к огосударствлению экономики практически во всех странах мира, и очевидно, что решения по экономическим вопросам все чаще принимаются не в бизнес-центрах, а в администрациях и министерствах. При этом, принимая экономические решения, политики начинают руководствоваться не только политическими, но и экономическими соображениями. Геоэкономическим стратегиям, также как и классическим военно-политическим, необходимо информационное сопровождение, которое позволяет легитимировать и делегитимировать определенные шаги в глазах широкой общественности.

Статья поступила в редакцию 15.12.2017

Список литературы

1. Байдаков, М. Ю. Геоэкономика и конкурентоспособность России: научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: науч.-аналит. докл. / М. Ю. Байдаков, Н. Ю. Кониная, Э. Г. Кочетов [и др.]; под науч. ред. Э. Г. Кочетова. – М.: Книга и бизнес, 2010. – С. 102-113
2. Буденный, А. А. Украина в центре геополитического столкновения США и НАТО с Россией / А. А. Буденный // Россия и Америка в XXI веке. – №3. – 2015. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=457> (дата обращения: 05.12.2017)
3. Быков, А. Информационная сущность геополитики / А. Быков // Космополис. – №3(22). – 2008. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/03.pdf (дата обращения 14.10.2017.)
4. Володенков, С. В. Медиапространство в системе современного политического управления массовым сознанием / С. В. Володенков // Вестник Российской нации. – 2015. – № 6. – С. 156-163.
5. Горев, А. Эдвард Люттвак. Анализ его книг и статей: уже изданных в России и еще не переведенных на русский язык // Государственный переворот: практическое пособие. – М.: Университет Дм. Пожарского, 2012. – 323 с.
6. Григорьева, О. В. Дискурс, война и терроризм / О. В. Григорьева // Политическая лингвистика. – 3(29). – 2009. – URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling29/ling_29_17.pdf (дата обращения : 12.11.2017)
7. Дугин, А. Г. Геополитика постмодерна / А. Г. Дугин. – М.: Амфора, 2007. – 382 с.
8. Дугин, А. Конец экономики / А. Дугин. – СПб.: Амфора, 2010. – 479 с.
9. Кочетов, Э. Г. Геоэкономические войны и глобальная безопасность (формирование «новой ответственности» и поиск институциональных форм ее закрепления) / Э. Г. Кочетов // Вооружение и экономика. – 2012. – № 2(18). – С.68-76.
10. Кочетов, Э. Г. Инновационное обустройство глобального мира (Россия-Китай: стыковка широтных геоэкономических поясов - меридиональные связки) / Э. Г. Кочетов // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – № 3(158). – С. 7-19.
11. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. Н. Петренко, Д. Б.Фролов. – М.: МИФИ, 2004. – 392 с.
12. Неклесса, А. Эпилог истории / А. Неклесса // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998. – № 5.

13. О «Газпроме» // Газпром. Официальный сайт. - URL: <http://www.gazprom.ru/about/> (дата обращения : 12.10.2017)
14. Полулях, Д. С. Основные противоречия в системе отношений Россия. – НАТО / Д. С. Полулях, Д. Н. Калачев // Экономика и политика. - 2015. - № 1 (4). - С. 44-50.
15. Полулях, Д. С. Россия – НАТО в контексте кризиса системы глобального управления / Д. С. Полулях, Д. Н. Калачев // Геополитический журнал. - 2015. - № 2 (9). - С. 27-33.
16. Полулях, Д. С., Чихарев И. А. «Гибридная война»: реконструкция против деконструкции / Д. С. Полулях, И. А. Чихарев // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Издательство московского университета, 2015. - С. 89-105.
17. Ревенко, Л. Конкурентоспособность стран РИК в новых условиях / Л. Ревенко // Международные процессы. – Том 13. – № 4. - URL: <http://www.intertrends.ru/forty-third/Revenko.pdf> (дата обращения 17.10.2017).
18. Смирнов, Н. А. Информационная война в Сирии / Н. А. Смирнов // Вестник МГИМО Университета. – №1(40). – 2015. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-v-sirii#ixzz4HnjSgV9I>
19. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. - М.: Праксис, 2004. – 437 с.
20. Черная, И. П. Геоэкономика / И. П. Черная. – М.: Дашков и К, 2012. – 248 с.
21. Шариков, П. А. Информационные операции в современной военной стратегии США. Анализ доктринальных документов Министерства обороны и Государственного департамента США / П. А. Шариков // Россия и Америка в XXI веке. – №1. – 2015. - URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=438> (дата обращения: 4.10.2017)
22. Dodds, K. Geopolitics: A Very Short Introduction / K. Dodds. - Oxford University Press, UK, 2007. – 231p.
23. Luke, T. W. Fixing Identity, Fabricating Space: Sovereignty and Territoriality After the Cold War. Presented at the annual meeting of the Association of American Geographers, March 27– April 2, 1994. - URL: <http://www.cddc.vt.edu/tim/tims/Tim382.PDF>
24. O'Tuathail, G. At the end of geopolitics? Reflection on a plural problematic at the century's end / G. O'Tuathail // Alternatives. Boulder: Lynne Rienner, 1997. - Vol. 22. - P. 35–55.
25. Routledge, P. Anti-geopolitics / P. Routledge // A companion to political geography / J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal (eds.). - Blackwell, 2002. - P.236-247.
26. Slater, D. Geopolitics and the Post-Colonial: Rethinking North-South Relations / D. Slater. - Wiley-Blackwell, 2004. – 296 p.
27. Taylor, P. J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality (4th edition) / P. Taylor, C. Flint. - Harlow: Prentice Hall, 2000.
28. Wilson, J. Political discourse / J. Wilson // The Handbook of Discourse Analysis. D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). - Blackwell Publishers, 2001. - 872 p.

Chikharev, I. A., Brovko, V. U. *Contemporary geopolitics: information and economic aspects*

The article is devoted to the crisis of classical geopolitics and the formation of the modern trend – critical geopolitics, in which the transition from the analysis of geopolitical reality to the analysis of geopolitical discourses. Attention is paid to the key role of the media of information policy in the spread of geopolitical discourses. The features of modern geo-Economics as a heterogeneous direction developing in parallel with critical geopolitics are determined.

Key words: geopolitical discourse, critical geopolitics, geo-Economics, geo-economic wars, information policy.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 8
2017

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 21.12.2017. Формат 60×84/8. Заказ № 93/17.
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7